

Константин VII Багрянородный и названный его именем труд

Г.Г. Литаврин

1. Константин Багрянородный: человек и император

Личная судьба Константина VII Багрянородного была, пожалуй, наиболее трудной по сравнению с обстоятельствами жизни других представителей Македонской династии. Считаясь наследником престола, Константин – царственный ребенок, затем юноша, молодой человек и зрелый мужчина – в полной мере испытал на себе отсутствие в политической теории и практике империи твердого принципа наследственности императорской власти. Уже само рождение Константина сопровождалось крупным политическим и общественным скандалом. Сын Льва VI Мудрого (886–912) и красавицы Зои Карвонопсиды (букв. «Огненноокая»), Константин был, в сущности, внебрачным ребенком¹. Браки Льва VI складывались поразительно несчастливо: его жены умирали одна за другой. За девять лет, с 892 по 901 г., он похоронил трех жен. Две первые оставили ему дочерей, а третья умерла при родах вместе с едва появившимся на свет сыном. Несчастный император не смел вступить в четвертый брак — церковь решительно его запрещала. Даже третий брак каноны разрешали в исключительных случаях, и Льву VI стоило немалых усилий обвенчаться с предшественницей Зои Евдокией.

Константин родился в мае 905 г.². Невыразимо обрадованному отцу, обретшему, наконец, наследника, предстояла тяжелая борьба, чтобы добиться узаконения прав рожденного вне брака сына. В апреле 906 г. императора и Зою тайно обвенчал во дворце простой священник. Однако законность брака не была признана властным патриархом Николаем Мистиком (901–907 и 912–925), и его вердикт сохранял силу, хотя Мистик вскоре потерял трон. Лишь в конце следующего года, после того как Лев VI издал специальную новеллу, закрепляющую и светским законодательством запрет четвертого брака (таково было условие нового патриарха Евфимия; 907–912), брак Льва VI и Зои был признан церковью, и Константин обрел права императорского сына. 15 мая 908 г. трехлетний мальчик был венчан как соправитель отца. Однако он был не единственным соправителем Льва VI. Таковым был также его дядя Александр, младший брат отца, коронованный еще Василием I ок. 30 лет назад.

11 мая 912 г., в праздник – день основания Константинополя, традиционно отмечавшийся с 330 г., Лев VI умер, поручив заботы о сыне своему брату Александру, который, как утверждала молва, не только не питал теплых чувств к племяннику, но и намеревался уничтожить или искалечить его физически. Подтверждение этого замысла усматривали в немедленной после воцарения Александра ссылке матери Константина Зои и опале сановников и слуг, приближенных ко Льву VI. Впрочем, планам Александра, если он их действительно вынашивал, не суждено было сбыться: 6 мая 913 г. он скоропостижно скончался. Константин, таким образом, оказался единственной венценосной особой на троне империи. В составе регентского совета при малолетнем автократе (самодержце) оказались вновь ставший при Александре патриархом Николай Мистик и командующий императорским флотом (друнгарий флота) Роман Лакапин, а также возвращенная из ссылки мать Константина Зоя. Затяжные тяжелые войны с Болгарией, вспыхнувшие снова с 913 г., обусловили повышение при дворе роли военных, в том числе Романа Лакапина, пользовавшегося поддержкой столичной

¹ *Oikonomidès N. Leo VI's Legislation. P. 175–193.*

² *Ševčenko I. Poems. P. 187–228.*

бюрократии и части провинциальной знати. Его планам содействовал, по-видимому, и патриарх, перенесший неприязнь к Льву VI и Зое на их сына. Зоя и Константин оказались, в сущности, в полной власти упомянутых двух регентов.

В 919 г. 14-летний Константин получил в жены дочь Романа Лакапина Елену и присвоил тестю высокий чин василеоатора («отца императора»), предоставивший ему преимущественное право среди других вельмож участвовать в управлении империей. Осенью следующего года Константин венчал Романа как кесаря (титул давался, как правило, лишь близким родичам императора³), а в конце того же года – как своего соправителя. Регент, тесть и соправитель, Роман I Лакапин (920–944) перехватил по сути дела у юного Константина бразды правления империей на предстоящую четверть века, обнаружив большие организаторские способности и умение путем искусных компромиссов добиваться главной цели.

Истинные намерения Романа I, дававшего при назначении его регентом клятву синклиту не посягать на царскую власть, обнаружились менее чем через полгода: в мае 921 г. Роман I венчал (руками зятя) в качестве соправителя своего старшего сына Христофора. Последовала целая серия мер, направленных на постепенное лишение Константина VII прав на реальное участие в делах государства. В следующем году Роман I оказался в ранге главного императора (автократора). Между 922 и 924 гг. Христофор был выдвинут на второе место, непосредственно вслед за отцом, а Константин оттеснен на третье⁴; в декабре же 924 г. соправителями отца стали и два других сына Романа I — Стефан и Константин⁵. В 933 г., наконец, была устранена и всякая оппозиция Роману со стороны высшего духовенства: его младший сын 16-летний Феофилакт занял трон патриарха Константинополя. Положение представителей семьи Лакапинов на троне казалось незыблемым.

Судя по данным 51-й главы труда «Об управлении», зятем Романа I и вдовствующей императрицей Зоей не просто пренебрегали во дворце: их держали под бдительным и враждебным надзором. Они остро ощущали нависшую над ними опасность. Обстановка в семье изменилась, вероятно, после смерти Христофора в 931 г. Старый император не возвел Стефана в ранг умершего сына, и на втором месте оказался Константин Багрянородный. Среди Лакапинидов начались, по-видимому, раздоры. Оживились и силы, стоявшие за спиной законного наследника престола. В числе приверженцев Константина VII, стремившихся обеспечить ему самодержавную власть в качестве непосредственного преемника Романа I, находилась жена Константина Елена, готовая ради мужа действовать и против отца, и против братьев. Скоро в их лагере оказался и внебрачный сын Романа I дворцовый евнух Василий Ноф, обладавший острым умом и неукротимым честолюбием⁶.

Конечно, атмосфера во дворце накалилась еще более после того, как Елена родила в 938 г. сына, которого в честь деда назвали Романом. Беспокойство сыновей Романа I Стефана и Константина за свои права на трон резко возросло. Есть основания для предположения, что Константин VII и действовавшая в его пользу группа царедворцев сумели приблизить развязку, использовав обстоятельства заключения византийско-

³ Участник ученого кружка Константина VII Продолжатель Феофана (а, возможно, сам Константин) пишет, что титул кесаря был почти равен императорскому и самому царю не просто было сладить с носителем этого достоинства, сопричастного к высшей власти (Theoph. Cont. P. 236.12–14).

⁴ Михаил Пселл ошибается, заявляя, что Роман I, превратив «законное самодержавие в преступнейшее многовластие», сделал легитимного наследника пятым, «вроде пристяжного коня» (Пселл. Краткая история. С. 345). Впрочем, Р. Дженкинз верит Пселлу (Jenkins R.J.H. General Introduction // DAI. I. P. 7).

⁵ Ostrogorsky G. Geschichte. S. 225.

⁶ Brokkaar W.G. Basil Lecapenus. P. 199–224.

русского договора осенью 944 г. Дело в том, что согласно сохранившемуся русской летописью тексту договор был подписан со стороны империи Романом, Константином и Стефаном (имена приведены именно в этом порядке). Ясно, что Константин здесь – Константин VII Багрянородный, получивший, следовательно, с 931 г. (смерть Христофора) снова ранг главного среди соправителей: сын Романа I Константин был моложе Стефана и не мог быть назван ранее его. В таком случае следует думать, что сын Романа Константин чем-то прогневил отца и ему не было позволено вообще подписаться под договором. Так или иначе, но Константин VII и его сторонники сумели направить недовольство сыновей Романа против их отца, и 16 декабря 944 г. Роман I был ими низложен и сослан на о-в Прот, один из Принцевых островов близ столицы, а через 41 день, 27 января 945 г. они были, в свою очередь, беспрепятственно арестованы по приказу Константина VII и отправлены в ссылку. Вскоре, на пасху, 6 апреля того же года Константин венчал как соправителя своего сына Романа (II).

Числясь императором с трех лет, Константин подлинно стал им лишь в возрасте сорока. Будучи столь долго отстраненным от управления империей, он пытался заполнить досуг, самостоятельно повышая уровень своего образования, хотя бы в пределах тривиума и квадравиума. Во всяком случае, похвалы его учености, утвердившиеся в литературе, страдают преувеличениями. Он, безусловно, был самым образованным среди венценосцев Македонской династии (превосходя в этом отношении, скорее всего, даже собственного отца Льва VI, прозванного Мудрым⁷, а тем более своего неграмотного деда, дядю, сына и внуков), но значительно уступал таким своим современникам, как патриарх Николай Мистик, Симеон Логофет, Александр Никейский и др. Образование Константина VII не было, по всей вероятности, систематическим. Латыни он не знал. Познания его в истории были также довольно поверхностными.

Что же касается личных качеств «закомплексованного» Константина, якобы скорее литератора (как полагали, не заботясь об аргументах)⁸, чем императора, то тексты сохранившихся под именем Константина трудов отнюдь не оправдывают подобные догадки. Они позволяют судить, хотя также предположительно, о более важном в личной жизни Константина – об отношениях, которые в середине 40-х — начале 50-х годов сложились между отцом (Константином VII) и сыном (Романом II). Личные реплики императора в труде «Об управлении», обращенные к сыну, исполнены заботы и тревоги не только за него, но и за его способности в качестве василевса противостоять обстоятельствам.

До шести–семи лет Роман, по всей вероятности, не слишком часто общался с отцом: по обычаям той эпохи в раннем возрасте знатные мальчики постоянно находились на женской половине, в гинекее, и только потом они поступали на воспитание к дядьке; с ним они находились неотлучно, и с отцом их общение становилось регулярным. Конечно, до семи лет в окружении Романа преобладали люди, близкие к Лакапинам, и отец вряд ли имел на сына какое-либо влияние. Однако и после 945 г. это влияние, как видно, не стало определяющим: все, что известно об образе жизни, интересах и поведении Романа II, свидетельствует о том, что отец и сын были по духу чужими друг другу людьми. Предполагают, что непосредственно воспитанием Романа занимался Василий Ноф. Если это верно, следует сделать вывод, что набожный и суровый евнух вызвал неприязнь племянника⁹: умирая, Константин VII поручил заботы

⁷ Михаил Пселл оценивает весьма скромно образованность Льва VI: он изучал философию, но не развитую Платоном и Аристотелем, а основанную Пифагором, связанную с магией и колдовством. Сочинения его лишены изящества и ясности, послания говорят об образованности, но скучны (*Пселл. Краткая история*. С. 343–344).

⁸ См. об этом: *Beaud V. Le savoir et le monarque*. P. 551–564.

⁹ *Brokkaar W.G. Basil Lecapenus*. P. 213, 215–217.

о сыне не Василию Нофу, а другому евнуху, врагу Василия, Иосифу Вринге¹⁰. Не случайно упоминания о Василии Нофе исчезают со страниц источников, сообщающих о времени правления Романа II (959–963). Не случайно и то, что, придя к власти, Роман II подверг опале большую часть сановников, пользовавшихся влиянием при Константине VII. Возможно, не случайны, наконец, и упорные слухи после смерти Константина VII, что дело не обошлось без яда, данного свекру с согласия мужа женой Романа II¹¹ Феофано. Общественность столицы была в целом лояльна к Константину VII; современники порицали его главным образом за пристрастие к вину, а Романа — за страсть к удовольствиям, предаваясь которым, он рано утратил здоровье и внезапно скончался на 25-м году от роду.

Константин в обращении к сыну проводит мысль о благородстве царского рода. Некоторые исследователи полагают даже, что в вопросе о брачных отношениях знатность рода претендующих на родство была для Константина важнее, чем разница вероисповедания¹². Вполне вероятно также, что серьезные огорчения отцу доставила и женитьба своего ровного царевича (ок. 956 г.) на дочери харчевника Анастасии (Феофано). Сама Феофано ненавидела старшую царственную пару, стоявшую на пути к всевластию молодой четы. Эта чета и стала центром сплочения оппозиции Константину VII со стороны крупной землевладельческой знати, недовольной его аграрной политикой, которая, как и политика Романа I, была направлена на укрепление централизованных форм эксплуатации и в целом отвечала интересам гражданской знати: именно ее благосостояние основывалось прежде всего на выдачах из казначейства, а не на доходах с частных земельных владений. Как показали последующие события, юный Роман II не испытывал теплых чувств ни к отцу, ни к матери, ни к родным сестрам (мать он после смерти отца пытался удалить из дворца, а сестер заточил в монастырь).

Еще накануне низложения Романа I Лакапина, в июне 941 г., Константин VII в письме к Феодору, митрополиту Кизикскому, с которым император был дружен до конца жизни, жалуясь на одиночество, писал, цитируя 37-й псалом¹³, о неверных друзьях и об отчуждении родственных лиц¹⁴. Вряд ли отношения в семье изменились к лучшему и спустя десятилетие после этого письма. Не исправило их и рождение в начале 958 г. у Романа II и Феофано сына, внука Константина VII – будущего императора Василия II Болгаробойцы¹⁵.

Ко времени завершения работы над трудом «Об управлении империей» Роману было, как уже говорилось, 14 лет – возраст достаточный для того, чтобы объективно оценить его недостатки и достоинства как человека и будущего самодержца. О том, что отец наследника Константин VII был способен трезво судить о людях по их делам, не руководствуясь только личными симпатиями и антипатиями, свидетельствует его умение использовать опыт, талант и знания выдающихся гражданских и военных сановников. Об этом же говорят и некоторые ремарки самого императора в публикуемом здесь его сочинении относительно Романа Лакапина, да и сама политика Константина, представлявшая собой по крупному счету продолжение политики его тестя.

Видимо, недалеко от истины заключение, что Роман II рос слабым и порочным, не

¹⁰ *Μαρκοπούλος Α. Ἰωσήφ Βρίγγας*. Σ. 34–95.

¹¹ *Io. Scyl.* P. 246.

¹² Формулировка слишком широка: Константин, конечно, не допускал и мысли о родстве с язычниками и мусульманами, сколь бы знатным ни признавался их род.

¹³ Псалтирь, 37.12: «Друзья мои и искренние отступили от язвы моей, и ближние мои стоят вдали».

¹⁴ *Ep. Byz.* P. 324.17–19. См. Приложение I.

¹⁵ *Oikonomidès N. La cronologia*. P. 172–175; *Ševčenko I. Poems*. P. 211.

оправдывая надежд отца и вызывая нарастающую тревогу Константина за судьбу сына¹⁶. Пожалуй, закономерен также вывод, что Роман вообще не утруждал себя изучением каких-либо наук, и это сильно огорчало его отца. Поэтому Константин VII, возможно, и поспешил с составлением поучений-руководств для Романа – о том, как «править и руководить мировым кораблем» (гл. 1.7–8)¹⁷. Мысль о том, что это был дар отца к 14-летию сына, – конечно, только гипотеза. Дар такого рода вряд ли был встречен легкомысленным наследником с восторгом. Да и у отца имелись также иные мотивы, помимо дня рождения сына, для написания руководства по управлению империей: Константин истомился в ожидании власти, которой его так долго лишали, хотя он был, разумеется, давно убежден в том, что лучше всех знает, «что и как надо делать». Став автократом, он, видимо, и пожелал поскорее поведать ближним о давно известном ему искусстве управлять.

Государственными делами Константин VII занимался во всяком случае с января 945 г. до конца своей жизни. В какой мере к ним был причастен в конце 950-х годов Роман II, источники умалчивают. Вполне вероятно, участие это было минимальным. В сентябре 959 г. старший император отправился на Олимп (в Малой Азии), где в одном из монастырей принял монашество его друг Феодор Кизикский. Официальной целью поездки была объявлена подготовка к походу против арабов, а действительным намерением было будто бы желание Константина посоветоваться с другом о мерах, которые надлежало принять для низложения патриарха Полиевкта, втайне интриговавшего против императора. На обратном пути Константин простудился и 9 ноября умер¹⁸. Похороны Константина VII, как некогда и реакция константинопольцев на устранение Лакапинидов в январе 945 г., показали, что ученый император пользовался популярностью в городе. Его жителей устраивала политика благоприятствования и льгот для столицы, традиционная для василевсов Македонской династии. Импонировала горожанам и сама представительная внешность царя: он был высок, строен, голубоглаз, красив¹⁹.

До недавнего времени в историографии нередко высказывалась основанная на некритическом прочтении источников точка зрения, согласно которой Константин VII не занимался делами государства: он будто бы возложил их на свою жену Елену, паракимомена Василия Нофа, этериарха Василия Петина, эпарха Феофила и сакеллария Иосифа Врингу²⁰, а если иногда и брался за дела, то предпочитал наиболее легкие из них, а именно суд, который он творил без милосердия. Он представлял нередко в трудах ученых как богобоязненный эстет, увлеченный церковным искусством и далекий от

¹⁶ *Jenkins R.J.H.* General Introduction. P. 8–9; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. I. S. 361–362.

¹⁷ Ср.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. I. S. 365; *Jenkins R.J.H.* General Introduction. P. 11; *DAI.* II. P. 3, 8.

¹⁸ Ср.: *Ostrogorsky G.* Geschichte. S. 236; *Zakythinos D.A.* Byzantinische Geschichte. S. 134; *Jenkins R.J.H.* The Chronological Accuracy. P. 109; *Idem.* General Introduction. P. 9; *Μαρκουόλος Α.* Ἰωσήφ Βρίγγας. Σ. 95.

¹⁹ Во втором издании греческого текста издатели более осторожны при описании внешности Константина (цвета глаз); они полагают, что глаза (голубые) он унаследовал скорее от отца, чем от «огненноокой» матери (ср.: *DAI.* P. 7 и *Jenkins R.J.H.* General Introduction I. P. 9. Note 17). То, что известно о внешнем облике деда, отца и матери императора, не позволяет сомневаться в «пригожести» внешности Константина.

²⁰ *Ostrogorsky G.* Geschichte. S. 232; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. I. S. 358; *Lemerle P.* L'encyclopédisme. P. 603; *Idem.* Le premier humanisme byzantin. P. 268; *Jenkins R.J.H.* General Introduction. P. 7–8.

государственных забот²¹. Эта точка зрения, однако, не выдержала критики. Константина теперь чаще изображают как опытного политика, искусного дипломата, трезвого организатора, прекрасно знавшего людей и умевшего подбирать способных и энергичных помощников²².

Противоречивые на этот счет показания источников – следствие не столько подлинных противоречий в самой политике Константина, сколько отражение ведущейся в его время подспудной борьбы в кругах знати, связанной с оценкой политического наследия Романа I Лакапина и с определением судеб трона: права на престол не только Константина VII, но и Романа II как сына «незаконнорожденного», не казались части высшей знати бесспорными²³; до смерти в ссылке Романа I в июле 948 г. было раскрыто несколько заговоров против самого Константина, да и позднее сторонники Лакапинидов не оставили своих интриг²⁴. Безусловно, обстановка и внутри империи, и на ее границах была в правление Константина VII более спокойной, чем в царствования его деда, отца и тестя. Конечно, Константин VII имел возможность опираться на успехи, достигнутые его предшественниками. Но противопоставление Константина VII Роману I как непрактичного теоретика выдающемуся энергичному практику основано в историографии преимущественно на факте резкого осуждения тестя самим Константином в труде «Об управлении империей». Действительно, чувство ненависти Константина VII к Роману I бесспорно. Однако и здесь дело обстояло не столь просто. Константин утверждал при составлении рассматриваемого труда несколько главных идей, стремясь обосновать прежде всего незыблемость прав своей династии на императорский трон. Для этого совершенно необходимым представлялось опорочить правление василевсов Аморийской династии (820–867), свергнутой в 867 г. его дедом Василием I, и бросить тень на политику и самую личность своего тестя – по существу узурпатора²⁵. Императоров Аморийской династии, особенно Михаила II Травла (820–829), он обвиняет в том, что «царство ромеев по небрежению и неопытности правивших в то время опустилось почти до ничтожества»²⁶.

Что же касается Романа, то острые замечания в его адрес Константин высказывает многократно. Чтобы судить о них, достаточно двух примеров. В 13-й главе Константин называет Романа неучем, правившим деспотично и не в согласии с ромейскими обычаями, нарушителем привычных и законных порядков, ненавистным еще при жизни и синклиту, и народу, и церкви, поносимым всеми и после смерти, так что, подчеркивает в заключение этой тирады автор, постигший Романа Лакапина конец (свержение с престола и ссылка) – справедливая кара за его самоуправство²⁷. В 51-й главе, рассказав об изоляции Константина VII и его матери во дворце по приказу Романа I, Константин замечает, что все это тот сделал, «когда... вступил во дворец и оказался, не знаю, как

²¹ Соавторы императора учитывали, конечно, его пристрастия, с особым тщанием сообщая о храмах в разных местах, их архитектуре и внутреннем убранстве и покоящихся в них останках святых (см., например, гл. 29.237–284). Здесь и далее ссылки на текст публикуемого сочинения содержат указание главы и строки.

²² *Gregory T.E. The Political Program. P. 122–190; Ripoche J.-P. Constantin VII Porphyrogénète. P. 1–12.*

²³ Даже во времена Пселла, т.е. более века спустя, в столице ходила сплетня о сомнительности происхождения и Льва VI, отца Константина: говорили, что он был сыном не Василия I, а Михаила III, который женил своего наперсника Василия на своей (беременной?) любовнице (она и стала матерью Льва VI) (*Пселл. Краткая история. С. 343*).

²⁴ *Ю. Scyl. P. 238.43–239.58; 244–247.*

²⁵ *Gregory T.E. The Political Program. P. 128.*

²⁶ См.: гл. 29.58–61.

²⁷ См.: гл. 13.149–175.

выразиться, обладателем царства»²⁸.

Заявление Константина о благородстве царского рода и высокой образованности как неотъемлемых качествах василевса также нацелено против происходящего из «простых» людей, неграмотного (*ἀγράμματος*)²⁹ Романа I, ибо невежество правителя — причина бедствий и унижений для Романии. Константин советует сыну овладеть необходимыми для монарха знаниями, в особенности по административной и военной истории: в этом василевс обязан превосходить других, т.е. придворных и чиновников, так как лишь тогда будет велик его авторитет у подданных. Неуч не имеет перед глазами образца для подражания, творит неподобающее, отменяет хорошо установленное его предшественниками, обнаруживает неспособность противодействовать внезапной смене обстоятельств, вводит новшества. «Добру не ученый», не постигший с детства ромейских порядков и не ведающий, как они сложились, не достигнет успеха, тогда как изучивший науку управления василевс будет желанным для подданных, станет почитаться ими как мудрый среди разумных и разумный среди мудрых. Именно себя и Романа II имеет в виду Константин, в противовес Роману Лакапину, говоря о том, что наследственный порядок обретения власти в сущности санкционирован Богом, «поскольку Он (Бог) избрал тебя и исторг из утробы матери и даровал тебе царство свое как лучшему из всех»³⁰ и поскольку править более способен тот, «кто с детства воспитан в царских дворцах... кто с самого начала следовал ромейским обычаям»³¹. Император, писал Константин в другом своем труде, — это «Христос среди апостолов»³².

Несмотря на все эти заявления, Константин VII в сущности продолжал внутренний и внешнеполитический курс Романа I, в целом отвечавший интересам гражданской знати. Новеллы Константина VII по аграрному вопросу соответствовали постановлениям на этот счет Романа I: Константин подтвердил его распоряжения, сделав под давлением динатов и патриарха лишь одну уступку крупным земельным собственникам (отменил право беднейших крестьян на безвозмездное возвращение своих участков, проданных ими динатам), зато он еще более ужесточил меры против лиц, посягавших на надельные военнообязанных крестьян-ополченцев, объявив эти надельные участки неотчуждаемыми вообще³³. Как и Роман I, Константин стремился искоренить коррупцию в чиновном аппарате, смещал скомпрометированных сборщиков налогов. Как и Роман I в свое время, заигрывавший с плебсом Константинополя (он погасил все долги константинопольцев домохозяевам за найм квартир, лавок и мастерских, построил временные укрытия от холодов для столичных нищих), Константин благоустроивал больницы и заботился об их снабжении. Популярным было его покровительство занятиям ремеслами и искусствами.

Преемственность между политикой Романа I и Константина VII наиболее четко прослеживается во внешних делах. Константин следовал, видимо, курсу Романа I в отношениях с арабами, странами Запада, сербами и хорватами, печенегами, Русью, княжествами Кавказа. Возможно, более прохладными, чем при Романи I, стали отношения с Болгарией, где правил зять Романа I Лакапина по внучке (дочери Христофора) Петр, получивший от Романа I титул «василевса болгар». В отношении болгар Константин VII выдерживает в труде «Об управлении империей» в целом

²⁸ См.: гл. 13.162–163. См. критику Романа I в гл. 43.89 и след., 45.67–175; 46.135 и 51.133–191.

²⁹ См.: гл. 13.150. Не имеется ли в виду попросту малограмотность Романа I? (хрисовулы и договоры с иноземцами он подписывал).

³⁰ Проземий. 35–36.

³¹ См.: гл. 13. 151–152.

³² De cerim. P. 638.

³³ История Византии. Т. 2. С. 207.

враждебный тон³⁴. Уступки же тестя Петру он считает совершенно недопустимыми. Примечательно, что в главах, посвященных сербам и хорватам, а в особенности сношениям с армянскими и грузинскими княжествами (гл. 43–46), имя Романа Лакапина не раз упоминается в положительном контексте. Его политика в этих регионах находит по сути дела одобрение Константина и признается успешной. Оказывается, Роман I и следовал ромейским обычаям, и не отменял решений прежде царствовавших (в частности, Льва VI, отца Константина), и творил благодеяния (гл. 32.108–109), и выполнял порой просьбы «по доброте своей» (гл. 43.183). Возможно, конечно, возражение: отмеченные следы симпатии к Роману I возникли под пером не самого Константина VII, а чиновников, подбиравших для него материал, в частности, тех, которые имели отношение к восточным делам и являлись, вероятно, грузинами и армянами по происхождению (как сыном армянина был и сам Роман Лакапин³⁵). Кроме того, главы, посвященные отношениям с армянскими и грузинскими князьями, подверглись, видимо, наименьшей обработке Константина, так как были подготовлены с самого начала более тщательно, чем другие части, и более компетентными людьми. Однако тот же мотив одобрения политики Романа I характерен и для главы о сербах³⁶, где рука Константина-редактора гораздо более заметна. Иными словами, нападки Константина на тестя не дают оснований для вывода о полном осуждении им политического курса Романа I, очевидные же различия между характерами и пристрастиями Романа I и Константина VII – еще недостаточное основание для заключения, что столь же разными были и направления в их политике, и результаты их деятельности. Ведь в сущности Константин VII потерпел лишь одну, хотя и тяжелейшую, неудачу – гибель военного флота империи в экспедиции против критских арабов в 949 г. в результате бури на море. Но и Роман I потерял почти всю Калабрию на семь лет (с 927 по 934 г.), захваченную, ограбленную и обложенную данью арабами Африки. Характерно, что в хронике Продолжателя Феофана отрицательные отзывы о Романе I перемежаются с панегирическими³⁷.

В связи с вопросом о том, кто преобладал в Константине – политик или ученый, в науке делались предположения о разного рода комплексах, которые будто бы не могли не развиваться в психическом складе начитанного императора, снедаемого мыслью о своем великом назначении и о своей жалкой роли в реальной действительности. В Константине предпочитали видеть по преимуществу не правителя, а ученого и мецената. В связи с этим до недавнего времени (а отчасти и поныне) в историографии господствовала (и еще господствует) сдержанно-восторженная оценка Константина VII и его деятельности в сфере византийской образованности и культуры³⁸. В трудах византинистов (наиболее концентрировано – в работах Р. Дженкинза) он представлялся скорее как писатель, чем государь³⁹.

Для решения спора о степени образованности императора и размерах его литературного дарования мы решительно предпочитаем всем ученым заключениям исследователей нашего времени отзывы Продолжателя Феофана, современника Константина⁴⁰. Он – скорее всего, личный секретарь императора, а потому, как полагают ученые, лъстив и лжив. Но вот другой отзыв – взвешенная и компетентная характеристика Константина VII и его дел, принадлежащая авторитетному византийскому писателю и мыслителю, ритору и мастеру словесности Михаилу Пселлу,

³⁴ *Литаврин Г.Г.* Константин Багрянородный о Болгарии и болгарях. С. 30–37.

³⁵ Его отцом был Авастакт из армянского села Лакапа (*Пселл.* Краткая история. С. 344).

³⁶ См.: гл. 32. 100–145.

³⁷ *Theoph. Cont.* P. 406–407, 418, 430. Ср.: P. 400.19–401, 409.21–410.23.

³⁸ *Тоунбее А.* Constantine Porphyrogenitus. P. 1–14.

³⁹ См.: *Литаврин Г.Г.* Введение // КБ. С. 10–30.

⁴⁰ *Theoph. Cont.* P. 445–448, 456–469. См. Приложение III.

который, как он сам пишет об этом, был знаком с литературным наследием Константина⁴¹. Император, сообщает он, был усерден в постижении словесности. Письма его говорят об образованности, а речи – о словесном даре, другие же его сочинения «не слишком искусны, хотя и не обделенные ни одной речевой фигурой»; сочиняя стихи, он использовал разные стихотворные размеры (в частности, он будто бы сочинил эпитафию на смерть своей жены); был предан наукам и собирал за своим столом ученых, как некогда сицилийский тиран Дионисий⁴². Отзыв – достаточно близкий тому, который находится в хронографии «льстеца» Продолжателя Феофана.

Что же касается его организаторской деятельности в сфере литературы (о чем, впрочем, также ведутся споры), то она, по нашему мнению, была поистине колоссальной. Как видно, император поставил целью подготовить справочники энциклопедического характера почти по всем существовавшим тогда отраслям знания: агрономии, зоологии и ветеринарии, медицине, юриспруденции, воинской тактике, административном устройстве, дипломатии, системе титулов, организации спортивных состязаний и дворцовых церемоний и т.д. По его заказу и при непосредственном авторском и редакторском участии и решающей организаторской роли было создано 53 энциклопедических справочных собрания по разным отраслям знания, в том числе трактат «Об управлении империей». Большая часть этих трудов безвозвратно потеряна. Сохранившиеся же донесли до нас, хотя и в сокращениях или в выписках, некоторые из утраченных трудов, в том числе фрагменты из сочинений Приска Панийского и Менаандра Протиктора, посвященные описанию народов, с которыми империя сталкивалась в V–VI вв.

2. Рукопись и издания труда Константина

Прежде всего – самые общие сведения о рукописной традиции трактата и его изданиях. Труд «Об управлении империей» (*De administrando imperio*) не имеет заглавия в рукописи. Оно было дано ему (на латыни) в начале XVII в. первым издателем – итальянским филологом-архивистом Иоанном Меурсием. Труд сохранился в единственной Парижской рукописи Codex Parisinus gr. 2009 в списке конца XI в. (далее – *P*). Известны еще три списка, но все они поздние, сделанные в поствизантийскую эпоху (в XVI в.). Это Vaticanus-Palatinus gr. 126, Parisinus gr. 2967 и Mutinensis gr. 179. Все они являются более или менее полными и более или менее исправными копиями Парижской рукописи.

В точном соответствии с надписью на Парижской рукописи авторство трактата принадлежало византийскому императору Константину VII Багрянородному (или Порфирородному). На полях рукописи имеются краткие пометы (в том числе на латыни), чаще – указания на содержание соответствующих пассажей. Большая часть этих помет была сделана читателями в XIV и XVI вв.⁴³

Имеется, однако, несколько помет, восходивших к протографу Парижской рукописи, т.е. ко второй половине X в. Авторами этих помет могли быть либо августейшие читатели, либо даже сотрудники-соавторы императора. В одной из таких помет на поле к гл. 45, против строки 103 (по изданию Д. Моравчика) сказано, что «Зурванелис – отец игумена Торника, с недавнего времени синкелла». Согласно разысканиям Н.Г. Адонца, игумен Иоанн Торник – исторический персонаж, получивший церковную должность синкелла в 979 г. Поэтому издатели полагают, что эта помета

⁴¹ *Пселл*. Краткая история. С. 345–346. См. Приложение IV.

⁴² Там же. С. 345–346. В действительности, его жена Елена пережила мужа. Речь идет, скорее всего, о стихах на кончину юной невестки императора Берты-Евдокии, умершей в 949 г.

⁴³ Список помет см.: *Moravcsik Gy. Critical Introduction*. P. 19–20.

была сделана на автографе через 28–30 лет после создания труда. Копия, изготовленная вскоре после 979 г., и стала протографом Парижской рукописи⁴⁴, который, согласно другой помете, находился здесь, в дворцовой библиотеке, когда в конце XI в. (между 1059 и 1081 гг.) неким Михаилом Роизаитом была снята с него копия *P* (Парижская рукопись). Она была изготовлена для видного представителя правившей тогда династии Дук – для кесаря Иоанна Дуки⁴⁵.

Подробное описание рукописи сделал исполнитель ее критического издания Д. Моравчик⁴⁶. Некоторые новые, главным образом палеографические и кодикологические, наблюдения над рукописью, обстоятельствами ее изготовления и ее судьбами были сделаны в самое последнее время французской филологом-палеографом Б. Мондрэн⁴⁷. Мы можем теперь с полным правом констатировать, что и спустя почти полтора столетия после создания трактата (вплоть до изготовления Парижского списка № 2009) его рукопись не покидала пределы библиотеки императорского дворца⁴⁸, предназначенная для ее использования только государем и его наследником в качестве секретного руководства по управлению государством. Когда она оказалась на Западе, точно неизвестно. Ясно только, что в 60-х годах XIV в. она находилась уже не во дворце, а в монастыре св. Иоанна Крестителя под Константинополем, откуда после его падения в 1453 г. и была переправлена на о. Корфу (здесь она пребывала по крайней мере в первой половине XVI в.). В 1560 г. она была уже в Италии, в библиотеке Екатерины Медичи, а в 1599 г. – в Королевской библиотеке в Париже⁴⁹.

Как упоминалось, первое издание труда было осуществлено по Ватиканской рукописи в 1611 г. И. Меурсием, который и дал сочинению название «*De administrando imperio*»⁵⁰. В 1617 г. последовала им же сделанная перепечатка, не содержащая никаких изменений. В 1711 г. трактат был переиздан А. Бандури, сверившим текст первых изданий с Парижской рукописью и произведшим некоторые поправки и добавления. Это издание было без изменений перепечатано в 1729 г. Следующие три издания, начиная с публикации И. Лами в 1745 г. и кончая перепечатками Э. Беккера в Боннском корпусе (1840) и Ж.-П. Миня в *Patrologia Graeca* (1864), не внесли в текст, кроме умножения опечаток, ничего нового⁵¹.

По наблюдениям Д. Моравчика, издателя рукописи *P*, в ее тексте прослеживается одна главная рука и пять иных почерков, которыми написаны соответственно пять небольших фрагментов. Маргинальные пометы в целом были сделаны также пятью лицами. При этом обнаруживается, что оригинальный текст труда, по наблюдениям издателя рукописи, не был подвергнут эмендациям и каким-либо изменениям поздними читателями и переписчиками (или переписчиком?)⁵².

В первой подлинно научной критической публикации Д. Моравчика, осуществленной в 1949 г., а затем в исправленной версии в 1967 г., были учтены и вся

⁴⁴ Ibid. P. 19–20, 33. Стемму рукописей см.: Ibid. P. 33.

⁴⁵ Ibid. P. 488–491. Помимо прочего, косвенно о дате изготовления рукописи свидетельствует характерная описка на л. 29.47: Κομάνους вместо Ρομάνους; комань-половцы стали известными в империи только с конца XI в.

⁴⁶ *Moravcsik Gy. Critical Introduction*. P. 15–33.

⁴⁷ *Mondrain B. La lecture*. P. 485–498.

⁴⁸ Кстати говоря, рукопись труда хранилась, скорее всего, в той библиотеке, которую создал сам Константин, перестроив мраморную галерею близ дворца Камил и примыкающей к нему молельни (*Theoph. Cont.* P. 145.7–9; ср.: Прод. Феоф. С. 64, 286 и примеч. 126).

⁴⁹ *Moravcsik Gy. Critical Introduction*. P. 16–17; *Mondrain B. La lecture*. P. 490–498.

⁵⁰ См.: Ме.

⁵¹ *Moravcsik Gy. Critical Introduction*. P. 31–32.

⁵² Ibid. P. 20.

рукописная и предшествовавшая издательская традиция и огромная научная литература⁵³. Издание получило самую высокую оценку в кругах специалистов. Укажем только на некоторые наиболее конструктивные отклики – на рецензии Ф. Кукулеса, Ив. Дуйчева, Ст. Кириакидиса⁵⁴. Общую оценку конъектур, как принятых издателями во втором издании, так и отклоненных, осуществил Э. Фенстер, предложивший ряд собственных эмендаций и дополнений⁵⁵.

Помимо рассмотрения перевода и общего введения Р. Дженкинза, а также критического предисловия Д. Моравчика, Э. Фенстер указал (в подстрочных примечаниях) альтернативные чтения и предложенные исследователями конъектуры, цитаты и параллельные места из священных текстов и иных литературных памятников (кроме уже указанных в подстрочных примечаниях). Эти тексты названы издателем и в особом списке авторов, сочинения которых были использованы составителями труда «Об управлении империей»⁵⁶.

Издание Д. Моравчика снабжено также общим аннотированным указателем собственных имен, а также словарем архаизмов, неологизмов, редких лексем, слов иностранного происхождения и т.д., грамматическими заметками об орфографии, фонетике, морфологии, синтаксисе и стилистике текста.

Вскоре после выхода в свет в 1949 г. критического издания греческого текста группа видных ученых в составе издателей (Д. Моравчика и Р. Дженкинза), а также Ф. Дворника, Б. Льюиса, Д. Оболенского и С. Рэнсимена начала работу над комментарием, который был издан в 1962 г. и который остался до сих пор в зарубежной историографии главным справочником для специалистов при использовании памятника как исторического источника⁵⁷. Через пять лет, в 1967 г., те же два издателя Д. Моравчик и Р. Дженкинз опубликовали «новое, пересмотренное», как указано на титуле, издание (в кратком предисловии оно названо «переизданием»). Здесь же издатели сообщили, что они с благодарностью учли немало поправок, пожеланий и предложений коллег к греческому тексту и переводу. Структура нового издания была максимально приближена к первому, главным образом потому, что примечания в комментарии 1962 г. были ориентированы на страницы и строки греческого текста первого издания и ради удобства пользования комментарием было сочтено необходимым сохранить во втором издании старую пагинацию и тот же порядок и те же размеры строк, какие имело первое издание.

В целом, однако, отличия между первым и вторым изданиями не велики, что оба издателя (Д. Моравчик и Р. Дженкинз) и подчеркнули в своих введениях, которые также почти не подверглись переменам (указаны и частично приняты новые конъектуры, предложенные рецензентами, добавлено несколько ссылок на новую литературу, уточнены отдельные места в переводе, учтены и появившиеся после 1949 г. переводы фрагментов трактата на другие языки).

⁵³ В последующем (с дополнениями за 1948–1957 гг.) она была приведена в капитальном труде издателя: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 367–379*. Первый полный перевод трактата на русский язык (ныне совершенно устаревший) был осуществлен в конце XIX в. (см.: Ласкин), а более совершенный перевод excerpts сделали В.В. Латышев и Н.В. Малицкий (см.: Латышев, Малицкий). О неизданных архивах, свидетельствующих о работе Комиссии петербургских ученых (1919–1925 гг.) по изучению трактата в связи с планировавшимся обновлением словаря Дюканжа, см.: *Барынина О.А. Русско-византийская историко-словарная комиссия. С. 195–205*.

⁵⁴ См. соответственно: *Koukoules Ph. [Рец.] Σ. 343–347; Dujčev Iv. [Рец.] S. 219–231; Kyriakides St. [Рец.] Σ. 383–389*.

⁵⁵ *Fenster E. [Рец.] S. 173–175*.

⁵⁶ DAI. I. P. 41.

⁵⁷ DAI. II.

Некоторое значение для уточнения в данном издании сделанного нами и опубликованного в 1989 и переизданного в 1991 гг. перевода имел для нас полный перевод труда, осуществленный двумя австрийскими филологами – П. Зусталем и К. Белке, которые написали к своему переводу и лингвистическое введение, впрочем, мало отличающееся в своих оценках от уже сказанного Р. Дженкинзом и Д. Моравчиком. Они подтвердили, что слог труда Константина, по крайней мере в тех пассажах, авторство которых принадлежит ему, в полном соответствии с его собственным заявлением, весьма безыскусен и грамматически не корректен, как, впрочем, и в труде «О церемониях». Австрийские издатели, указав на тот факт, что источники сведений, изложенных в трактате, также не подвергались литературной обработке, справедливо расценивают это обстоятельство как особенно ценное, поскольку в трактате приведено реальное звучание собственных имен и географических названий в середине X в.⁵⁸ Их транскрипцию они дают в согласии с правилами, принятыми в современной науке, с учетом предложений специалистов по разноязычным территориям империи и окружающих ее стран и с ориентацией по преимуществу на перевод Р. Дженкинза⁵⁹.

3. Представления о трактате «Об управлении империей» в историографии на конец 1980-х годов

Здесь невозможна сколько-нибудь полная характеристика труда «Об управлении» в целом и его разных частей (глав), их источников, методов обработки их содержания и т.д. Все эти вопросы освещены в Комментарии. Здесь же будут затронуты такие проблемы, как мера авторского участия Константина VII, замысел труда, его композиция, степень достоверности памятника, политическая и идейная позиция автора.

Вопрос об авторстве и происхождении труда справедливо увязывался прежде всего с проблемой особенностей его композиции, отразившей вкусы и пристрастия императора и его соавторов. Однако следует подчеркнуть два методологически важных в данном случае принципа. Во-первых, необходимо помнить, что протограф рукописи *P* (как и автограф) не покидал до конца XI, а может быть, и до XIV в., как уже упоминалось, пределов дворцовой библиотеки⁶⁰: труд был секретным документом, он был доступен (во всяком случае до конца XI в.) весьма ограниченному числу читателей. Иначе говоря, отнюдь не столь велики были возможности для вмешательства многих лиц в текст (до изготовления Парижской рукописи), а значит, и для предполагаемых рядом ученых кардинальных и неоднократных правок и переделок ее протографа. Во-вторых, вряд ли оправданно допущение, что первоначальный текст рукописи (до вмешательства «чужих» рук) был написан в соответствии с четким планом, что изложение было первоначально неизменно логичным, а имеющиеся в нашей рукописи отклонения (нередко, как мы думаем, мнимые) от воображаемого идеального, с современной точки зрения, текста дают будто бы основания для заключений о поздних интерполяциях, о существенных переменах композиции, о перестановках целых разделов или глав и т.п.

Итак, сначала – о господствовавшей в науке до недавнего времени концепции⁶¹,

⁵⁸ Специально о топонимии в трудах, приписываемых Константину VII см.: *Skok P. Ortsnamenstudien* и др.; в сравнении с другими источниками (Иероклом) см.: *Kovtáva-Δεληβόρια Β. Ὁ γεωγραφικὸς κόσμος*. P. 69–78.

⁵⁹ *Byzantiner*. S. 59–62. Anm. 58, 59.

⁶⁰ См. выше с. 00.

⁶¹ См.: *Jenkins R.J.H. General Introduction*. I. P. 7–14; DAI. II. P. 1–8. В целом и мы в публикации 1989 и 1991 гг. разделяли главные положения этой концепции, далеко не все из которых совпадают теперь с нашими представлениями.

связанной с созданием и содержанием памятника. Наиболее четко она была выражена (и в значительной мере выработана) Р. Дженкинзом в двух «Общих введениях» к изданиям труда 1949 и 1967 гг. и в предисловии к комментарию 1962 г.

Одна из главных идей Р. Дженкинза состоит в том, что созданию трактата «Об управлении» предшествовало написание (в контексте общей работы по составлению энциклопедических справочников) некоего труда «О народах». При изменении плана, вызванном решением Константина VII подарить сыну Роману (II) ко дню его 14-летия (952 г.) специальный трактат об искусстве править, начало труда «О народах» подверглось переделке в соответствии с его новым назначением. Часть пассажей, повествующих о северных народах и находившихся в конце гипотетического сочинения «О народах», была перенесена в начало нового трактата, изложена более сжато и особенно тщательно отредактирована (эта часть соответствует 1.1–13.11)⁶². Окончание работы над политическим путеводителем Р. Дженкинз датирует сентябрем 951 г. – августом 952 г., т.е. кануном именин наследника.

Однако идея о предварительном написании труда «О народах», где о северных племенах шла речь будто бы только в самом конце, является только гипотезой Р. Дженкинза, не нашедшей у него никакого обоснования⁶³. Между тем этот важнейший из сюжетов труда – о северных народах – затронут в трактате трижды (в 1.1–13.11, 13.12–200 и 37–42), причем совсем не потому, что будучи первоначально единым, он был затем раздроблен и его части подвергались разобщению, а потому, что о северных народах (также изначально) повествуется в трактате – в соответствии с заранее намеченным планом – три раза в различных аспектах: сначала – о том, какие из северных племен «полезны», а какие «вредны» для империи; затем – о том, как следует противостоять их домогательствам, и, наконец, – об их этнографии (гл. 37–42) в общем особом разделе, состоящем из 29 (гл. 14–42) или даже из 33 глав (гл. 14–46, если отнести к этому разделу и армяно-грузинские гл. 43–46).

Скорее всего, Константин был главным аранжировщиком труда, придавшим ему ту композицию, в которой он дошел до нас⁶⁴. Весьма важен в связи с этим тот порядок, в котором расположен материал. Константин начал трактат с рассказа о печенегах, венграх, росах, булгарах, хазарах, аланах, узах и черных булгарах, т.е. о народах, проживавших близ северных границ империи (к северу и северо-востоку от Черного моря), потому что во время написания труда особенно важными для империи были отношения именно с этими народами: отсюда империи грозила тогда главная опасность⁶⁵, именно здесь обстановка была особенно нестабильной, а отношения с большинством из появившихся здесь недавно народов не имели устойчивой традиции. Тем самым этот регион был единственным по периметру Византии, который мог быть рассмотрен с важнейшей для империи точки зрения, – какой из народов, ее окружающих, особенно опасен.

Что же касается «других народов» (ἑτέρων ἔθνῶν), то здесь дело представлялось более ясным: сарацины были давно и безусловно «вредными», позиция западных народов в отношении империи еще не вызвала серьезной тревоги, а армяно-грузинский и сербо-хорватский регионы постепенно вовлекались в вассальную зависимость от Византии. Относительно этих народов в труде приведено дальше их этнологическое и географическое описание. Рассказ о них сгруппирован при этом в восемь разделов, каждый из которых охватывает или один географический ареал или семью родственных

⁶² Поэтому, замечает Р. Дженкинз, из 13 первых глав (13-я до строки 12) только одна 9-я пространна: она не отредактирована, так как в текст она попала будто бы по недосмотру.

⁶³ Ср.: Шевченко И. Перечитывая. С. 12–13. Примеч. 14 (ср.: DAI. II. P. 2–5).

⁶⁴ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. I. S. 365.

⁶⁵ Так думает и Р. Дженкинз (DAI. II. P. 6–7).

народов. Таковы главы, касающиеся арабского региона (гл. 14–22), Испании и Северной Африки (гл. 23–25), франко-итальянских земель (гл. 26–28), сербо-хорватской территории (гл. 29–36), мест расселения северных народов (гл. 37–42 – здесь они описаны в другом аспекте, сравнительно с гл. 1–13), армянских и грузинских княжеств (гл. 43–46) и, наконец, Кипра (гл. 47 и 48).

Справедливо отвергая теорию Г. Манойловича о трактате как учебном пособии для мальчика-наследника⁶⁶ и полагая (если уж употреблять слово «учебник»), что это был «учебник власти» для государя, Р. Дженкинз делит главы труда на актуально-дипломатические и антикварно-информативные. При этом ученый неправоммерно, по нашему мнению, сужает задачи такого «учебника»: он думает, что гл. 14–42 – лишь остаток текста справочника «О народах», что они не связаны с основными целями трактата, так как в них не дается представления о современном положении дел. Сюжеты большинства глав этого раздела (включая также гл. 47–48) будто бы совершенно непрактичны. Они повествуют о давно прошедших временах: так, главы об арабах доведены только до 813 г., о Кипре – до 827 г., об Италии и Венеции – до середины IX в., о Далмации – до времени Льва VI Мудрого. Если в этих главах и есть актуальные материалы, то это вставки-«заплатки», следствие, по мнению Р. Дженкинза, попыток «осовременить» содержание, сделать его более практичным для задач дипломатии.

Сборник «О народах» начинался, думает Р. Дженкинз, с описания арабов, а завершался разделом о северных народах. Гл. 36–46 этого раздела император решил оставить на своих местах как находившиеся будто бы вполне в русле нового замысла, потому что они являлись актуальными (причем гл. 38–42 вообще не поддавались переделке, а гл. 43–46 можно считать также дипломатическими). Иначе говоря, по своей дидактической и практической значимости эти главы, по классификации Р. Дженкинза, идентичны с 13-й главой, и ученый должен был бы, как мы думаем, объяснить свой отказ в этом месте от логической цепи своих допущений – почему же не все «актуальные» главы (по крайней мере 43–46) были перенесены вперед вместе с гл. 1–13⁶⁷.

Замысел труда в целом коротко заявлен в главном проэмии. Там сказано не только о целях трактата (расширить кругозор наследника и научить его управлять империей), но и о конкретном содержании труда. Поскольку в главном введении порядок упоминания о северных народах соответствует тому, в каком он приведен и в основном тексте (на первом месте), постольку Р. Дженкинз, во спасение своей идеи переноса сюжета о северных племенах из конца в начало, выдвигает еще одну гипотезу – о том, что работа над гл. 1–13 (вообще – над «дипломатической» секцией) и над главным проэмием была завершена самим Константином VII в последнюю очередь.

Уверенность Р. Дженкинза в том, что главное введение было последней по времени написания частью труда, основана на том соображении, что упомянутое совпадение (заявленного в главном введении плана и реальной структуры труда) возможно, по его мысли, только в том случае, если автор проэмия уже имел перед собой весь текст и *de visu* (просматривая или читая его) кратко («задним числом») обозрел его структуру. Но, во-первых, совпадение заявленного во введении плана и его выполнения довольно относительно⁶⁸. Во-вторых, трудно было бы, обозрев готовый, полный лакун и недоделок труд, заявить в результате, что в этнографическом разделе дана панорама климата и размеров земель разных народов и описаны их обычаи, что в двух (в сущности одной) главе о Кипре рассказано об отношениях империи с иноплеменниками, а в бессистемных обрывках о внутренних делах содержится обещанный во введении очерк о новшествах, вносившихся временем в жизнь государства.

⁶⁶ См. об этом подробнее ниже с. 00.

⁶⁷ DAI. II. P. 1–3.

⁶⁸ Ср.: *Shepard J. Byzantine Diplomacy*. P. 66.

Относительное соответствие заявленного плана труда с его содержанием естественнее воспринимать как результат создания самого труда по заранее разработанному, хотя и не полностью реализованному плану, чем видеть в этом следствие запоздалого написания программы труда, подогнанной под уже готовый текст, в качестве итогового обзора, где бы при этом еще и провозглашалась как выполненная некая стройная программа, вопреки очевидным лакунам и недоделкам⁶⁹.

Проблема главного введения (проэмия) и его соотношения с промежуточными в тексте трактата является вообще важнейшей в решении вопроса о степени авторского участия императора. Вопреки заключениям Р. Дженкинза о крайне небрежной композиции труда и вопреки выводам Кл. Зоде о практическом ее отсутствии (см. ниже), текст носит явные следы размышлений авторов и редактора над планом сочинения, предшествующих созданию труда. Для нас очевидно, что первоначальный замысел (а значит и план) был определен, хотя бы вчерне, в самом начале работы, скорее всего, самим его заказчиком – Константином VII. Для нас очевидно также, что с самого начала было решено сказать прежде всего о самой актуальной проблеме – о северных языческих народах. Для нас очевидно, наконец, что с самого начала был определен и масштаб труда – весь *orbis terrarum*, все окружающие империю страны и народы, в том числе и порядок следования заказанных пассажей, – после специальных двух первых разделов о северном языческом мире и особенностях дипломатического общения с ним – далее по кругу⁷⁰, по часовой стрелке, о всех народах, начиная с арабов и кончая киприотами.

Мысль о том, что за композицию труда был ответственен Константин, представляется логически правомерной, если признавать (как признает большинство исследователей), что авторство проэмиев принадлежало самому императору. Самый замысел трактата и конкретные заказы исполнителям были бы, на наш взгляд, невозможны, если бы с самого начала не была предусмотрена и примерная структура трактата, по крайней мере его крупные тематические разделы и некоторые из их подразделов (главы).

Труд был разделен на несколько таких разделов, вводимых каждый промежуточным введением (проэмием). Основываясь на заявках главного введения, Р. Дженкинз различает в нем композиционно 6 (5 ?) секций: 1) гл. 1.1–13.11 – повествование о том, какие из народов к северу и северо-востоку от Черного моря «полезны», а какие «вредны» для империи; 2) гл. 13.12–200 – так называемая «дипломатическая секция», содержащая рекомендации наследнику, с помощью каких уловок он может отклонять непомерные притязания тех же северных варваров; 3) гл. 14–42 – самая крупная секция, получившая с легкой руки Р. Дженкинза название информативной, или «этнографической» (и даже «антикварной»), об особенностях «прочих народов», помимо северных; 4) гл. 43–46, содержащие уроки практической дипломатии на примере отношений с народами Кавказа; 5) гл. 47–48 – о том, что

⁶⁹ Соглашаясь с Р. Дженкинзом в оценке структуры труда как далекой от совершенства, мы считаем беспредметными его рассуждения над конкретными примерами того, как смог бы редактор, будь он более прилежен, избежать в организации материала очевидных просчетов: так, замечание в гл. 26.68–72 о Берте-Евдокии он считает вставкой, более уместной, на его взгляд, не в гл. 26, а в «дипломатической секции» в гл. 13, а написанную до ноября 950 г. гл. 26 следовало бы, по его мнению, объединить с гл. 27 и т.д. и т.п. (DAI. II. P. 4).

⁷⁰ Отметил это уже Дж. Бьюри (*Bury J.V. The Treatise. P. 574*). Идея Р. Дженкинза, что раздел о северных варварах был сначала в конце, противоречит очевидной композиции (с севера – и далее по часовой стрелке), так как в таком случае место глав о печенегах, росах и других северных народах оказалось бы после глав о восточных и южных народах (!).

случалось между империей и другими народами, и, наконец, б) гл. 49–53 – рассказ о разного рода «новшествах», появившихся с течением времени в государственной системе ромеев и в их царстве в целом⁷¹.

Мы насчитываем в трактате, в отличие от Р. Дженкинза, всего четыре раздела, так как рассматриваем пассажи, обозначенные выше номерами 4 (гл. 43.2–6, где сказано «достаточно... о северных скифах», пора поговорить о народах «к восходу солнца»: в предшествующих гл. 37–42 речь шла действительно об этнографии северных племен) и 5 (гл. 46.166–169, где заявлено, что требуют освещения и отношения империи с иноплеменниками⁷²), подразделами самого пространного раздела 3 (обозрения народов от арабов – по часовой стрелке – до киприотов – гл. 14–48)⁷³. Мы полагаем, что два промежуточных введения, вводящих указанные подразделы и имеющих соответствия в главном введении, являются лишь частями третьего промежуточного введения (проэмия), т.е. его подпроэмиями⁷⁴.

Так, подлинно разделительными, по нашему мнению, вводящими новую тему, обсуждаемую в нескольких главах – соответственно заявке в главном введении – являются следующие четыре промежуточных проэмия: 1 (гл. 1.1–15) – о намерении безыскусным языком рассказать о том, что надлежит знать для управления «мировым кораблем»; 2 (гл. 13.12–14) – о важности усвоения мудрости отцовских наставлений; 3 (гл. 13.195–200) – о различиях между народами и 4 (гл. 48.22–27) – о «новшествах» во внутренней жизни (эти четыре главных проэмия выделяет и Кл. Зоде).

Ясно, что сюжет об отношениях империи с окружающими народами остался в труде не развитым, точнее – не выделенным композиционно, так как не только в гл. 47–48, но и во многих других главах 3-го раздела тема отношений народов с империей затрагивается многократно (см. гл. 21, 22, 26–36).

При вписывании проэмиев в готовый текст редактор не соблюдал единого принципа: одни из проэмиев помещены в начале разделов, которые они вводят, т.е., как мы полагаем, «на своем месте» (см. гл. 1.2–15; 13.12–14; 30.2–6; 43.2–6), а другие находятся в конце предыдущего тематического раздела (см. гл. 13.195–200; 46.166–169; 48.22–27). Если сам Константин VII, как признает большинство ученых, был автором всех проэмиев, то он, возможно, размещал их тогда, когда весь текст еще не был разделен на озаглавленные и пронумерованные главы. Не исключен, однако, и другой вариант: проэмии к готовому и организованному, но не переплетенному тексту Константин добавлял на отдельных листках, примерно на то место, где им надлежало быть, но не обозначил с точностью нужную строку в тексте. Поэтому при изготовлении нового списка переписчик «вплетал» проэмии в текст по-разному: или в конце последней главы предшествующего раздела или после заглавия первой главы нового раздела.

С современной точки зрения можно констатировать существенные недостатки в структуре всех разделов (о многом важном умолчано, многое недостаточно раскрыто, не

⁷¹ DAI. II. P. 2–4.

⁷² Поскольку за этим подпроэмием следуют только две краткие дублирующие друг друга главы о Кипре (47 и 48), постольку его нельзя считать вводящим новую крупную тему.

⁷³ Р. Дженкинз полагает, что этот раздел охватывает гл. 14–42 включительно, так как – в соответствии со своей умозрительной идеей – считает гл. 43–46 не информативными, а дипломатически-актуальными. См. об этом выше.

⁷⁴ Некоторые исследователи насчитывают даже семь самостоятельных разделов в трактате, абсолютизируя все заявки и главного, и прочих введений. В 3-м разделе они выделяют ремарку к гл. 30.2–5 как особый проэмий, хотя он носит формальный характер: автор проэмия обращается не к сыну, а к читателю вообще (даже будущим читателям), рекомендуя гл. 30, поскольку полезно знание (см. об этом ниже).

выполнено обещанное и т.д.). И все-таки два первых раздела можно считать осуществленными в соответствии с главным введением, не завершённым остался этнографический, третий (о климате чужой земли упомянуто только в гл. 9, а об обычаях других народов – весьма кратко только в гл. 6, 9, 10, 39 и 40) и слабо разработанным оказался четвертый, последний. Вполне вероятно, что не для всех сюжетов материал был собран и включен в книгу. Так, Р. Дженкинза поражает отсутствие специальной главы о Болгарии и болгарях и крайне односторонний характер повествования о Древней Руси.

На первый взгляд, порядок расположения гл. 14–48 раздела 3 представляется лишенным всякой логики: переход от главы к главе или от группы глав к другой группе кажется случайным или осуществленным по чисто внешним ассоциативным связям. На это обстоятельство специально обращают внимание и издатели греческого текста, и авторы лондонского комментария. Однако некоторая закономерность, хотя порой и формальная, в композиции этого раздела, по нашему мнению, все-таки прослеживается. Об этой закономерности уже упоминалось выше: подавляющее большинство глав следуют друг за другом как бы по окружности, с точки зрения наблюдателя, находящегося в ее центре (Константинополе). На пространственно-географический порядок композиции обратил внимание уже Дж. Бьюри, который не решился, однако, указать на причины того, почему повествование начато с северных народов⁷⁵.

Действительно, гл. 14–22 описывают арабский мир (юг), 23–28 посвящены странам Запада (Испания, вскользь Северная Африка, Италия, Венеция), 29–36 повествуют о сербо-хорватском регионе, 37–42 возвращают читателя к описываемым с иной точки зрения «северным народам» (мораванам, печенегам, мадьярам, хазарам, аланам и зихам), гл. 43–46 трактуют о «восточных», армянских и грузинских землях и, наконец, гл. 47 и 48 излагают ход дел на юго-востоке – о двойном переселении киприотов.

Мало того, помимо отмеченной поверхностной взаимосвязи между группами глав, можно указать и на ряд естественных ассоциативных переходов: от восточных владений арабов – по ходу их завоеваний – к южным (африканским) и западным (испанским, а затем итальянским); от западных стран (Италии и Венеции) – к Балканскому полуострову – сербо-хорватским землям, подвергавшимся (на побережье) так же, как и итальянские, арабским набегам; закономерен переход и от северного региона к восточному (армяно-грузинскому) в соответствии с итинерарием в гл. 42, «доводящим» путь от Западного Причерноморья через Северное и Восточное до Авассии.

Если о более крупных разделах можно сказать, что их сюжеты были определены заказчиком одновременно со сделанным им заказом исполнителям, то, несомненно, сложнее обстояло дело с делением труда на главы и с их наименованиями. Возможно, в ряде случаев исполнитель, получив заказ, один писал целый раздел (наиболее ясно это видно, на наш взгляд, на примерах арабского, сербо-хорватского и кавказского разделов) и сам же делил, согласно своему разумению, собранный материал на связанные единством сюжета части (каждая из которых получила как особая глава свой заголовок).

Что касается заголовков к главам, то большинство их произошло, как говорилось, из маргинальных помет, перенесенных в текст при изготовлении нового списка рукописи. Эти пометы были сделаны, возможно, августейшими читателями до изготовления Парижской рукописи, на ранней стадии существования ее протографа или даже автографа. Некоторые заглавия при их перенесении с полей в текст были вставлены не на «свое место», отесняя начальную фразу новой главы вверх, в конец предшествующей главы (см. гл. 10). Не все такие заглавия сохранили, однако, тот вид,

⁷⁵ *Bury J.B. The Treatise. S. 574 ff.* Независимо от Дж. Бьюри отмечали это обстоятельство и мы в 1989 г. (*Литаврин Г.Г. Введение // КБ. С. 27*). Указывает на этот факт и Кл. Зоде (*Sode Cl. Untersuchungen. S. 157*), хотя он противоречит ее концепции о фактическом отсутствии в трактате какого бы то ни было композиционного порядка.

который они первоначально имели на полях: так, например, в гл. 13.10–11 содержится ссылка на «главу о печенегах» (ἐν τῷ περὶ Πατζινακίτων κεφαλαίῳ). Это явный реликт состояния рукописи, когда все пассажи о печенегах составляли одну главу – с одним уже данным ей заголовком («О печенегах»)⁷⁶. Затем из текста этой единой главы было выкроено по крайней мере шесть самостоятельных глав (гл. 1–6), каждая с собственным заголовком. Напротив, сюжет о путешествии росов от Киева до Константинополя, изначально разбитый пометами на полях на множество мелких частей с их (у каждой) особыми заголовками (например, для каждого из семи порогов на Днепре⁷⁷), был затем объединен в единую гл. 9 с заголовком «О росах, идущих с моноксилами из Росии в Константинополь».

Однако часть глав получила конкретное наименование не после, а до самого написания труда, уже при заказе – от письменно или устно сформулированного самим Константином задания. Доказательства этого неоспоримы (на них обращали внимание уже Р. Дженкинз и Д. Оболенский⁷⁸): начало ряда глав предстает как прямое продолжение их заголовков (особенно очевидно это в гл. 9 – о росах, гл. 42 – об итинерарии от Фессалоники до Аваггии⁷⁹, гл. 49 – о передаче славян-бунтовщиков во власть митрополии Патр).

При этом, чем детальнее заголовок главы, тем, вероятно, более конкретные и основательные сведения по затрагиваемой теме хотел получить Константин (см. гл. 1, 8, 9, 16, 22, 42, 44, 48–52). Р. Дженкинз также допускает, что некоторые заголовки уже имелись на листах, которые в качестве материалов легли на стол Константина⁸⁰. Уже одно это обстоятельство может поколебать уверенность многих ученых в том, что все заглавия имели позднее происхождение, придумывались к готовым текстам и произошли из маргинальных помет⁸¹. О том же писал Д. Оболенский, говоря о начале гл. 9⁸².

Таковы, например, особенности гл. 49. Во-первых, ее начало является прямым продолжением ее заголовка: «Спрашивающий, каким образом славяне были поставлены на службу и в подчинение церкви Патр, пусть узнает из настоящего описания» (гл. 49.1–3) – и в ответ «спрашивающему» глава начинается с местоимения «они»⁸³. Скорее всего, и материал для подобных глав подбирался в аспекте именно так сформулированного заказчиком задания в заглавии – памятке. Заглавие здесь потому и пространно, что текст главы представляет своего рода оправдание перед возможным со стороны «спрашивающих» обвинением Константина в непоследовательности его политики: и он, и его предшественники (императоры-«македонцы») издавали новеллы, препятствующие росту крупного привилегированного землевладения не только светской знати, но и церкви, и он же (Константин) проявлял, оказывается, заботу о подкреплении льгот для вряд ли бедной митрополии Патр⁸⁴.

Особый случай составляет заголовок к гл. 30 («Рассказ о феме Далмация»). Он явно поздний и дан по аналогии с заголовком к гл. 29 («О Далмации и прилегающих к ней народах»). Мы полагаем, что первоначально заглавием гл. 30 была ее первая фраза –

⁷⁶ См.: гл. 13.10–11: «как уже было сказано выше в главе о пачинакитах».

⁷⁷ DAI. II. P. 20.

⁷⁸ Ibid. P. 8, 34.

⁷⁹ Кстати говоря, сторонникам мнения, что все заглавия находились первоначально на полях, укажем на тот факт, что этот заголовок почти равновелик тексту самой главы и уже только поэтому никак не мог быть маргинальной пометой.

⁸⁰ Jenkins R.J.H. General Introduction. P. 8.

⁸¹ DAI. II. P. 7–8. Ср.: Mondrain B. La lecture. P. 492 sqq.

⁸² DAI. II. P. 8.

⁸³ См.: гл. 49.4: οὗτοι.

⁸⁴ Литаврин Г.Г. Из комментария к 49-й главе. С. 1349–1353.

«...спрашивающие об утрате Далмации – как это она была захвачена народами славян – могут узнать [об этом] из следующего ниже» (гл. 30.6–8). Заголовок этот был сформулирован заказчиком (либо устно, либо письменно⁸⁵) по аналогии с только что приведенным выше заголовком к гл. 49.

Затем гл. 30 подверглась модернизации (мы считаем это предположение более вероятным, чем допущение, что вся гл. 30 была написана на несколько лет позднее, может быть, уже после смерти Константина). «Пристроили» ее, естественно, к гл. 29 и дали – в силу близости темы – сходный заголовок. Однако аспект этих двух глав отнюдь не совпадал полностью: гл. 29 трактует в основном о том, какие народы обитают рядом с Далмацией, а гл. 30 – о том, как ромеи ее потеряли. Новый заголовок «отодвинул» прежний, сделав его первой фразой самого текста главы. При включении гл. 30 в текст трактата сочли необходимым добавить также к ее началу и промежуточный проэпий, чтобы добиться большего соответствия этой главы тексту труда. Проэпий был сочинен чисто формально, в подражание проэпии к гл. 1, хотя был чужд ему по духу (в нем нет наставительного обращения к сыну «Знай»; говорится, напротив, что информация здесь предназначена для всех, даже – «для тех, кто будет жить после нас»: гл. 30.2–4). Именно поэтому считают, что Константин не имел никакого отношения к написанию гл. 30⁸⁶.

Мы придерживаемся иной гипотезы о происхождении гл. 30: две главы на одну тему возникли потому, что главу о Далмации писали последовательно два разных соавтора императора. Видимо, составленная одним из исполнителей гл. 29 не удовлетворила Константина, так как не совсем четко отвечала на вопрос о том, как ромеи потеряли Далмацию. Как и при заказе гл. 49, императора заботило угодное ему освещение тех явлений и событий, ответственность за которые могли ошибочно возложить на него самого или на его отца и деда. Там (в гл. 49) разъяснено, почему (вполне законно в силу особых обстоятельств) митрополия Патр получала чрезвычайные привилегии, начиная с Никифора I Геника, и как она сохранила их при Льве VI, а здесь (в гл. 30) следовало показать, что Далмация была потеряна империей задолго до Василия I (он, напротив, укрепил там позиции империи⁸⁷) и Льва VI, а тем более самого Константина⁸⁸. Получивший заказ осветить именно эту тему, второй исполнитель выполнил порученную ему задачу точнее, чем первый. Гл. 30 оказалась более информативной и, как основа, подверглась затем поздним интерполяциям, содержащим хронологически более свежие сведения. Мы не думаем, однако, что вся она являлась целиком поздней вставкой⁸⁹, как полагал уже Дж. Бьюри, ибо там упоминается о подчинении хорватов и поляков (при короле Казимире) Оттону I, что произошло после 952 г.⁹⁰

При придании труду окончательной композиции содержание гл. 29 и 30 не было согласовано редактором (они отчасти дублируют друг друга), и обе были включены в

⁸⁵ Р. Дженкинз полагает, что в основе гл. 30 лежит рапорт действовавшего в Далмации имперского чиновника (DAI. II. P. 4). Отмеченное сходство формулировок в гл. 49.1–3 и 30.6–8 отражает все-таки волю одного человека – заказчика.

⁸⁶ DAI. I. P. 4, 97. Авторам этой гипотезы следовало бы ответить на нелегкий вопрос, кто и когда – во дворце – между 959 и 979 гг. мог эту главу заказать (в подобного рода заботах трудно заподозрить Романа II и еще труднее – юного Василия II, да и события в этом регионе в указанное двадцатилетие не были для правительства империи актуальными).

⁸⁷ См.: гл. 30.126–133.

⁸⁸ Потеряна Далмация была при Михаиле II Травле (820–829), а при Василии I была, напротив, воссоздана фема Далмация (Theoph. Cont. P. 84.2–5; 291.1–292.13).

⁸⁹ Вставками Р. Дженкинз считает и пассажи о древней истории хорватов в гл. 31.31–57, 71–82.

⁹⁰ См. об этом: DAI. II. P. 97.

окончательный текст рукописи, как и в других подобных случаях (см. гл. 47 и 48, 49 и 50, которые также были сохранены редактором, несмотря на то что и они во многом дублируют друг друга).

Композиция гл. 50 – самая неупорядоченная в труде. Основное ее содержание посвящено постепенному подчинению славян и майниотов-язычников на Пелопоннесе, а затем, в ее конце, следуют четыре вставки – в сущности, самостоятельные главы, рассказывающие о внутренних делах. Подобные чуждые по сюжету вставки имеются по одной в гл. 25, 48 и 51, а в гл. 53 – две. Все эти вставки не озаглавлены, но все введены привычной редакторской сентенцией – «Знай, что...». Сам Константин, кажется, мало заботился о снабжении глав заголовками, затрудняя сам себе редакторскую работу. Так, присоединив написанный им дипломатический раздел (гл. 13.12–200) к короткому начальному тексту гл. 13 (13.1–11), Константин никак не озаглавил эту крупную секцию, заявленную им самим в качестве самостоятельной в главном введении. Остались без заголовков и девять сюжетов о «новшествах», вставленных при компоновке труда в «чужие» главы (в гл. 25.56–85 – об арабских халифах, в гл. 48.28–32 – о греческом огне; в гл. 50.83–168 – о перекройке территорий восточных фем, в гл. 50.169–221 – о катепане мардаитов Атталии, в гл. 50.222–234 – о персонах, занимавших пост паракимомена от императора Феофила до Константина VII, в гл. 50.235–256 – о даровании клирику Ктене титула протоспафария; в гл. 51.192–204 – о компенсации в пользу казны, уплаченной жителями Пелопоннеса деньгами и боевыми конями за отказ от личного участия в военном походе; в гл. 53.493–511 – о нефтеносных источниках на Северном Кавказе и в гл. 53.512–35 – о мерах, которые власть должна предпринять в случае восстания в Херсоне⁹¹).

Позднее происхождение пассажей (неозаглавленных глав) о внутренних делах выдает тот факт, что все они прибавлены к концам глав, причем таких глав, которые по тематике не имеют с этими добавлениями ничего общего, за исключением двух последних добавлений, касающихся Херсона в гл. 53, где излагается в основном древняя легенда о подвиге херсонитки Гикий. Вряд ли можно сомневаться в том, что все эти пассажи, кроме дипломатической секции, представляют собой добавки, сделанные после того, как основной текст труда уже был разбит на главы. Не случайно и то, что все неозаглавленные пассажи, опять-таки кроме одного («дипломатической» секции в гл. 13), содержатся в последнем разделе труда (о новшествах) – разделе незавершенном, с минимальными следами правки Константина VII (первым обратил на это внимание Р. Дженкинз⁹²).

Следуя гипотезе, согласно которой составленный первоначально, в 948–951 гг., справочник «О народах» был перекроен, «осовременен» и переделан в гл. 14–42 в связи с переменами плана, Р. Дженкинз, естественно, вынужден усматривать в трактате множество поздних крупных и мелких вставок самого разного характера (и к гл. 14–42, и к главам о внутренних делах⁹³).

⁹¹ Вряд ли можно считать вставками пассажи в гл. 22.75–76 (ремарка насчет свидетельств Феофана об «анархии» у арабов: ссылка подана здесь как выписка из его хроники, сделанная сразу же, при написании) и в гл. 31.73–84 (о сербских князьях).

⁹² DAI. II. P. 6–7, 12–13.

⁹³ Ibid. P. 5–6. Здесь же Р. Дженкинз дает примерные даты окончания работы над разными главами. Мы предпочли вынести оценку его заключений на этот счет в комментарий, где примечания к каждой главе принадлежат перу специалистов. Так, например, следует особо рассмотреть вопрос о том, насколько прав Р. Дженкинз, определяя как вставки следующие пассажи: гл. 29.54–216 – об утверждении власти империи над сербо-хорватами и об упрочении ее прав в Южной Италии, гл. 31.71–82 – о князе Красимере и Белой Хорватии, гл. 32.80–145 – о сербо-болгаро-византийских отношениях при Симеоне, гл. 33.16–19 – об анфипате и патрикии Михаиле, гл. 38.55–57

Конечно, наличие вставок в труде отрицать невозможно. Они действительно имеются, хотя и не в том количестве, в каком их «нашел» Р. Дженкинз (а в особенности позднее Кл. Зоде). Нужно, однако, вставки классифицировать: одни из них – цитаты из документов, другие действительно мелкие и, как правило, – поздние ремарки, сделанные при просмотре или редактировании текста. Явные вставки – безличные замечания в гл. 50 о первом и втором автократорстве Константина (нелегко определить, кто и когда их вставил). Но к поздним вставкам пытаются относить порой и вводные слова, и реплики, принадлежащие, по моему мнению, самим авторам. Таковы, например, мелкие ремарки типа «Знай, что», «как было сказано», «как упомянуто выше» (см. ниже). Причем совершенно невозможно определить – кому они принадлежат: авторам-исполнителям разных глав или редактору-императору. Мнимыми вставками, изначально составлявшими часть авторского текста, являются также, на мой взгляд, такие фразы, как «будет рассказано позже» (гл. 32.2), «я имею в виду римлян» (гл. 33.4), даже цельный отрывок о «приручении» на Пелопоннесе язычников-майниотов – не вставка, а пассаж, написанный по ассоциации с рассказом о покорении на том же полуострове славян-язычников (гл. 50.71–82).

С проблемой вставок связано неправомерное, на наш взгляд, противопоставление Р. Дженкинзом глав, упоминающих события VI–IX вв. (например, итало-венецианских⁹⁴), главам «актуальным», посвященным современным Константину событиям. Если же, пишет Р. Дженкинз, в «антикварных» главах сообщаются факты, близкие ко времени жизни Константина, то эти пассажи, по его мнению, – позднейшие вставки, результат стремления редактора или читателей актуализировать повествование (чем будто бы Константин был весьма озабочен).

Мы, напротив, рассматриваем *весь труд «Об управлении» как труд актуальный*, в полном соответствии с его замыслом, заявленным в главном проэмии, – расширить кругозор наследника, рассказать ему, что бывало прежде, неважно – далеко или близко, и неважно – при Константине Великом, при Юстиниане I или при Льве VI, чтобы в случае, если произойдет нечто подобное, наследник смог бы выбрать верное решение (обо всем этом прямо и сказано в главном проэмии Константина: Проэмий. 10–14).

Р. Дженкинз приходит к выводу о случайном включении в труд не предназначавшихся к публикации сырых материалов. К ним он относит гл. 9, 23–25, 48, 52 и 53. Гл. 9 о пути росов к Константинополю была, по его мнению, только материалом для гл. 2⁹⁵, а гл. 23–24 – об Испании и гл. 25 о завоевании Африки вандалами вообще не отвечали задачам труда (были, так сказать, браком в работе несостоятельных исполнителей); гл. 29 и 30 во многом дублируют друг друга, 48-я глава о решении Пято-Шестого Трулльского собора – лишь материал для гл. 47, а гл. 53 почти вся, кроме заключительных строк (493–535), – попросту старая легенда, далекая от сюжета трактата. Все эти главы по содержанию не имеют, подчеркивает Р. Дженкинз, никакого или почти никакого отношения к современным Константину проблемам международной и внутренней жизни, и не случайно ни одна из них не вводится в текст книги

– замечание о венграх, гл. 40.7–22 – о союзе империи с венграми против Симеона, гл. 40.51–68 – о правящем роде венгров, гл. 42.24–55 – о строительстве Саркела Петроной и др. В обоснование своего мнения, что это вставки, Р. Дженкинз приводит в сущности единственное и довольно субъективное заключение, что они грамматически будто бы не всегда гармонируют с окружающим их текстом.

⁹⁴ DAI. II. P. 2.

⁹⁵ Jenkins R.J.H. General Introduction. P. 2–4; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 364–365.

привычным для Константина оборотом «Знай»⁹⁶.

Считаем эти рассуждения Р. Дженкинза справедливыми лишь отчасти: вполне уместны в труде, по нашему мнению, гл. 9, 23–25, даже 29. Так, 9-я глава дает представление о росах, их образе жизни и трудностях их пути в Константинополь, изображая их как сильных и мужественных людей, которые полезны во время мира с ними и «вредны» при вражде (единственно, что оправдывает сомнения Р. Дженкинза относительно гл. 9, это тот факт, что композиционно она более подходит не для 1-го, а для 3-его раздела). Что касается поистине «антикварных», по выражению Р. Дженкинза, гл. 23–25 об Испании и Северной Африке, то они были, несомненно, также заказаны, хотя содержат весьма скудные сведения об этих отдаленных краях: эти регионы – в соответствии с замыслом труда – не должны были совсем выпасть из «*orbis terrarum*». Другой вопрос, что подобранные Константином исполнители в данном случае не справились с поручением. Аранжировщик сохранил и посвященные одной теме гл. 29 и 30: помимо явных совпадений, они включали и взаимно дополняющие друг друга сведения, жертвовать которыми он не захотел. Сходно обстояло дело и с гл. 47 и 48. Вопреки утверждению Р. Дженкинза, что в гл. 48 отсутствует обращение к сыну «Знай», такое обращение она все-таки содержит, хотя и во вставке (48.28), и включает к тому же весьма авторитетный, почти священный текст, которым жалко было пожертвовать, – выписку из решений Пято-Шестого Вселенского церковного собора, подкрепляющего рассказ гл. 47. Наконец, оказавшаяся совсем, казалось бы, «непрактичной», гл. 53 должна была, по мысли заказчика, пояснить читателю, сколь давно Крым подвластен империи, сколь древним и законным было происхождение тех привилегий, которыми традиционно пользовались жители Херсона, а это может в какой-то мере объяснить и опасные амбиции и заносчивость протевонов города и склонность херсонитов к неповиновению центральной власти. Можно предполагать, что у Константина не дошли руки до сокращения при редактировании повторяющихся сюжетов, а находящиеся под надзором царедворцев литераторы не рискнули осуществить необходимую правку без высочайшего разрешения.

Не исключено, что, помимо Константина, на срединной стадии проекта имелись редакторы (5–6 человек) крупных разделов, сделавшие каждый свою часть работы до императора: примечательно, что все упомянутые ремарки и отсылки находятся только в пределах одного и того же отдела, что, на наш взгляд, как раз и говорит о том, что они принадлежат перу таких «промежуточных» редакторов; внимательное ознакомление каждого из них с текстом не простиралось за пределы редактируемого им отдела. Исключение составляет отсылка, которая перебрасывает мост между разделами и которую мог сделать сам Константин, в поле зрения которого был весь труд в целом – в проэмии к 43.2–5 он пишет: «достаточно... о северных... следует, чтобы ты не остался в неведении о [странах] к восходу солнца».

Подбирал себе соавторов Константин, несомненно, сам. И в целом этот подбор, за несколькими исключениями, оказался удачным, так как он учитывал, несомненно, степень их компетентности в том или ином сюжете. Действительно, уже обозрение одних только внешнеполитических сюжетов (помимо написанного самим императором и занимающего большую часть 13-й главы дипломатического раздела и всех пассажей о внутренних делах) делает очевидным, что составление справок предполагало в каждом случае осведомленность каждого из нескольких (10–12?) исполнителей замысла, соавторов Константина, о каких-либо определенных регионах или народах (например, об арабах, об Испании, об Италии и Венеции, о Великой Моравии, о сербо-хорватских княжествах, о тюрках – печенегах и узах, о венграх, об армянах и грузинах, о киприотах,

⁹⁶ Удаляя в переводе во многих случаях («для удобства») слово «Знай» (Γστέον), австрийские издатели «уменьшают» число аргументов в пользу мнения о том, что редакторскую правку делал Константин (Byzantiner. S. 64 и Anm. 61).

о славянах на Пелопоннесе). Большинство лиц, назначенных императором писать соответствующие справки, обнаружили определенные знания не только о положении в «порученных» им регионах, но в какой-то мере и о языке большинства живущего здесь не-греческого населения. Судя по транскрипции личных имен и топонимов, а также по использованию нескольких славянских, армянских и грузинских технических терминов, материалы 9-й, 29–36-й и в особенности 43–46-й глав подбирали люди, компетентные и в тонкостях византийской дипломатии, и в сложностях местной политической ситуации. Информаторами были, безусловно, образованные византийские чиновники ведомства внешних сношений или дворцовых канцелярий, являвшиеся уроженцами славянских и армяно-грузинского регионов.

Р. Дженкинз справедливо отвергает как совершенно произвольную гипотезу Г. Манойловича о трактате как о написанном при Льве VI школьном учебнике для наследника. Добавим здесь также и наши соображения против данной гипотезы: во-первых, в мае 912 г. семилетний Константин едва вышел из гинекея и вряд ли готов был взяться за учебники второй ступени: текст труда в целом, как и текст 13-й главы, отнюдь не похож на школьный учебник⁹⁷, он ничуть не адаптирован для восприятия 7-летнего малыша. Совершенно очевидно, что обращенный к сыну василевса главный проэгий с его выпрненным слогом никак не был рассчитан на восприятие ребенка (особенно при изложении таких сюжетов, как брачные связи с представителями чуждых народов, или при внушении дитяти мысли о том, что Господь исторг его «из материнского чрева» как лучшего из всех). Согласно справедливому суждению Р. Дженкинза, трактат является поучением вполне вменяемому государю – наставлением (зерцалом) о том, как управлять «мировым кораблем»⁹⁸.

Если при составлении труда и были использованы какие-то материалы, грамоты, записи, отчеты, приказы, восходящие ко времени правления Юстиниана I, Никифора I и Льва VI, то ничто не мешало обращению к ним, если они сохранились, не только при жизни этих василевсов, но и в правление Константина VII. Кроме того, ко времени смерти Льва VI (11.05.912 г.) «Багрянородным» был не только малолетний соправитель императора Константин, но и другой его соправитель – родной младший брат Льва VI Александр. Удобно ли было в этой ситуации учить 6–7-летнего ребенка, как править? Не опрометчиво ли было бы для Льва VI противопоставлять ребенка его взрослому дяде, обладавшему официально одинаковым с ним рангом «соправителя» и являвшегося в сущности без пяти минут автократом?

Почти все следы прямого проявления авторского «я» Константина присутствуют (что естественно) в проэгиях. Везде в этих пассажах речь ведется от 1-го лица ед. числа («я», «меня», «мне»), везде (кроме проэгия к гл. 30) автор обращается к адресату на «ты», если не называет его прямо «сыном». Реплики от первого лица, помимо прямых обращений к Роману (II) «на ты», имеют место в гл. 13.192 – «я имею в виду господина Романа», гл. 13.75 – варвары «просили у нас», гл. 29.84–85 – «как мы уже говорили», гл. 33.4 – «я имею в виду римлян», гл. 45.57 – «наш раб и друг», гл. 45.68,75, 102, 105, 132, 138, 152, 167 – «наша царственность», гл. 45.102 – «к нам», гл. 45.104 – «мы нашли», гл. 45.105, 111 – «наш тесть», гл. 48.23 – «управляемое нами государство», гл. 51.163 – «я не знаю»⁹⁹.

Конечно, нельзя приписывать Константину также и авторство всех фраз от 1-го лица множ. числа («мы»), ибо в таком ключе мог привычно вести повествование любой автор-византиец, даже при написании, например, 51-й главы (да и вообще 1-е лицо

⁹⁷ *Speck P. Gesetzt. S. 293–206.*

⁹⁸ *DAI. II. P. 1.*

⁹⁹ И. Шевченко (*Шевченко И. Перечитывая. С. 30. Примеч. 51*) выделяет (предположительно) еще две фразы как написанные под диктовку Константина (*style dicté*): гл. 51.51–65 и 53.502–506.

могло появиться здесь в результате вставок, сделанных Константином при редактировании). Поэтому, оценивая подобные фразы, следует признавать бесспорным авторство Константина только за такими из них (см. их перечень выше), как «просили у нас», «наша царственность», «наш тесть», «наш раб и друг», «управляемое нами государство».

Сколько соавторов было у Константина, трудно сказать. Видимо, около полутора десятков. На предоставление справок по каждому региону (а их насчитывается 9–10) было определено от одного до трех человека. Например, если можно думать, что «кавказские» сюжеты рассказаны одним компетентным лицом, то гл. 1.1–13.11 и 37–42 о северных варварах писали по крайней мере 5–6 человек. Не меньше людей, мы думаем, работали над гл. 14–22. Несомненно, упомянутые сюжеты о внутренних делах в гл. 48, 50 и 51 были написаны несколькими людьми. На испанский сюжет был назначен, скорее всего, один исполнитель.

Особый упор на законность прав империи в сербо-хорватском регионе¹⁰⁰ позволяет думать, что здесь было более значительным авторское участие Константина. Во всяком случае, заслуживает особого внимания тот факт, что перечень и порядок перечня славянских народов на северо-западе Балкан (хорваты, сербы, захлумы, тервуниоты, каналиты, диоклетианы, аренданы-паганы) в трактате «Об управлении империей» абсолютно совпадают с составом племен и порядком их перечисления в хронографии Продолжателя Феофана, как раз в гл. 5 – в «Жизнеописании Василия», авторство которого часто приписывают императору¹⁰¹.

Перу таких вспомогательных редакторов или соавторов из ближайшего окружения императора принадлежат, несомненно, и отстраненные (в 3-м лице), с разной степенью льстивости упоминания о самом Константине VII. Например: о легендарной родословной императора (гл. 22.77–82), о юной невесте Романа (II) Берте-Евдокии (гл. 26.66–72)¹⁰², о сестре Константина Евдокии (гл. 26.72), о первом автократорстве Константина VII (гл. 51.136–137).

Итак, в целом мы полагаем, что попытки отрицать или умалять роль Константина как автора и редактора весьма опрометчивы. Указанные выше следы несомненного вмешательства Константина в текст трактата «Об управлении» трудно опровергнуть: признаки редакторской правки в большинстве глав трактата – отнюдь не результат поздних интерполяций и искажений¹⁰³.

Разумеется, авторство многих предложений принадлежит безымянным соавторам императора; тем не менее важно констатировать, что собранные для него материалы были сохранены в окончательном тексте книги постольку, поскольку их содержание в целом соответствовало представлениям самого Константина о внешнеполитических задачах империи.

Учитывая, по-видимому, Константин и отнюдь не высокий уровень

¹⁰⁰ Главы 31–56 написаны как бы по единому формуляру, с буквальным совпадением по содержанию и по фразеологии вступительных фраз к каждой главе (где идет речь о будто бы имевшей место покорности этих славянских народов империи, начиная с Ираклия).

¹⁰¹ Theoph. Cont. P. 288.19–20. Ср.: Прод. Феоф. С. 122, 304.

¹⁰² Сходно пишет о Берте-Евдокии и Продолжатель Феофана, черпавший материал, видимо, из того же источника (Theoph. Cont. P. 431.11–19).

¹⁰³ Следов редактирования тем меньше, чем ближе конец книги; особенно небрежно был отредактирован раздел о внутренних делах. В обстоятельной, сдержанно-положительной рецензии на наше первое издание (КБ) Дж. Шепард признает заслуживающей внимания мысль о вполне вероятном редактировании всего труда одним редактором (Константином) и об определенном единстве замысла труда и его исполнения (*Shepard J.* [Рец. на: КБ] // BS. 1991. Т. LII. P. 150, 154).

образованности сына Романа, и его слабую способность вникать в смысл сложного текста. Поэтому сам император-отец и рекомендовал, по всей вероятности, своим соавторам прибегать при изложении к простейшему стилю (о котором он говорит в проэмии к гл. 1). В самом деле, трудно допустить, чтобы среди 10–15 соавторов Константина VII нашлось всего два литератора, способных писать относительно искусно. Мы усматриваем таких лиц в авторах, написавших, во всяком случае, гл. 43–46 об армяно-грузинском регионе и переложивших в гл. 53 сказание о Гикии.

4. Изучение труда Константина в новейшей историографии (реанимация и обоснование давних сомнений)

Таковы в целом в историографии представления о трактате «Об управлении империей» на конец 1980-х годов. Важнейшие из приведенных выше суждений предшественников Р. Дженкинза, его самого и его последователей казались в основном общепринятыми (в том числе и нам в русском издании 1989 и 1991 гг.). Однако за истекшие годы прежние оценки творчества императора и его самого часто стали трактоваться как историографические мифы.

Под влиянием новейшей литературы претерпели за это время перемены и наши представления о трактате. Поэтому необходимо обозреть и по возможности оценить те работы в новейшей историографии, в которых наиболее отчетливо отражена и аргументирована современная точка зрения на труд «Об управлении империей» и на самого Константина VII.

Источниковедческие штудии в связи с данной темой находятся в общем русле современных византиноведческих исследований, для которых характерен пересмотр и критика источников на новом научном уровне. Специалисты заняты, фигурально выражаясь, «подметанием закоулков» – в поисках новых источников. Находка каждого нового моливдовула рассматривается как крупное событие в науке, как настоящая сенсация. Ученые дорожат любым неизвестным ранее свидетельством, каждым новым фактом. Подвергаются переоценке и давно известные источники. Ведется сложная текстологическая работа. Готовятся новые критические издания. В целом решительно преобладает критицизм, идущий иногда под руку с гиперкритицизмом, анализу отдается предпочтение перед синтезом.

В полной мере эти веяния коснулись и исследований, посвященных трудам, носящим имя Константина VII Багрянородного. И. Шевченко завершил подготовку нового критического издания «*Vita Basilii*»; большой коллектив, в основном французских ученых во главе с Ж. Дагроном, трудится над комментированным изданием «*De cerimoniis aulae Byzantinae*».

Но особенно большим интересом среди трудов, приписываемых Константину, пользуется в науке именно трактат «Об управлении империей». Вышло в свет множество статей, посвященных анализу самых разных сюжетов, отраженных в этом многоплановом памятнике (о композиции труда, об истории его создания, о пределах осведомленности авторов глав, о степени достоверности содержащихся в памятнике исторических свидетельств, о его идейной направленности и т.д.).

Этот труд находился в центре внимания и на симпозиумах, и в сборниках, посвящаемых 1000-летию брака Оттона II с византийской принцессой Феофано¹⁰⁴. В Дельфах в 1987 г. состоялась международная конференция, посвященная Константину VII¹⁰⁵. В 1990-х годах, насколько нам известно, изданы 4 монографии, касающиеся исключительно или главным образом труда «Об управлении империей»: магистерские

¹⁰⁴ Kaiserin Theophanu. См. также, например: Ševčenko I. Byzanz und der Westen. S. 5–22 (23–30 – фото рукописи).

¹⁰⁵ См. сборник статей-докладов: Constantine VII Porphyrogenitus and His Age.

диссертации Х. Синьеса Кодоньера¹⁰⁶ и Кл. Зоде¹⁰⁷ и две монографии Т. Лунгиса¹⁰⁸.

Наконец, в 1995 г. в серии «Византийские историки» австрийские византилисты опубликовали перевод этого памятника на немецкий язык, с введением и кратким комментарием¹⁰⁹. Исполнители публикации – известные ученые, и, хотя книги этой серии рассчитаны на широкого читателя, интересующегося историей, предпосланные переводу вступительная статья, введения-справки к каждой из 53-х глав, а отчасти и примечания представляют научный интерес¹¹⁰. Перевод вышел под редакцией известного византиниста-филолога И. Кодера.

Получил распространение новый взгляд на проблемы авторства, времени написания и достоверности свидетельств труда «Об управлении», – взгляд, в сущности отрицающий авторство Константина, относящий время создания части этого труда ко времени после смерти названного императора и ограничивающий значение его труда как серьезного исторического источника.

Взгляды эти не совсем новы – в разной форме они высказывались и раньше в научной литературе. Сомнения в справедливости старой точки зрения на авторство ряда трудов, приписанных традицией Константину, выражал уже К. Крумбахер¹¹¹, сходного мнения придерживался Дж. Бьюри¹¹². Многое, связанное с возникновением памятника, считал загадочным и П. Лемерль, недоумевавший почему так мало современных свидетельств о высокой образованности и творческой активности Константина VII¹¹³.

В целой серии статей, вышедших в последние годы, было продемонстрировано, что вследствие слабой обеспеченности авторов добротными историческими источниками и документальным материалом они допускали серьезные ошибки. Ограничимся несколькими примерами. Так, Х. Вольфрам отмечает такую странность как отсутствие каких бы то ни было упоминаний о Кирилле и Мефодии в гл. 37, посвященной Великой Моравии, хотя именно Мефодий пытался, хотя бы номинально, восстановить ликвидированную митрополию Сирмия, т.е. возродить древнюю традицию, столь чтимую византийцами; видимо, император попросту не знал о славянских просветителях, как и о многом другом, и ему не напомнили об этом¹¹⁴.

С. Франклин, рассмотревший специально «русские» сюжеты в труде Константина, заключил, что русы и византийцы мало знали друг о друге, автор (или авторы) труда проявлял(и) краткий и преходящий интерес к северным «варварам», хотя и не совсем пренебрегал(и) ими, сознавая грозящую от них опасность¹¹⁵. Отметив тот факт, что в

¹⁰⁶ *Signes Codoñer J.* El «De administrando imperio» de Constantino Porfirogeneto (работа осталась нам недоступна; судим о выводах автора только по ее цитированию в работах И. Шевченко, Кл. Зоде и австрийских ученых); *Idem.* Algunas consideraciones.

¹⁰⁷ *Sode Cl.* Untersuchungen. S. 149–260.

¹⁰⁸ *Λουγγης Τ.* Κωνσταντίνου Ζ' Πορφυρογεννήτου; *Idem.* Η ιδεολογία.

¹⁰⁹ *Byzantiner.* S. 22.

¹¹⁰ В предисловии исполнители извиняются перед читателями за то, что перегрузили книгу чисто научными сюжетами: *Byzantiner.* S. 61.

¹¹¹ *Krumbacher K.* Geschichte. S. 253 f.

¹¹² *Bury J.B.* The Treatise. P. 517–576, особенно P. 525, 575.

¹¹³ *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin. P. 269.

¹¹⁴ *Wolfram H.* The Image of Central Europe. P. 5–14.

¹¹⁵ Справедливость этого наблюдения подкрепляет письмо самого Константина, которое он писал своему другу Феодору, епископу Кизикскому, в тот момент, когда мог лично наблюдать в 941 г. из окон дворца за снующими по Босфору ладьями русского князя Игоря: император лишь мельком подсадовал, что этот «дикий вепрь» помешал встрече друзей, так как прервал безопасное сообщение через пролив между малоазийскими владениями империи и Константинополем (см.: *Литаврин Г.Г.* Мало известные свидетельства. С. 138–144). См. Приложение 1.

«Повести временных лет» нашли отражение лишь смутные фольклорные и легендарные воспоминания о встрече княгини Ольги с императором (имени Константина VII «русская» память, по мнению С. Франклина, при этом не удержала¹¹⁶), что образ этого императора-анонима в русской хронике символичен и сознательно принижен и что летописец продемонстрировал незнание о жене Константина VII – императрице Елене, имя которой Ольга приняла при крещении. Исследователь приходит к выводу, что и на Руси интерес к будущей «крестной матери» – Византии был также невелик¹¹⁷.

Сходным образом Т. Лунгис отметил весьма скудные знания в труде «Об управлении» об Испании, хотя именно при Константине, в середине X в., империя состояла в союзе с Кордовским халифатом, и хотя в тексте имеются отзвуки использованных западных (латинских) источников: о взятии Беневента, о письме Ирины Нарсису, о генеалогия Гуго Арльского. Но этот же ученый, касаясь очевидной путаницы в хронологии и явных анахронизмов в пассаже гл. 27 о завоевании Италии лангобардами, полагает, что некоторые ошибки в данном случае были допущены сознательно.

Касаясь споров в историографии относительно мировоззрения и политической идеологии, отраженной на страницах труда «Об управлении», Т. Лунгис стремится спасти репутацию Константина как бесспорного автора значительных пассажей труда, доказать, что он был латинофилом, и опровергнуть развитую Э. Арвейлер концепцию, согласно которой Константин пропагандировал идею своеобразного (политического) «ромейского расизма»¹¹⁸: этой идее, говорит Т. Лунгис, император был привержен менее всего, особенно тогда, когда речь шла о его отношении к странам Запада; в аутентичность *Constitutum Constantini* Константин VII искренне верил¹¹⁹. На авторитет Константина Великого опирался Константин VII и когда отдавал предпочтение франкам перед всеми другими народами¹²⁰.

П. Яннопулос, останавливаясь на многочисленных примерах смешения в труде «Об

¹¹⁶ С. Франклин, очевидно, использовал сводное издание «Повести временных лет» Д.С. Лихачева (ПВЛ), в основе которого лежала Лаврентьевская летопись, где действительно в рассказе о крещении Ольги назван Иоанн Цимисхий («Иде Ольга в греки и приде Царюгороду, бѣ тогда царь имянемъ Цѣмьский»: ПСРЛ. Л., 1926². Т. 1. Стб. 60). В Ипатьевской и Радзивилловской летописях в том же месте упомянут Константин: «и бѣ тогда царь Константинъ, сынъ Леоновъ»: ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 49; Л., 1989. Т. 38. Радзивилловская летопись. С. 31). Назван Константин и в тексте русско-византийского договора 944 г. – вместе с Романом I Лакапином и его сыном Стефаном.

¹¹⁷ *Franklin S. Constantine Porphyrogenitus and Russia*. P. 57–68. С. Франклин подчеркивает, что в отличие от Константина VII, чьего имени, по его мнению, русы не знали (см. примеч. 115), они в целом хорошо помнили о событиях, связанных с героическими страницами своей ранней истории, в частности, знали и о Романе I Лакапине, и об Иоанне I Цимисхии (*Ibid.* P. 65–66). Заметим, что в данном случае память русов имела более прочное основание: о Романе I тысячи русских послов, купцов и наемников, ежегодно посещавших Константинополь, знали в течение более четверти века, с той поры, когда он (практически с 920 г.) стал править империей, вплоть до его низложения в декабре 944 г., а с Цимисхием также тысячи русских воинов воевали на Балканах во главе со Святославом в 970–971 гг.

¹¹⁸ См.: *Ahrweiler H. L'idéologie politique*. P. 35–36, 393; *Eadem. Κωνσταντίνος Ζ'*. P. 1–4 (здесь автор более осторожна: речь в статье идет в основном о *translatio imperii* и о династической идее Константина VII).

¹¹⁹ В труде «О церемониях» папа (а не патриарх Константинополя) назван от первого лица (от имени Константина?) «нашим духовным отцом» (*De cerim.* P. 686.9–10; 689.4).

¹²⁰ *Lunges T. Το κεφάλαιο 27*. Σ. 1085–1091.

управлении» исторических событий с легендами и фикциями, считает их главной причиной обыкновенное невежество, но здесь же выражает недоумение, как мог просвещенный Константин VII написать подобные вещи или сохранить их при редактировании¹²¹. Об «ужасающем» невежестве авторов памятника (включая самого Константина) пишет и С. Манго: они не обладали никакой систематической информацией о Западе; то, что они знали, как им казалось, было на деле «кривым зеркалом»; не было в Византии и хотя бы приблизительно верных географических представлений о Западной Европе; постепенно в XI в. Запад оказался лучше информированным о Византии, чем Византия о Западе; империя привычно, в сознании своего превосходства и величия, пренебрегала подобными знаниями, опрометчиво и недальновидно закрывая глаза и затыкая уши; поэтому-то враждебная позиция крестоносцев оказалась для византийцев громом среди ясного неба¹²².

И все-таки нельзя сказать, что только что изложенные спорадически высказывавшиеся сомнения в авторстве Константина, в его редакторской и организационной работе и в значении памятника в целом сумели полностью вытеснить в историографии упоминавшуюся сдержанно-восторженную оценку личности просвещенного императора и обозначенного его именем трактата. До недавнего времени большинство исследователей продолжали признавать бесспорным произведением Константина VII следующие части исследуемого нами трактата: главное введение к нему, все промежуточные проэмии (исключая, может быть, ремарку в начале гл. 30), гл. 13.12–200 (условно обозначаемую как дипломатический раздел) и фрагменты гл. 51 (во всяком случае пассажи о детстве императора и выпады против Романа I).

Однако и эта оценка оказалась в последнее время существенно пересмотрена. Наиболее тщательно новая позиция аргументирована в серии статей И. Шевченко, увидевших свет в 1980-х – 1990-х годах. Важнейшая из них (обобщающая) вышла в 1990 г.¹²³. Она широко признана как крупное достижение в науке. Мы можем теперь более точно судить и о самом Константине, и о культурной жизни империи в середине X в., как и о состоянии знаний в высших слоях имперского общества, и о положении дел с культурным обменом между Византией и Западом в IX–X столетиях.

Основные доводы автора сводятся к доказательствам от противного: через проверку аргументов, на которых основывалась прежняя точка зрения о творческой активности и эрудиции императора и о его решающей роли в создании энциклопедических собраний и в возрождении античного знания. И. Шевченко показал, что эти аргументы весьма скудны, сомнительны или вообще мнимы. Ученый разделил при этом две проблемы, связанные друг с другом, но не идентичные: с одной стороны, степень авторского участия самого императора и уровень его образованности, а с другой – культурное состояние византийского общества во время создания крупнейших литературных памятников, бесспорно датированных X столетием.

Исследователь скрупулезно (некоторые места критически изданных источников он уточняет по оригиналам рукописей) анализирует все данные о самом Константине, полагая, что этот путь исследования может дать более убедительные результаты, чем только анализ текстов, авторство которых ему приписано¹²⁴. Вывод И. Шевченко убийственен: Константин VII, учитывая уровень его образованности и способностей,

¹²¹ *Yannopoulos P.A. Histoire et légende.*

¹²² *Mango C. Byzantine Literature. P. 14–16; Idem. Byzantium and its Image. Cp.: Hermann Jos. M.M. The Byzantine View. P. 1–19; Ebels-Hoving B. Byzantium in Latin Eyes. P. 21–31; Ciggaar K.N., Hermans Jos. M.M. Byzantium and the West. P. 1–12; Aerts W.J. The Knowledge of Greek. P. 78–103; Shepard J. Byzantium and the West. P. 48–51.*

¹²³ *Ševčenko I. Re-reading. P. 167–195. Русская версия статьи: Шевченко И. Перечитывая. С. 6–38.*

¹²⁴ *Шевченко И. Перечитывая. С. 6–42.*

был не в состоянии написать все те труды, которые носят его имя. А между тем это имя, пишет И. Шевченко, славят поныне, не приводя веских доказательств в подлинности заслуг императора. Один из последних (неоправданных, по мнению И. Шевченко) дифирамбов – «звон литавр»¹²⁵ в честь Константина – имел место в предисловии к русскому изданию «Об управлении империей», где, впрочем, И. Шевченко заметил и одну «здравую» ноту: сомнение в учености Константина, которая «сильно преувеличена»¹²⁶. Надо думать, И. Шевченко прокомментировал в подготовленном им к печати издании «Жизнеописание Василия» заявления самого автора во введении и в конце этого сочинения, что оно написано самим Константином, и доказал, что эти места – фальсификация (?)¹²⁷.

В действительности из современников Константина лишь перу Продолжателя Феофана, писавшего по заказу самого императора, принадлежит подлинный панегирик – о прилежании императора к наукам, о его высоких литературных дарованиях и о поощрении им всякого знания и искусства¹²⁸. П. Лемерлю не следовало бы удивляться, пишет И. Шевченко, почему так скудны свидетельства современников об образованности Константина¹²⁹. Подлинно эрудированные литераторы – современники императора – не обронили ни слова об успехах императора в словесности, о его увлечении античностью, приверженности к наукам и личном их изучении. Упоминается только о том, что император почитывал труды Григория Назианзина и Иоанна Златоуста (собранные Лиутпрандом слухи о Константине как неумомимом книгочое, может быть, и вероятны отчасти, но в целом абсурдны, говорит И. Шевченко¹³⁰). Какие-то из написанных Константином сочинений читал Иоанн Зонара (в середине XII в.), отозвался о них как об опытах, далеких от совершенства¹³¹, и был, по всей вероятности, прав¹³². О положительных оценках образованности, способностей и деятельности Константина со стороны гораздо более близкого к нему по времени Михаила Пселла, которому мы склонны доверять больше, чем Зонаре и даже И. Шевченко, мы уже говорили выше (см. с. 00).

Сам совестливый император нигде не похвалялся литературными успехами. Напротив, он сознавал недостаток своего образования. По-прежнему, замечает И. Шевченко, легион ученых (в том числе Я.Н. Любарский¹³³) неправомерно приписывают «Жизнеописание Василия (I)» перу его внука. Заблуждался и Дж. Бьюри, считавший его

¹²⁵ По справедливости говоря, последним во славу Константина VII был на то время не «звон литавр» в 1991 г., а «клич «любо!»» в 1992 г. (см. перевод Я. Любарского: Прод. Феоф. С. 220–223, 321). Впрочем, в другом месте Я. Любарский не скрывал своих сомнений, приведя высказывание Константина, что он будто бы только собрал материал, а для повествования «использовал руку нашего автора» (одного из своих секретарей) и что аргументация Х. Синьеса Кодоньера (*Signes Codoñer J. Algunas consideraciones*. P. 17) в пользу авторства Константина также первых четырех книг хронографии Продолжателя Феофана неубедительна (Прод. Феоф. С. 218 и примеч. 41).

¹²⁶ *Литаврин Г.Г.* Введение // КБ. С. 15–16.

¹²⁷ Во введении автор обещает, если здоровье позволит, довести историю своего рода «до самого себя» (ἵσως προσθωόμεν ἐχομένως καὶ ἄχρις ἡμῶν κατιούσης αὐτοῦ γενεᾶς τὴν ὕλην τῆς ἱστορίας ἀφήγησιν) (Theoph. Cont. P. 212.13–17), а в конце говорит, что завершил жизнеописание деда в меру собственных возможностей (Ibid. P. 353.1–3).

¹²⁸ Theoph. Cont. P. 449.4–16, 450.13–16.

¹²⁹ *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin. P. 269.

¹³⁰ *Шевченко И.* Перечитывая. С. 14. Примеч. 18. См.: *Liudpr. Antap*. P. 382 (3:37); 488 (5:22).

¹³¹ *Zonar*. P. 482.17–483.5.

¹³² *Шевченко И.* Перечитывая. С. 10–11.

¹³³ Прод. Феоф. С. 244.

автором и первых четырех книг хроники Продолжателя Феофана¹³⁴. Многочисленные параллели, стилистические и лексические, между «Жизнеописанием Василия» и «Словом на возвращение Нерукотворного образа», начисто опровергают, на взгляд И. Шевченко, мнение о принадлежности Константину авторства «Жизнеописания»: стиль и упомянутые совпадения не оставляют сомнений в том, что автором обоих произведений было одно и то же лицо, выполнявшее заказ Константина, а не он сам¹³⁵.

Согласно заголовку к «Жизнеописанию», Константин (самое большее) лишь собрал материал, а затем этот материал для написания труда «представил [настоящему] писателю»¹³⁶. Я. Любарский (скорее по недосмотру, чем из желания уклониться от проблемы, как думает И. Шевченко¹³⁷) опустил в переводе стоящие в кавычках слова из Продолжателя Феофана¹³⁸. Вряд ли случайно, что именно в «Жизнеописании» нет тех варваризмов, которыми изобилуют труды «О церемониях» и особенно «Об управлении»¹³⁹.

Можно признать значительную, сравнительно с августейшими предшественниками Константина, роль императора в покровительстве искусства и в сохранении рукописей, но дело предстает совершенно иначе, по мнению И. Шевченко, если поставить вопрос о качестве подбора экскерптов, о масштабах этой деятельности и о степени собственной творческой причастности к этому предприятию самого Константина¹⁴⁰.

Как личность он явно не соответствовал созданному исторической традицией образу. Константин с детства до конца жизни находился под гнетом опасений, вызванных самим фактом его рождения вне брака и пересудами на этот счет. Это не было лишь болезненным уколом его самолюбия. Дело обстояло весьма серьезно. Упомянутое обстоятельство угрожало не только правам на трон, но и самой его жизни (от Романа Лакапина и его сыновей), как впоследствии та же опасность (от Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия), по той же причине, тяготела и над его наследниками – над сыном Романом II и внуками Василием II и Константином VIII. Поэтому-то и имеет место в труде «Об управлении империей» навязчивый нажим на титул «Багрянородный», которым обозначен там и он сам, и его наследник Роман II (как позднее это имело место в титулатуре его внуков¹⁴¹).

Совершенно достоверно вышедшими из-под пера Константина являются только его письма. Они-то, подчеркивает И. Шевченко, и должны составить основание для решения вопроса об образованности и способностях Константина как писателя, в частности – о возможном авторстве трудов, подписанных его именем. Между тем этот корпус источников ученые спорщики оставляли в стороне¹⁴². Впервые эту задачу – сравнение стиля и лексики писем Константина и стиля трудов, носящих его имя, – выполнил И. Шевченко.

Прослеженные им лексические и фразеологические совпадения между письмами Константина и введением к труду «О церемониях» позволили ученому убедительно

¹³⁴ Bury J. The Treatise. P. 570–576.

¹³⁵ Безусловно справедливым считает это мнение и А. Маркопулос (*Μαρκόπουλος Α. Οἱ διανοούμενοι*. Σ. 161).

¹³⁶ Theoph. Cont. P. 211. 17 (τῷ γραφόντι προσανέθετο).

¹³⁷ Шевченко И. Перечитывая. С. 27. Примеч. 45.

¹³⁸ Там же. С. 27.

¹³⁹ Там же. С. 29.

¹⁴⁰ Там же. С. 12.

¹⁴¹ Там же. С. 14.

¹⁴² Даже данные о нападении Игоря на Константинополь, содержащиеся в одном из писем императора, остаются, заметил И. Шевченко в 1993 г., до сих пор не использованными (Шевченко И. Перечитывая. С. 17). Откликом на этот упрек и явилась наша статья: Литаврин Г.Г. Мало известные свидетельства.

доказать, что введение принадлежит перу самого императора. Правда, замечает исследователь с некоторым сомнением, озадачивает то, что там презренный в глазах Константина Михаил III Пьяница дважды назван «боголюбивым деспотом». Повод для сомнений, по нашему мнению, мнимый, так как в литературе империи соблюдался, видимо, приличествующий добропорядочному и набожному ромуэ этикет, обязывавший его при нейтральных упоминаниях имен покойных императоров, исключая преданных анафеме иконоборцев, добавлять почтительный эпитет¹⁴³. Например, в первых строках введения к «Жизнеописанию Василия» сказано: «О мудрейший царь, твое – в числе прочих великих – достоинство, что... не небрежешь теми, кто прежде владел царской властью»¹⁴⁴.

Константин отнюдь не кокетничал, как нередко полагали, когда заявлял в проэмии к труду «Об управлении империей» о простоте и безыскусности своего стиля¹⁴⁵. В письмах он откровенно сокрушался по поводу недостатка литературного дара, так как «не испил из кубка муз»¹⁴⁶. Об искренности этих признаний свидетельствуют отклики на них его адресатов, высоколобых изысканных стилистов. Они не спешат опровергать самооценку Константина, а только утешают августейшего друга: мол, и простой библейский стиль, которым овладел император, неплохо служит для выражения и мыслей и чувств¹⁴⁷.

По-прежнему среди ученых, пишет И. Шевченко, господствует убеждение, что Константин собрал в своих энциклопедиях в эксерптах (и тем самым спас) утраченные сочинения множества античных авторов. При проверке же оказалось, что это всего лишь жалкие обрывки, не превышавшие 10% всех подобранных материалов, среди которых преобладают выписки из ранневизантийских авторов и писателей, близких по времени к жизни Константина. Отбирая эксерпты, либо сам император, либо его соавторы наивно полагали, что очерк Геродота о персах вполне подходит для того, чтобы составить представление об арабах, а очерк о скифах, чтобы судить о русах¹⁴⁸.

Что касается непосредственно труда «Об управлении империей», то кое-что при просмотре и редактировании творчества «его рабов» – исполнителей (таков был *modus operandi* Константина¹⁴⁹) «он сохранил», говорит И. Шевченко, в тексте создаваемого труда, в том числе острые выпады против тестя-узурпатора Романа I. И. Шевченко замечает при этом, что Г.Г. Литаврин, как и другие, указывает на явное противоречие: нападки на Романа I (в гл. 43, 45, 46, 51) перемежаются с похвальными отзывами о его политике¹⁵⁰. Говоря о похвальных упоминаниях о Романа I, И. Шевченко допускает, кажется, что часть подобных вкраплений в текст мог написать не сам Константин. Но где же логика? Поскольку он «сохранил несколько острых стрел, направленных в неграмотного простака» Романа¹⁵¹, постольку признается, что он эти отзывы читал, и

¹⁴³ К примеру, Кекавмен, давший уничтожающую характеристику Константину IX Мономаху как императору и человеку, неизменно при нейтральных упоминаниях о нем называет его «благочестивейшим» (Кекавмен. С. 168.29–30, 178.14–15, 180.21 и 304.1–2). Сходным образом, и в труде «Об управлении» личный враг Константина – ненавистный Роман I почтительно и неоднократно поименован «блаженным» (см.: 43.89; 118.131; 45.102; 46.49; 51.174).

¹⁴⁴ Прод. Феоф. С. 5. Ср. об этом: Шевченко И. Перечитывая. С. 16 и примеч. 20.

¹⁴⁵ См.: гл. 1.8–15.

¹⁴⁶ См.: Ер. Вуз. Р. 323.1–7; Литаврин Г.Г. Мало известные свидетельства. С. 139.

¹⁴⁷ Ер. Вуз. Р. 324.1–325.15; Шевченко И. Перечитывая. С. 19 и примеч. 26; Ševčenko I. Levels of Style. P. 307.

¹⁴⁸ Литаврин Г.Г. Введение // КБ. С. 21, 25–26.

¹⁴⁹ Там же. С. 28–29.

¹⁵⁰ Шевченко И. Перечитывая. С. 16. Примеч. 20.

¹⁵¹ Там же. С. 16.

ничто не мешало ему удалить все то, что положительно характеризовало Романа I. Мы полагаем, что независимо от того, сам ли Константин писал этот пассаж о Романе I или даже одну фразу в нем (мы склонны думать так) или это делал один из его «рабов», император не всегда был против комплиментарного упоминания Романа I, в частности – в данном месте: в интересах империи нужно было подчеркнуть, что уступка армянскому князю была сделана некогда будто бы только из соображений «доброты» «блаженного» императора Романа I¹⁵², а не в ответ на какую-либо услугу облагодетельствованного (т.е. осталась до сей поры им не оплаченной перед империей, а значит, реально и юридически не подтвержденной)¹⁵³.

Короче, заключает И. Шевченко, Константин действительно, помимо личных писем, кое-что написал сам: введения к трудам «О церемониях» и «Об управлении», начало главы о печенегах, 13-ю исполненную небылиц главу к трактату «Об управлении»¹⁵⁴ (или большую ее часть), промежуточные обращения в этом труде к сыну Роману II. Но в основном он только распорядился подобрать материал для написания трудов, носящих его имя. И. Шевченко ссылается при этом на обращение к сыну самого Константина от первого лица во введении к труду «Об управлении», придавая, как видно, большое значение данному месту и толкуя его иначе, чем мы: εἶλα γνωστά σοι ποιήσαι (изложение И. Шевченко: «Я постановил, чтобы они (мысли Константина-отца. – Г.Л.) сделались известными тебе»: Προοίμιον. 25). И. Шевченко замечает, что эта фраза верно переведена Р. Дженкинзом («These things have I discovered of my own wisdom, and have decreed that they shall be made known unto thee» – она и приведена выше в сокращенном переводе на русский самим И. Шевченко), а вот перевод Г.Г. Литаврина «решил сделать известным тебе» будто бы «предрешает проблему»¹⁵⁵. Можно признать приемлемым вариант Р. Дженкинза и И. Шевченко, но оба их перевода и мой, строго говоря, грамматически допустимы. Но и его перевод глагола λέγω словом «распорядился», «постановил» не слишком хорошо ложится в контекст («Все это я продумал наедине с собой и распорядился сделать известным тебе»). Речь идет о собственных размышлениях Константина, и чтобы сделать их известными сыну, нужно было либо написать их самому, либо кому-то продиктовать. В любом случае предполагается авторство Константина. Так что данная фраза вряд ли может служить еще одним основанием для сомнений в принадлежности Константину авторства введения к труду «Об управлении». Кстати говоря, Кл. Зоде переводит спорное место, как и мы: «Ich habe beschlossen, sie Dir... zur Kenntnis zu geben»¹⁵⁶.

Язык этих частей действительно прост, пересыпан цитатами из Писания и подражаниями его стилю. Есть и претенциозные неумелые попытки риторических изысков и аллюзий на классику, но они находятся в русле общей литературной традиции той эпохи – ни словечка в простоте и ясности¹⁵⁷.

Если счесть Константина действительно автором всего, что ему приписано, то следует заключить, говорит И. Шевченко, о его мало вероятном умении писать по крайней мере пятью разными стилями. Да, Константин написал несколько вводных заметок к трудам «Об управлении» и «О церемониях», но и только. Труд же «О церемониях» во всяком случае своим возникновением был обязан «правой руке»

¹⁵² См.: гл. 43.183.

¹⁵³ См.: Литаврин Г.Г. Введение // КБ. С. 21. См. также: Schminck A. «In hoc signo vinces». P. 109.

¹⁵⁴ О степени достоверности данных этой главы см.: Yannopoulos P.A. Histoire et légende. P. 158–166.

¹⁵⁵ Шевченко И. Перечитывая. С. 30. Примеч. 50.

¹⁵⁶ Sode Cl. Untersuchungen. S. 161.

¹⁵⁷ Шевченко И. Перечитывая. С. 24.

Константина – паракимомену Василию Нофу, покровителю искусств¹⁵⁸. То же самое можно сказать и о труде «О фемах»¹⁵⁹.

Интенсивное использование труда «литературных рабов» было, как упомянуто, методом работы Константина. Подлинное его авторство весьма относительно: он основывался на случайно собранных материалах, причем собранных не им.

Нет ничего, по мнению И. Шевченко, более далекого от истины, чем убеждение, что Константин как император был в состоянии обеспечить помощникам возможность собрать обильный материал, дать им документы, открыть архивы и т.п. Информация о прошлом и о современном окружающем империю мире, которой пользовались ее властители, была тогда вообще скудна. Архивы и документы, даже о событиях 70–100-летней давности, хранились плохо. Сведения приходилось собирать по крупицам, порой по устным рассказам, довольствоваться иногда абсолютно устаревшими данными или легендами. В дворцовой библиотеке было в то время мало книг.

Да и материал подбирался иногда небрежно даже в тех случаях, когда он имелся и был вполне доступен: так, в главах об исламе надо было основываться хотя бы на Иоанне Дамаскине, а не на Феофане и невежественном Георгии Амартоле¹⁶⁰. Потому-то, говорит И. Шевченко, в труде столь много грубых ошибок, подробных изложений пустяков и умолчаний о важных событиях.

Продолжатель Феофана, современник и один из помощников Константина, действительно превозносит заботы императора об организации и обеспечении дела образования. Но и здесь, оказывается, по мнению И. Шевченко, немало преувеличений: на деле отыскиваются лишь слабые следы приверженности императора к произведениям античной культуры и искусства, в том числе к изящным изделиям (причем и тут это были чаще всего предметы церковной утвари и образцы не античного стиля, а позднеантичного и ранневизантийского искусства).

Наконец, И. Шевченко обращается к вопросу о культурном окружении Константина. Далеко не все среди верхов общества отличались хорошим образованием. Между разными представителями правящего класса нередко в этом отношении пролегал пропасть, как следует и из свидетельств труда «Об управлении». Так что и самого Константина на этом фоне, заключает исследователь, никак нельзя считать уж столь примитивным и невежественным: «Несмотря ни на что, – пишет И. Шевченко от имени Константина, – я был ученым императором»¹⁶¹.

Итак, оценивая итоги разысканий И. Шевченко, мы готовы согласиться с его выводами, кроме одного: авторство «Жизнеописания Василия» все-таки принадлежит, по нашему мнению, самому Константину. Следует подождать, как видно, выхода в свет подготовленного И. Шевченко критического издания этого памятника и подробного комментария к нему. Несколько выше, чем И. Шевченко, мы оценили бы и уровень образованности Константина, сообразуя его познания с его царским положением, с эпохой и теми условиями, в которых пребывало тогда общество. Критерии оценок должны быть современны жизни самого Константина.

Остановимся теперь на работе Кл. Зоде. Она поставила цель – хотя бы гипотетически решить спорную проблему происхождения труда. Один из главных, по ее мнению, методов на пути к этому – еще не осуществленное в полной мере систематическое сопоставление генерального проэмия (где последовательно, как пункты

¹⁵⁸ *Μπούρα Α.* εΟ Βασίλειος Λεκαπηνός. Σ. 397–434.

¹⁵⁹ См. об этом основательную (не без преувеличений) работу: *Belting H.* Problemi vecchi e nuovi. P. 31–57. Да и завершение труда «О церемониях» он готов относить ко времени после смерти Константина, к правлению Никифора II Фоки (см.: *Шевченко И.* Перечитывая. С. 28. Примеч. 47).

¹⁶⁰ Там же. С. 32–33.

¹⁶¹ *Шевченко И.* Перечитывая. С. 31, 36–37.

плана, перечислены сюжеты всех разделов труда) с промежуточными проэмиями к группам глав (где отмечено начало изложения сюжета каждого из разделов)¹⁶². Особое внимание в связи с этим она уделила 13-й главе, в той ее (основной) части, где идет речь о «неразумных» претензиях, предъявляемых «варварами» (гл. 13.12–200).

Исследовательница тщательно фиксирует будто бы имеющиеся в гл. 13 многочисленные (часто субъективно определяемые, нередко мнимые) ошибки, неточности, изменения в редакции отдельных фраз, лексические и фразеологические отклонения, некие сбои в логике, использование разных синонимов при описании сходных явлений, отступления от заявленного в главном введении (как и в промежуточных проэмиях) плана или даже полное его невыполнение¹⁶³, перестановки пассажей, неоднократное изменение композиции и т.п.

Анализируя текст, она проявляет исключительную скрупулезность и наблюдательность (если не сказать изобретательность и подозрительность¹⁶⁴). Иногда, мол, полагают, пишет она (следуют ссылки на П. Яннопулоса, Р. Дженкинза и на нас), что нелепые ответы на требования варваров в 13-й главе только потому кажутся нелепыми, что рассчитаны на невежество варваров¹⁶⁵. Однако решить проблему, думает Кл. Зоде, можно лучше¹⁶⁶, если допустить, что текст здесь не авторский, а подвергнутый редактированию и расширенный. Но предлагаемые при этом исследовательницей пути «лучшего решения» проблемы оказываются сплошь и рядом их произвольным усложнением. Каждый случай вскрываемых Кл. Зоде различий в проэмиях (включая вполне ординарные) является для нее несомненным свидетельством вторжений в текст «посторонней руки». Так, она обнаруживает в нем немало подлинных и мнимых заимствований из других сочинений, причем не только из установленных издателями и другими исследователями¹⁶⁷, но и из таких, само существование которых Кл. Зоде

¹⁶² *Sode Cl. Untersuchungen*. S. 152–153.

¹⁶³ Так, например, обещанное Константином в главном введении этнографическое описание народов, которое должно было стоять (так предпочитает думать Кл. Зоде) на первом месте, начисто отсутствует (*Ibid.* S. 169, 170, 173).

¹⁶⁴ К примеру, подробно разбирая заявления Константина о методах отклонения претензий варваров, она останавливается на фразе: ὅσον ἀπὸ τῆς πείρας ἡμεῖς καταλαβεῖν ἠδυνήθημεν ὡς ἐν τύπῳ περιλαβεῖν, τοιαῦταί τινες ἔσονται) (гл. 13.21–23). Перевод Кл. Зоде сходен с нашим (см.: *Sode Cl. Untersuchungen*. S. 190–191), но она усматривает здесь и синтаксические срывы, и сбои в логике и уверенно объявляет эту фразу поздней интерполяцией.

¹⁶⁵ Эти дипломатические уловки не столь уж нелепы, даже если варвары подозревали, что их «водят за нос»: ссылки на сакральные заветы предков имели вес и в их глазах. Неясно, почему же, по мысли Кл. Зоде, после смерти Константина к таким уловкам византийки могли прибегать в целях дипломатии, а при Константине – ни в коем случае?

¹⁶⁶ Особенно ясна правота в данном случае Р. Дженкинза, а не догадки Кл. Зоде (о вставках и переделках) из рассказа о секрете изготовления и применения «греческого огня»: для варваров наследник должен был говорить о завете Константина – не давать полученный Константином Великим из рук ангела огонь иноземцам, а самому наследнику надлежало открыть правду – «знай», что огонь изобрел перебежчик Каллиник (гл. 48.28–32).

¹⁶⁷ Даже простейшая фраза Константина о том, что он стремится к ясности изложения, заимствована, полагает Кл. Зоде, из книги «О церемониях»: видимо, по ее мнению, сформулировать эту простую мысль в сходных выражениях император мог лишь однажды (*Sode Cl. Untersuchungen*. S. 171).

только предполагает¹⁶⁸.

Особенно много насчитывает Кл. Зоде в гл. 13 поздних вставок. Так, по ее мнению, в пассаже, где рекомендуется ссылкой на запрет Константина отказывать иноземцам в предоставлении регалий власти, речь могла идти только о мантиях, а упоминание о короне – поздняя вставка (гл. 13.24–48). В доказательство Кл. Зоде ссылается на легенду о «Константиновых реликвиях» (о коронах там нет речи)¹⁶⁹, на тот факт, что о труде «О церемониях» не говорится о выборе патриархом праздничных мантий для императора¹⁷⁰; приводит она и мнение Н. Икономидиса, доказавшего, что данные о дарованиях императорами короны иноземцам толковались ошибочно¹⁷¹.

Навязчивые ссылки на авторитет Константина I говорят, думает Кл. Зоде, о том, что эти тексты, хотя бы частично, были написаны уже при Льве VI, стремившемся именем тезки – Константина Великого освятить права наследования своего сына¹⁷². Поэтому, думает Кл. Зоде, можно трактовать этот пассаж как выдержку из учебного пособия для наследника, специально обработанную для восприятия ребенка (характеристику трактата как учебного пособия Кл. Зоде считает бесспорной)¹⁷³.

Не менее сомнителен метод обоснования исследовательницей тезиса о неоднократных перестройках композиции трактата. Сопоставив одну из центральных в главном введении заявок (рассказать περὶ διαφορᾶς ἐτέρων ἔθνων – «о различиях меж иными народами» – см.: Проэмиий. 19) с соответствующим промежуточным проэмием (см. гл. 13.197: περὶ διαφορᾶς πάλιν ἐτέρων ἔθνων – «опять-таки о различиях меж другими народами»), Кл. Зоде приходит к далеко идущим выводам: якобы учебное пособие предполагалось начать с описания всех окружающих империю народов и лишь затем – на втором плане – поведать об отношениях с ними¹⁷⁴.

Поскольку (по гипотезе Кл. Зоде) ни о каких северных народах речи будто бы еще не было, приходится, пишет она, допустить, что в главном введении под термином ἔθνος в приведенной фразе подразумевались не только «прочие народы», но и сами «ромеи» (т.е. было заявлено, что далее предстоит рассказать об отличии «*прочих народов*» от «*народа*» *ромеев*). Лишь при таком допущении, заключает Кл. Зоде, фраза имеет смысл.

¹⁶⁸ Ibid. S. 171, 251. Кл. Зоде опирается при этом и на мнения О. Крестена и П. Шпека (*Kresten O. // Const. Three Treatises. S. 57. Anm. 8; Speck P. Über Dossiers in byzantinischer antiquarischer Arbeit. S. 270. Anm. 3*). Ср.: *Byzantiner. S. 90–91*.

¹⁶⁹ *Sode Cl. Untersuchungen. S. 193–199*. Киевская княгиня Ольга после официального приема, проходя по залам дворца, видела поставленной в одном из них парадную корону Константина VII (*Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 360–361*).

¹⁷⁰ *Sode Cl. Untersuchungen. S. 199–200*.

¹⁷¹ *Oikonomidès N. La couronne. S. 253*.

¹⁷² *Sode Cl. Untersuchungen. S. 181, 183, 185–187*. Австрийские коллеги отвергают мнение Кл. Зоде, что титул «Багрянородный» упрочился за Романом II только после смерти отца, но сами считают его также либо вставкой, либо заимствованием из переработанного пособия Льва VI для сына (Константина) (*Byzantiner. S. 55–56. Anm. 38*). Ср.: *Dagron G. Nés dans la pourpre. P. 117*.

¹⁷³ *Sode Cl. Untersuchungen. S. 204. Anm. 136*: «Die Existenz von “Schulbüchern” für Konstantin VII ist auch sonst gesichert». Уже Г. Манойлович пытался доказать, что некоторые пассажи трактата написаны стилем, специально рассчитанным на уровень детского восприятия (*Manojlović G. La composition de «De administrando imperio». P. 46*). Ссылаясь на эту мысль и на труды П. Шпека, Кл. Зоде готова считать школьным пособием и «Книгу епарха» (заметим в скобках, что текст этого «школьного» – для детей – пособия поныне остается камнем преткновения для сонма искушенных исследователей) (*Sode Cl. Untersuchungen. S. 183. Anm. 91*).

¹⁷⁴ *Sode Cl. Untersuchungen. S. 160*.

После же перемены плана, продолжает она, с намерением перенести описание народов с первого места на третье (это место соответствует гл. 14–42) выражение, употребленное (после повествования о северных народах) в промежуточном проэмии обрело несколько иной смысл. Оно указывало теперь на намерение рассказать в следующем разделе о различиях между другими народами, *кроме ромеев и всех тех северных* народов, о которых уже была речь выше. Поэтому-то, говорит Кл. Зоде, здесь, в промежуточном проэмии, в отличие от фразы в главном введении об «иных народах», добавлено словечко *πάλι*, т.е. «опять-таки» (т.е. снова о различиях, но не между выше названными, а между другими «иными народами») ¹⁷⁵. Так, заявленный во введении первоочередной сюжет оказался на третьем месте и был выполнен лишь частично в гл. 32, 46, 47 ¹⁷⁶. Более того, не исключено, думает Кл. Зоде, что эта тема вообще предусматривалась первоначально как сюжет иного, особого труда ¹⁷⁷.

Итак, считая сомнительным, как и И. Шевченко ¹⁷⁸, тезис Р. Дженкинза о том, что автор создал сначала труд «О народах», а затем изменил свои планы и принял другую композицию и канву повествования ¹⁷⁹, Кл. Зоде сама полагает, что имели место и предварительный план создания иного труда, и перемена структуры этого плана, и перестановка разделов труда (будь то как факт или только намерение). Можно было бы на этом закончить разговор о данной гипотезе Кл. Зоде, если бы не ее допущение, что термин «этнос» в нашем трактате обозначал не только иные народы, но и ромеев.

Термины, которыми в тексте трактата передано понятие «народ», всего два: *λαός* и *ἔθνος* ¹⁸⁰. Первый, употребленный в труде ок. 40 раз, означает чаще всего «войско», гораздо реже – «народ» [в основном это западные христианские народы, мораване и киприоты, изредка язычники-печенеги (гл. 6.2; 8.5, 31; 37.69) и сербы (гл. 32.8, 124; 33.8)].

Что же касается термина «этнос», встречающегося в трактате ок. 50 раз, то он означает *только иноплеменников-язычников* или иноземцев – недавних язычников (варваров) ¹⁸¹. Ни разу этот термин (как, впрочем, и термин *λαός*) не применен в трактате к ромеям. Поэтому не случайно, сознавая рискованность своего утверждения, что под термином «этнос» могут иметься в виду и ромеи, Кл. Зоде оговаривается в примечании, что иначе нельзя объяснить смысл первого упоминания «других народов» в главном введении ¹⁸².

Объяснить это, однако, можно, не совершая ни малейшего насилия над текстом и не предполагая никаких поздних переделок композиции рассказа о «других народах». Причем никаких сложностей, которые подозревает Кл. Зоде, в соотношении главного и промежуточного проэмиев и в значении термина *ἔθνος*, мы здесь не усматриваем. Обещая в главном введении рассказать прежде всего, какие народы и в чем вредны или полезны для империи, автор уже здесь явно имеет в виду *только северные народы* ¹⁸³.

¹⁷⁵ Ibid. S. 149, 159, 169.

¹⁷⁶ Ibid. S. 169–170.

¹⁷⁷ Ibid. S. 162.

¹⁷⁸ Шевченко И. Перечитывая. С. 13. Примеч. 14.

¹⁷⁹ Sode Cl. Untersuchungen. S. 157, 158, 160–163, 176–178. Гипотезу о первоначальном создании труда «О народах» не считал необходимой и Дж. Шепард (Shepard J. [Рец. на: КБ] // BS. 1991. Т. LI. P. 151).

¹⁸⁰ Термин *δῆμος* встречается весьма редко и означает только горожан: константинопольцев (гл. 13.171) и херсонитов (гл. 53.278).

¹⁸¹ Лишь в двух местах (см. гл. 13.177, 179) термин *ἔθνος* употреблен в нейтральном значении (речь идет об обыкновении людей заключать браки внутри своего народа).

¹⁸² Sode Cl. Untersuchungen. S. 159. Anm. 35.

¹⁸³ Можно было бы подумать здесь о болгарях, но на них у Константина в данном аспекте нет ни малейшего намека.

Далее в главном введении он обещает поведать о том, что именно эти же северные народы (гл. 13.18) «в своем безумии домогаются получить». Наконец, сказано здесь же далее, в третий раз, т.е. там, где изначально и предполагалось (без каких-либо переносов сюжета из начала в конец плана) вести речь «о различиях меж иными народами», т.е. теперь уже не между северными, которые только что в главном введении упомянуты, а между другими, о которых пока еще не было речи. В точном соответствии с этим главным планом развертывается повествование: в текст вводится первый сюжет (гл. 1–13.11 – о полезных и вредных народах) и два следующих промежуточных проэпия с вводимыми ими сюжетами (проэмий – гл. 13.12–23 и сюжет – гл. 13.24–194; проэмий – гл. 13.195–200 и сюжет – гл. 14–48, где «снова» обещано рассказать «об отличиях между иными народами»).

При раскрытии первого сюжета (какие из северных народов «вредны», а какие «полезны») кажутся выпадающими из указанного аспекта рассмотрения только росы (гл. 9). Отнюдь не случайно именно гл. 9 в первом разделе по размеру больше всех других вместе взятых (гл. 1–8; 10–13.11)¹⁸⁴.

Проэпии, по мнению Кл. Зоде, были добавлены к труду задним числом. Чтобы придать ему личностный характер, имя Льва VI было заменено на имя Константина VII, а имя Константина VII – на имя Романа II¹⁸⁵. Копия собранного при Льве досье была, может быть, спасена его сыном Константином, чем, вероятно, и объясняется, почему труд сохранился в одной рукописи¹⁸⁶. А более поздние редакторы не упорядочили, полагает Кл. Зоде, материал при распределении его по разделам, неоднократно прерывали работу, изменяли план и композицию труда, меняя и сами промежуточные проэпии и не приводя их в соответствие с правкой текста¹⁸⁷.

Несостоятелен, на мой взгляд, и другой аргумент Кл. Зоде в пользу расширения текста множеством поздних вставок. О них будто бы свидетельствуют пассажи с уникальными сведениями, которые не находят подтверждения в других источниках. Эти сведения-вставки не могут претендовать на значение достоверных, потому что могли подвергнуться при заимствовании из недошедших источников искажениям, а проверить эти данные мы лишены возможности¹⁸⁸.

С таким методом доказательств трудно согласиться: уникальность сохранившихся известий, к сожалению, ординарна в нашем фонде источников, и, поставив все «уникальные» сведения под сомнение, мы не смогли бы восстановить ход событий на значительных этапах истории.

Много внимания при обосновании своих выводов Кл. Зоде уделяет нечеткой композиции труда (она действительно не безупречна). Остановившись на географическом принципе расположения материала в труде «по кругу» (с востока – на запад – и север)¹⁸⁹, она подчеркивает и здесь мелкие несоответствия как свидетельства не простой небрежности, а сознательного изменения плана или даже утраты отдельных частей труда¹⁹⁰. Все противоречия в исследуемом трактате, говорит Кл. Зоде, можно решить лучше, если допустить, что его текст пережил несколько этапов переделок и добавлений¹⁹¹. (Заметим в скобках, что подобный метод текстологического анализа открывает безбрежные возможности к такой реконструкции «первоначального текста»,

¹⁸⁴ Именно потому, что в гл. 1–8, 10–13.11 освещен всего один аспект, они столь кратки, а не потому, что тщательнее других отредактированы.

¹⁸⁵ *Sode Cl. Untersuchungen. S. 253–254.*

¹⁸⁶ *Ibid. S. 253.*

¹⁸⁷ *Ibid. S. 150–152, 162.*

¹⁸⁸ *Ibid. S. 193.*

¹⁸⁹ См. также: *Литаврин Г.Г. Введение // КБ. С. 27.*

¹⁹⁰ *Sode Cl. Untersuchungen. S. 173–177.*

¹⁹¹ *Ibid. S. 193.*

которая будет иметь мало общего с текстом единственной сохранившейся рукописи).

Небезупречна, однако, и сама ее логика: с одной стороны, она утверждает, что труд никогда не был окончен и не редактировался, представляя собой груды материала, а с другой стороны, она же полагает, что в текст неоднократно вмешивалась чужая рука, которая переделывала, расширяла и ломала прежнюю композицию. Кл. Зоде решается даже на заключения о том, как лучше, с точки зрения современной стилистики, мог бы автор построить композицию¹⁹², и, не обнаружив соответствия в тексте с этой виртуальной идеальной моделью, склонна говорить о имевших здесь место переделках и вставках¹⁹³.

Мы не видим в тексте трактата столько противоречий, сколько их там находит Кл. Зоде. Композиция труда включает действительно несколько разных типов деления текста, плохо согласованных друг с другом¹⁹⁴. В целом в труде трактуются две больших темы (внешнеполитическая и внутриимперская), распадающаяся на 4–5 или 6 главных сюжетов, которые отражены в основном проэзии и сгруппированы в разделы по 8–9 географическим регионам. Но первый и последний виды организации текста имеют подчиненное значение и не усложняют канву изложения. Пассажи, выделенные по географическому или этническому принципу, следуют друг за другом упорядоченно (по часовой стрелке) и не нарушают, а облегчают восприятие. В целом же автор(ы) следовал(и) заявленному в главном введении плану.

Итак, Кл. Зоде, как и Х. Синьес Кодоньер, полагают, что история создания труда была довольно длительной¹⁹⁵. В виде отдельных небрежно собранных записок и дидактических заметок, трактат был вчерне создан при Льве VI для своего сына Константина (VII) в качестве школьного пособия¹⁹⁶. В правление Константина VII было решено переработать эти заметки и переадресовать их уже другому наследнику (Роману II), что и было сделано, но только после смерти Константина, скорее всего, между 963 и 969 гг., при участии паракимомена Василия Нофа¹⁹⁷. Примерно так, пишет Кл. Зоде со ссылками на О. Крестена и И. Шевченко, обстояло дело и с созданием трудов «О церемониях»¹⁹⁸ и «О фемах»¹⁹⁹.

¹⁹² Ibid. S. 150, 157, 158, 167, 169.

¹⁹³ О композиции – как лучше было бы расположить материал – писал уже Р. Дженкинз, предлагавший свою «идеальную» композицию труда взамен созданной тысячу лет назад.

¹⁹⁴ Так, в заявлении (гл. 43.2–6), что пора перевести повествование к восточным народам, сказав достаточно о северных, Кл. Зоде видит непоследовательно предпринятую попытку членения большого раздела (гл. 14–48) на менее крупные. При этом – только на том чисто формальном основании, что после гл. 36, которой завершается раздел о сербо-хорватах, нет сходной ремарки о завершении повествования о «западных» народах вообще – Кл. Зоде заключает, что западные народы причислены в труде к северным (в гл. 26–28 повествуется об итало-венецианском сюжете, в гл. 29–36 – о сербо-хорватском регионе, а в гл. 37 идет речь уже о печенегах) (*Sode Cl. Untersuchungen*. S. 175). Эти догадки Кл. Зоде совершенно произвольны.

¹⁹⁵ *Sode Cl. Untersuchungen*. S. 188.

¹⁹⁶ Наиболее последовательно эту точку зрения утверждал П. Шпек (*Speck P. Über Dossiers in byzantinischer antiquarischer Arbeit*. S. 277–278, 285–288; *Idem. Die heutigen Lektion*. S. 365; *Idem. Gesetzt*. S. 305–306; *Idem. Konstantinos von Rhodos*. S. 266–268).

¹⁹⁷ *Sode Cl. Untersuchungen*. S. 164, 188, 251–252.

¹⁹⁸ См. об этом: *Шевченко И.* Перечитывая. С. 28. Примеч. 47.

¹⁹⁹ Там же. С. 28. Следуя методике И. Шевченко и основным положениям его концепции, почти к тем же выводам относительно труда «О фемах» пришел Т. Прач, по

Трактат «Об управлении», однако, как полагают Кл. Зоде и Х. Синьес Кодоньер, остался в сущности сырым материалом, никогда не подвергавшимся редактированию²⁰⁰. Значение труда как источника о реальных событиях, заключает Кл. Зоде, невелико. Некоторые части труда (учебные пособия для наследника) нельзя использовать как исторический источник, а именно гл. 13.12–194 и немало других отрывков в составе труда (например, в гл. 7, 8 и 12, а также в главном проэмии и частично в промежуточных проэмиях). Эти разделы приписанного Константину сочинения, важны, признает Кл. Зоде, но скорее для изучения истории имперской традиции, а не истории событий.

Впрочем, резюмирует Кл. Зоде, остается еще много вопросов, нуждающихся в уточнениях. В заключении она сочла необходимым, несмотря на всю тщательность анализа и многочисленные остроумные догадки, подчеркнуть, что строгое обоснование высказанных ею догадок невозможно, и поэтому она готова признать свои выводы только гипотезой (хотя «по крайней мере вероятной»)²⁰¹. Недаром страницы ее работы буквально пересыпаны такими выражениями, как *vermutlich* и *vermuten*, *möglicherweise*, *vielleicht*, *wahrscheinlich*, *nicht mit Sicherheit*, *es ist nicht auszuschliessen*.

Размышления, догадки и гипотезы Кл. Зоде не лишены интереса, но нет решительно ничего установленного ею на прочном основании доказанных фактов. Остроумно, тонко и сложно плетет она кружево гипотез, но они никак не могут кардинально изменить прежние представления об авторстве трактата «Об управлении империей», о степени причастности к нему Константина VII Багрянородного и о значении этого труда как исторического источника и литературного памятника.

Разобранная выше статья И. Шевченко была уже известна всем упомянутым ученым (кроме Х. Синьеса Кодоньера), издавшим свои работы после 1994 г., и Кл. Зоде и австрийские издатели немецкой версии труда Константина VII в сущности следовали концепции И. Шевченко, развивая ее и доводя порой, по моему мнению, до крайности²⁰².

Что касается австрийского издания труда «Об управлении», то в целом идеи, высказанные там во введениях (их два: издателя И. Кодера и двух переводчиков – К. Белке и П. Зустала, которые являются также авторами обстоятельной вводной статьи «Константин VII Багрянородный и его труд») и в примечаниях к переводу, можно определить как умеренные. Частично они совпадают с изложенными выше заключениями И. Шевченко и Кл. Зоде, частично им противопоставлены. Так, например, «*Vita Basilii*» признается здесь безусловно принадлежащей перу Константина VII²⁰³.

мнению которого авторство и этого труда Константину VII не принадлежит (*Pratsch Th. Untersuchungen zu De Thematibus*. S. 15–145).

²⁰⁰ *Sode Cl. Untersuchungen*. S. 178. О том, что Константин оставил труд незавершенным, писали уже Дж. Бьюри (*Bury J.B. Treatise*. S. 525, 575 ff.) и А. Тойнби (*Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus*. P. 601 ff.).

²⁰¹ *Sode Cl. Untersuchungen*. S. 153.

²⁰² Х. Синьес Кодоньер (*Signes Codoñer J. El «De administrando imperio» de Constantino Porfirogeneto; Idem. Algunas consideraciones*) также следует в русле идей И. Шевченко, спорадически высказывавшихся им в других его статьях, опубликованных до 1994 г. (см. ссылки в ст.: *Шевченко И. Перечитывая*). П. Шпек в своем отзыве на статью И. Шевченко «*Re-reading*» также полагал, что труд «Об управлении» – переработка досье, сделанная не при жизни Константина, и что многие сведения в труде относятся к более позднему времени (*Speck P. Über Dossiers in byzantinischer antiquarischer Arbeit*. S. 269–292). Ссылается при этом П. Шпек и на работы Кл. Зоде. Ср.: *Kresten O., Müller A.E. Samtherrschaft*.

²⁰³ *Byzantiner*. S. 46. Anm. 14. А.П. Каждан также избегает определенности в вопросе о степени авторства самого Константина VII в трудах, носящих его имя (см.: *ODB*. Vol. 1. P. 503).

Говоря о главном введении и промежуточных проэмиях, они, в отличие от Кл. Зоде, считают, что авторство Константина в данном случае несомненно²⁰⁴. Однако чаще австрийские издатели дискутируют с Р. Дженкинзом (о некоторых из этих расхождений сказано выше, о других пойдет речь ниже и в комментарии).

Перевод главного введения, гл. 1–13, 29–36 и комментарий к ним осуществлен П. Зусталем, то же самое относительно гл. 14–28 и 37–53 сделано К. Белке. Одно из наиболее принципиальных установочных положений авторов данного издания приведем дословно (там высказано и отношение к нашему русскому изданию): «В 1989 г. появился комментированный, сопровождаемый неизменным греческим текстом Д. Моравчика русский перевод, от использования которого мы столь же далеки, как и от приведенной в издании, в основном, новейшей славянской и венгерской литературы. Прежде всего, следует подчеркнуть, что мы (переводчики. – Г.Г.) благодарны как этим комментариям, так и переводам, английскому и отчасти русскому, в большей мере, чем это отмечено в сносках; однако при простых, бесспорных пояснениях имен и реалий мы ссылок на чужой комментарий не делаем»²⁰⁵. Заявление любопытное, и к нему, в процессе комментирования, мы будем возвращаться неоднократно.

Особо следует сказать и о некоторых других принципах данного издания. Его исполнители – филологи. Они, говоря о языке труда и истории письменной традиции, подчеркивают, что благодаря простоте стиля Константина мы узнаем реальное звучание антропонимов и топонимов в X в.²⁰⁶. В целом они следуют транскрипции греческих имен в соответствии с ныне принятой и учитывают предложения специалистов по негреческим регионам²⁰⁷. При вариантных написаниях имен и названий в самом труде предпочитается чаще встречающаяся форма; топонимы воспроизводятся в соответствии с принятыми в «*Tabula Imperii Byzantini*», где эти формы получили научную апробацию²⁰⁸.

Стремясь обезопасить себя от возможных упреков, австрийские издатели говорят об огромной литературе, вышедшей после лондонского комментария 1962 г., которую невозможно учесть, и о множестве поднятых в ней споров, которые они не намерены разрешать. Поэтому они лишь в редких случаях предлагают свои решения «загадок», так как и без того вынуждены комментировать больше, чем принято в серии «Византийские

²⁰⁴ Австрийские коллеги согласны с Кл. Зоде в том, что труд в целом никогда не редактировался, но признание за Константином авторства почти всех проэмиев (кроме проэмия в гл. 30) неизбежно ведет их к выводу о причастности его к редактированию и (главное) о том, что именно Константин и определил композицию трактата (*Byzantiner*. S. 48, 56–57. Anm. 40).

²⁰⁵ *Byzantiner*. S. 61. В общую историографию наше издание (1989) включено, но в перечне работ новейшего времени, в которых рассматривается труд целиком, наше издание не упомянуто. К сожалению, лишь в комментарии в «Кавказским главам» в настоящем издании использована осуществленная Р.М. Бартияном публикация на армянском языке труда «Об управлении империей» (Константин). См. рецензию: *Юзбабян К.Н.* // ВВ. 1976. Т. 37. С. 267–268.

²⁰⁶ *Byzantiner*. S. 59. Свободна от крайнего скепсиса в отношении к труду «Об управлении» как к источнику, например, статья лингвиста А. Лома, посвященная анализу сербской и хорватской антропонимии и топонимии. А. Лома считает, что анализ ономастики способен помочь в решении таких спорных проблем, как вероятная прародина славян, пути их переселения и характер их контактов с местным субстратом на Балканах, в Восточной и Центральной Европе (*Loma A. Serbisches und kroatisches Sprachgut*. S. 87–161).

²⁰⁷ *Byzantiner*. S. 62. Anm. 58. Авторы ориентируются в сложных случаях преимущественно на перевод Р. Дженкинза.

²⁰⁸ *Ibid.* S. 63 и Anm. 59.

историки»²⁰⁹. Естественно, лондонский комментарий 1962 г. для них – главный авторитет (даже для гл. 9 – о Руси), хотя русский комментарий 1989 и 1991 гг. – также исследовательский, хотя новых решений там предложено немало, хотя новейшая (вышедшая после лондонского комментария 1962 г.) литература там учтена не на конец 1950-х, а на конец 1980-х годов, хотя эта литература – отнюдь не только славянская и венгерская, но и американская и западноевропейская (включая австрийскую).

Подобным образом вне поля зрения австрийских византинистов оставлен и изданный нами в двух томах в 1991–1995 гг. «Свод древнейших письменных известий о славянах», снабженный подробным комментарием, в котором учтена обширная литература на конец 1980-х – начало 1990-х годов (в списке использованной литературы в венском издании «Свод» даже не упомянут)²¹⁰. К примеру, в нашем «Своде», с учетом новейшей австрийской литературы на 1995 г., подробно рассмотрены данные труда «Об управлении» о славянах на Балканах в VI–IX вв., в том числе на Пелопоннесе (с учетом всех дискуссий). Но издатели австрийской публикации предпочли опираться на литературу 1950-х годов и, естественно, допустили ряд неточностей²¹¹.

Венские ученые делят текст труда «Об управлении» не на 4 или 6, а на 5 разделов²¹². 30-ю главу они также считают чуждой замыслу авторов и написанной, возможно, после смерти Константина²¹³. Подобно Р. Дженкинзу и Кл. Зоде они видят точное соответствие замыслу императора только в гл. 1–8, 10–13²¹⁴.

Пренебрежение нашим комментарием привело к таким ошибкам, как допущение (со ссылками на гипотезы П. Коледарова и И. Божилова), что власть «протоболгар» (!) в середине X в. на запад от Днепра еще не исчезла совсем или по крайней мере что не Дунай был тогда границей Болгарии, а Днестр²¹⁵, что, усвоив от славян термин «закон», не чуждый и греческому языку, печенеги вряд ли могли перенять от них и какие-либо нормы права²¹⁶. Почему бы это? По-видимому, славяне, по представлениям австрийских издателей, и в IX–X вв. не ведали никаких правил общежития. Следует в связи с этим напомнить о «законе (поконе) русском», о котором сказано в договоре Руси с греками 944 г., и о древнейшей краткой редакции «Русской правды». Не менее странно утверждение комментаторов, что моносилы русам славяне не продавали, а поставляли в порядке дани²¹⁷ и что принцесса Анна была выдана за князя-язычника Владимира²¹⁸ (о том, что он принял крещение до брака, умолчено) и т.д. (см. комментарий).

П. Зусталь и К. Белке видят в литературной деятельности Константина три аспекта: кое-что он писал сам, частично выступал в роли соавтора и поручал, наконец, авторство другим. Перу императора принадлежат, по их мнению, несколько писем, два обращения к войску и предположительно жизнеописание его деда. Они ссылаются при этом – не прибегая к аргументации – на статью И. Шевченко «Перечитывая», хотя там приведены доводы против того, что внук был автором биографии деда²¹⁹. Австрийские издатели не

²⁰⁹ Ibid. S. 61.

²¹⁰ Свод. См. рецензии: Бибииков М.В., Петрухин В.Я. [Рец. на:] Свод. С. 112–119; Voordekens E. [Рец.] (здесь «Свод» назван «подлинной Библией» для историков-славистов, занимающихся историей ранних славян).

²¹¹ См. комментарий к гл. 49, 50, 52.

²¹² Byzantiner. S. 47, 48, 52.

²¹³ Ibid. S. 48, 52.

²¹⁴ Ibid. S. 54–55.

²¹⁵ Ibid. S. 76. Anm. 31.

²¹⁶ Ibid. S. 77. Anm. 32.

²¹⁷ Ibid. S. 78. Ср.: 9.16: ἀπεμπολοῦσιν.

²¹⁸ Byzantiner. S. 97. Anm. 116: «Anna... wurde dem noch ungetauften Vladimir von Kiev zur Frau gegeben».

²¹⁹ Ibid. S. 45. Anm. 14, 46.

принимают, кажется, скептическую (И. Шевченко) и крайне критическую (Кл. Зоде) точку зрения на Константина. Одни из выводов этих ученых они принимают, других не разделяют, не вступая, однако, по этому поводу в полемику. В частности, они разделяют мнение П. Шпека и Кл. Зоде, что трактат был учебным пособием, созданным Львом VI для юного Константина. Находят они этому и дополнительный довод – «доверительный тон» труда. Но «доверительный тон» – отнюдь не специфическая особенность только учебников; такой же тон присущ вообще жанру зеркал²²⁰. Позиция австрийских византинистов ближе к концепции Х. Синьеса Кодоньера, который считает, в отличие от Кл. Зоде, авторскую причастность Константина к созданию труда более значительной («хотя, возможно, преувеличенной»)²²¹.

В основном же они ориентируются при оценках и интерпретации текста на Р. Дженкинза (и лишь отчасти на Кл. Зоде). Они соглашаются (на наш взгляд, напрасно) с Р. Дженкинзом в том, что гл. 42, завершающая информативно-«антикварный» раздел и представляющая собой выписку из предварительно создававшегося и переделанного труда «О народах», является переходным пассажем к 5-му разделу – практическо-дипломатическим рекомендациям об актуальной политике на востоке²²². Они членят труд на 5 разделов, выделяя гл. 47 и 48 в особый раздел, соответствующий заявке проэмия в конце гл. 46 – рассказать, что случилось между ромеями и иными народами²²³.

Задаваясь общим для исследователей вопросом: как такой труд мог появиться, П. Зусталь и К. Белке считают возможными три ответа: 1) принять гипотезу Кл. Зоде: труд не был отредактирован, создавался он долго, начиная со времен Льва VI, не раз пережив перепланировку и переделку и т.д. (эти заключения австрийские издатели определяют как «радикальные»); 2) признать гипотезу Р. Дженкинза: первоначальной целью было создание справочника «О народах», не имевшего ничего общего с задачами дипломатии и созданием руководства по управлению империей; 3) наконец, допустить, что труд был задуман давно, но оставлен на стадии сбора материала (чем отличается эта гипотеза от теории Кл. Зоде, неясно²²⁴).

Справедливо, на наш взгляд, их суждение, что признание за Константином авторства проэмиев с несомненностью означает, что сам император и был ответственен за весь план труда²²⁵.

«Славянские» главы (29–36), отмечают австрийские издатели, перекликаются друг с другом, но из их ряда выпадает гл. 30 (О феме Далмация). Проэмий к ней никак не связан с главным. Может быть, гл. 30 написана позже 955 г., а может быть, и после смерти Константина (об этом говорят будто бы и ее форма, и содержание, и даты упомянутых в главе событий²²⁶). Отметим еще и еще раз, что догадки о коренных переработках труда не согласуются с историей рукописи: она не покидала дворцовой библиотеки до конца XI в.

Говоря о концепции внешней политики Константина, П. Зусталь и К. Белке усматривают ее наиболее характерную черту в крайнем утилитаризме и корыстолюбии,

²²⁰ Ibid. S. 183. Anm. 91, 184–188. И. Шевченко, упоминая гипотезу о школьном пособии, созданном Львом VI для Константина, не считает как будто эту идею «лучшим решением» (Шевченко И. Перечитывая. С. 29–31).

²²¹ Цит. по: *Sode Cl. Untersuchungen*. S. 55. Anm. 36, 66–67.

²²² *Byzantiner*. S. 52.

²²³ Ibid. S. 47.

²²⁴ Ibid. S. 54. Anm. 33.

²²⁵ Ibid. S. 56–57. Именно поэтому Кл. Зоде, сводящая к минимуму долю авторского участия императора в создании трактата, относит создание части главного проэмия и части промежуточных также к правлению Льва VI, а компоновку труда – ко времени после смерти Константина VII (*Sode Cl. Untersuchungen*. S. 160–163, 176, 253).

²²⁶ *Byzantiner*. S. 51.

в том числе при сношениях с иноземцами-единоверцами²²⁷.

О языке и истории письменной традиции П. Зусталь и К. Белке не сказали ничего нового сравнительно с наблюдениями Д. Моравчика. Различия между их переводом, с одной стороны, и нашим и Р. Дженкинза, с другой – немногочисленны; они, в своем большинстве, оговорены в комментарии.

5. Концепция власти

Говорить всерьез о концепции власти, отраженной в трактате «Об управлении империей», можно, разумеется, только после анализа всех прочих сочинений, обозначенных именем Константина VII. Задача такого рода не может быть здесь решена, и мы отсылаем читателя к богатой современной историографии этой проблемы (основные труды, посвященные ей, названы здесь, выше и ниже).

Тем не менее необходимо хотя бы коротко остановиться на главных идеологических принципах и политических идеях, характерных для рассматриваемого нами произведения. Отнесение этих концепций к Константину, конечно, весьма условно. Как верно заметил И. Шевченко, в данном случае мы имеем дело поистине с «коллективным разумом»: авторов («литературных рабов» императора) здесь было около полутора десятков, а авторов письменных материалов, использованных ими, еще больше.

И все-таки содержание труда «Об управлении империей» позволяет говорить об определенном единстве доктрины, изложенной на его страницах, и о причастности к ее формированию самого августейшего автора.

Осмелимся предполагать, что, планируя включить в труд специальный раздел о том, «какие в нашем государстве, а также во всем царстве ромеев в разные времена появлялись новшества» (Проэрий. 23–24), Константин (вместе с его соавторами) намеревался, несомненно, рассказать о важнейших идеях и принципах, на которых зиждился имперский порядок, поведать о случаях нарушения установленного и освященного традицией устройства внутренней жизни империи (т.е. об отклонениях от таксиса, который и выражал понятие, противоположное понятию «новшества»). «Ромейское» устройство (таксис) представляется Константину естественным, а потому идеальным. Сохранение привычного (и по идее – вечного) порядка во всех областях жизни ромеев должно быть законом для любого подданного (гл. 51.99–100, 150–153)²²⁸.

Следовало ожидать, что в трактате будут изложены случаи таких нарушений и «во зло», и случаи «во благо». Иначе говоря, мы предполагаем, что была задумана бинарная структура поучения: избирались для рассмотрения две крупнейшие темы – внешнеполитическое положение империи и ее внутренняя жизнь. Соответственно первой задаче было показано, какие народы «вредны» для империи, а какие «полезны» и как с теми и другими следует вести дела. Точно так же, по нашему мнению, должны были быть названы новшества обоого рода и даны рекомендации (может быть, в особой секции, как это сделано в первом случае в гл. 13), как следует преодолевать отрицательные последствия некоторых из новшеств. По видимости случайная подборка 8–9 беспорядочно раскиданных по гл. 41, 50, 51 и 53 примеров нововведений и перемен свидетельствует в основном как раз о нежелательных случаях нарушения таксиса.

В самом деле: в гл. 41, посвященной причинам гибели Великой Моравии, изложена притча о том, что наследникам престола следует блюсти единоначалие как залог единства страны и исключать возможность гражданской войны²²⁹. К теме верности

²²⁷ Ibid. S. 44, 46.

²²⁸ См.: Tradition als historische Kraft. S. 254–266.

²²⁹ Секретарь Константина писал в то же время, что гражданская война – страшнейшее из возможных бедствий (Theoph. Cont. P 33.17–18).

закону император возвращается еще раз в гл. 53, трактуя ее в том же ключе; он пишет здесь об опасности восстания, постоянно грозящей от жителей фемы Херсон и Климаты, и о крутых мерах, которые в таком случае следует принять и центральным, и провинциальным властям. В гл. 50 с юмором и тем не менее со снисходительным неодобрением поведано о том, как император Лев Мудрый, отец Константина, даровал – в нарушение всех норм – титул протоспафария клирику Ктене²³⁰; большая часть гл. 51 посвящена переменам на царском флоте (в том числе в командном составе) после смерти Льва VI, несущим серьезную опасность для трона (напомним, из флотских начальников вышел и узурпатор Роман Лакапин); в конце гл. 51 и в гл. 52 повествуется о том, как в правление Романа Лакапина население фемы Пелопоннес поплатилось своим имуществом за отказ выставить положенное число воинов для участия в военном походе: оно должно было в качестве введенной как новшество компенсации выплатить в казну значительную (вчетверо–впятеро больше обычной налоговой) сумму денег и выставить тысячу боевых коней со снаряжением.

Идейно-политическая позиция Константина VII в отношении внутренних имперских порядков и в отношении стран и народов, с которыми империя вступала в контакты, целиком основана на традиционной имперской идеологической теории, в разработке которой в эту эпоху принимали активное участие сами василевсы, причем деятельность именно Константина Багрянородного была в этом отношении особенно плодотворной.

Сохранение престижа и величия империи ромеев явно составляло одну из его главных забот. Империя, в его представлении, – «мировой корабль», император – ее неограниченный повелитель, наделенный высшими добродетелями («Христос среди апостолов»), Константинополь – «царица городов и всего мира (κόσμου παντός)». Империя не ведает раздробления власти, а поэтому не знает внутренних раздоров и кровавой анархии. Характерно, что единомыслие и твердый порядок внутри империи Константин связывает, среди прочего, также с господством единого языка, т.е. культура империи мыслится им прежде всего как грекоязычная культура. Культ служения империи, единственной и божественной, – главный нравственный принцип для ромеев, будь они «из повелевающих или из подчиненных» (гл. 13.90).

Константин исполнен сознания личной исключительности, обусловленной уже одним фактом его рождения «в пурпуре». Выраженное им в личных письмах признание несовершенства своих литературных дарований никоим образом не предполагало наличие у него сомнений в своих способностях управлять империей. Он убежден, что царствует и трудится «ради истины» (Проземий. 43)²³¹, совершает благие дела «за спасение всех» (гл. 1.4–15)²³². Совокупность своих идей он расценивает как «сокровищницу» благоразумия, как квинтэссенцию («сок») мудрости (гл. 13.12–14). Высокая цель служения государя интересам империи и общества – идея, обычная в целом для царских зеркал, в трактате «Об управлении» пронизывает весь текст как одна из центральных.

Необычен при этом тот факт, что в трактате сам Константин (а введение и проэмии он писал лично, как выше было показано) несколько раз возносит настоящий гимн

²³⁰ Близкий к Константину VII Продолжатель Феофана пишет, что Лев VI, бывало, творил зло и беззаконие и хотел издать указ, разрешающий не только третий, но и четвертый брак (Theoph. Cont. P. 370.21–271.1, 9–11).

²³¹ Используя здесь и далее библейскую фразеологию, Константин выражает с ее помощью собственные мысли и чувства.

²³² Касаясь вопроса о высших добродетелях, приближенный к Константину Продолжатель Феофана (или даже сам Константин, так как приводимая ниже сентенция находится в «Жизнеописании Василия») причислял к таковым для слабых – покорность сильным, а для сильных – сострадание бедным (Theoph. Cont. P. 220.9–10).

знаниям, призывая сына превосходить ученостью подданных: только знания способны оградить василевса от ошибок в управлении империей (гл. 30.2–5; 43.2–6; 48.22–27).

Император, по мысли Константина, – само воплощенное благородство, «лучший из всех» (Проземий. 36). Понятие благородства, получившее в глазах ромеев большую духовную ценность, в особенности в эпоху Комнинов, объявлено у Константина одним из высших достоинств, которое приобретает главным образом благодаря рождению²³³. Он считает это качество необходимым не только государю, но и вообще обладателям публичной власти. Константин восторгается личным мужеством многих полководцев прошлого как естественным проявлением их благородства (см. например: гл. 28.45; 37.70; 38.17; 53.357)²³⁴. Роман Лакапин не отличался благородством и поэтому правил плохо и вводил «новшество... недостойное и неподобающее для благородного государства ромеев» (гл. 13.174–175).

Император весьма щепетилен в употреблении термина «ромей» как исключительного обозначения избранного Богом народа – подданного единственного «царства Божия на земле», Романии (он строго отличает их и от «римлян» – жителей Первого Рима – гл. 29.54; 30.12–14; 33.3–5 и др.). Ромей отличаются особенно глубоким чувством любви к отечеству, и Константин приводит яркие примеры проявления их беззаветного патриотизма (гл. 29.182–216)²³⁵. Напротив, он умалчивает или невнятно и бегло упоминает о событиях, в которых ромей выглядели не лучшим образом (см., например, вскользь оброненное замечание о битве при Ахелое, в которой ромей были наголову разгромлены болгарами: гл. 32.91)²³⁶. Излагаемые Константином идеи о ромейском народе – не только политическая доктрина и учение о верховной власти, но и теория нравственных ценностей византийца и катехизис его поведения. Однако и здесь император далеко не всегда последователен²³⁷.

Трактат «Об управлении» имел значение официального литературного памятника (независимо от того, писал ли во всех случаях текст сам государь или близкий к его трону интеллектуал, как и от того, адресован ли был труд широкому читателю или только членам правящей семьи). Поэтому, на первый взгляд, представляется, что Константин допускает серьезную терминологическую (и идеологическую) вольность в

²³³ Константин, кажется, различает знатность и благородство: «знатным» (ἐπίσημος), но не «благородным» (εὐγενής), можно, полагает он, стать, неожиданно разбогатев (гл. 14.27).

²³⁴ Согласно Продолжателю Феофана, Константин VII всячески благоволил отпрыскам благородных семей (Theoph. Cont. P. 456.13–20)

²³⁵ По словам Льва Диакона, один из ближайших преемников Константина VII на троне Никифор II Фока будто бы говорил перед боем своим воинам: «Мужи, стратеги, дети, со-рабы [Божии], друзья, сила римская (Ρώμη τὰ νεῦρα)» (Leon. Diac. P. 266.74).

²³⁶ А вот секретарь Константина, менее связанный заботами о сохранении престижа, описал тогда же с сокрушением тяжкие детали разгрома войск империи при Ахелое (Theoph. Cont. P. 389.11–19).

²³⁷ Хотя в гл. 53 Херсон и Климаты всюду выступают как провинция империи (Римской, а затем Ромейской), Константин тем не менее ни разу не назвал своих подданных в этой провинции «ромейями». Они только «херсониты». Точно также мы не обнаружили в трактате ни одного случая использования данного термина для обозначения жителей подвластных империи армянских фем. Другое дело – издавна живущие среди греческого населения подданные армянского происхождения, усвоившие в совершенстве греческий язык и проникшиеся ромейскими нравами (см.: *Каждан А.П.* Армяне). Но и здесь дело обстояло не столь просто: Константин (в данном случае, несомненно, он сам – гл. 13.149–175) пишет, что Роман Лакапин не вполне соблюдал ромейские законы и обычаи не только потому, что был «безграмотным», но и потому, что не был ромеем по происхождению (отец Романа был армянином).

употреблении титула «василевс»: он обозначает этим титулом и язычника, непримиримого врага христиан императора Диоклетиана (гл. 29.12, 242; 30.15; 31.12; 3.4; 35.4; 36.4), и правителя язычников-аваров (в действительности гуннов) Атилу (гл. 28.6–7). Ведь за право государей присваивать этот официальный титул вспыхивали в IX–XII вв. ярые споры между византийскими императорами и монархами Европы. Однако небрежность авторов в данном случае относительна: особое звучание в это время указанная формула приобретала только тогда, когда оба термина («ромееи» и «василевс») употреблялись в смысловом сочетании – «василевс ромеев».

Константин изображает императора как печальника и заступника своих подданных и всего царства ромеев: он с особым нажимом говорит о правителях, занимавших трон до Василия I, из-за небрежения которых своим долгом дела ромеев пришли в упадок (гл. 29.84–85). Императора заботила и судьба «наших», т.е. христиан, попавших во власть мусульман: он пишет о том, что междоусобия в Халифате (враждебном империи) ослабили его силы, но они же принесли множество страданий и самим арабам, и христианам Халифата, бывшим некогда подданными василевса (гл. 22.67–76). В случаях победы над арабами, сопровождавшейся уплатой контрибуции побежденным врагом, император требовал в качестве своей доли добычи такие ценности, которые не приносили казне непосредственной выгоды, а именно он настаивал на возврате плененных арабами ромеев (гл. 13.158–160; 29.116)²³⁸. В соответствии с принципами, заявленными в «Исагоге» в правление Василия I в качестве одной из важнейших царских обязанностей – «возвращать утраченное», наш автор также объявляет долгом императора стараться вернуть когда-либо потерянную собственность (ταῦτα... ἴδια) империи (гл. 44.115)²³⁹.

В отличие от других авторов зеркал и поучений Константин, исключая общее введение и промежуточные проэмии, относительно мало говорит о личных «государевых» добродетелях и редко морализирует. Но сентенции этического свойства встречаются и у него. Так, он порицает людей, не имеющих твердых убеждений, обладателей, как он выразился, «шаткого разума» (гл. 51.184–186), а также носителей непривычных и чуждых идей, которых те «понахватались», шатаясь по заграницам (гл. 14.15–17).

Говоря о концепции власти Константина, Ев. Хрисос справедливо указывает на уверенность, которую демонстрирует император в том, что соседние страны должны находиться под суверенитетом империи; эту старую традицию, перешедшую от Первого Рима к Новому, Константин развивает в русле практической дипломатии с особенной отчетливостью в «кавказских» главах²⁴⁰. Византийцы твердо знали (и это убеждение было недалеко от истины), что варвары считают империю земным раем, полагая, что ее реки текут «молоком и медом». Поэтому они мечтали о расселении на ее земле либо через договор с императором, либо опираясь на силу оружия (гл. 27.13, 14, 33–37; 29.14–53, 30.41, 42; 30.60–61 и др.). Безусловно, трактат «Об управлении» пронизан идеей государственного эгоизма, сознанием избранности и высшего престижа царства ромеев. Именно этот крайний имперский эгоизм Э. Арвейлер и считает, как упоминалось, стержнем концепции власти у Константина, внешнеполитическая позиция которого могла найти ограничение лишь в вооруженном отпоре соседних народов. Константин,

²³⁸ Император брал в счет добычи иноплеменников и иноверцев (нередко эфиопов) (гл. 21.15–17; 22.13) только тогда, когда среди пленников не было ромеев или когда арабы успевали их распродать.

²³⁹ По мнению А. Колиа-Дермицаки, хотя правление Константина VII не ознаменовалось большими военными победами, именно при нем были подготовлены те успехи, которые были достигнуты империей во второй половине X – начале XI в. (*Κόλια-Δερμιτζάκη Α. Η ιδέα*. Σ. 39–55).

²⁴⁰ *Χρυσός Εὐ. Ἡ βυζαντινὴ ἐπικράτεια καὶ τὰ σύνορα τῆς Αὐτοκρατορίας*. Σ. 22–24.

полагала она, возродил универалистскую греко-римскую идею о праве «избранного народа» повелевать ойкуменой, выступая в роли апологета *suī generis* «ромейского расизма»²⁴¹. В своей более поздней работе Э. Арвейлер пишет, что в трактате «Об управлении» Константин пропагандирует общеизвестные базовые ценности византийцев – христианство и римскую идею, но одновременно проводит мысль и о легитимности власти византийских императоров, унаследовавших эту власть от Константина Великого, поскольку равноапостольный император будто бы утвердил и принцип династической преемственности самой семьи Константина VII, являясь дальним предком по материнской линии основателя династии, Василия I²⁴².

Нельзя, однако, не указать на тот знаменательный факт (о котором умолчала Э. Арвейлер), что в реальной внешней политике правители империи были далеки от реализации претенциозно заявленных посягательств на земли соседей. Непреложен факт, что империя в своих войнах в VII–X вв. нигде не вышла за пределы владений Древнего Рима, хотя по количеству, тяжести и продолжительности войн, выпавших на долю империи, с ней не может сравниться ни одно другое государство Европы; помимо ударов организованных армий соседних стран Византия должна была противостоять непрерывному натиску диких племен, в особенности натиску варваров Северного Причерноморья. Империя являлась поистине подобием непрерывно осаждаемой крепости. Поэтому ее стремление сохранять мир становилось на значительные периоды времени официальной доктриной императорской власти. Дипломатия Византии, защищая ее интересы, выработала изощреннейшие формы и методы мирного общения с окружающими империю странами и народами²⁴³.

Постоянной и нередко тяжелой задачей византийской дипломатии было «сохранение лица» повелителем империи при любых обстоятельствах: империя не меняла позы театрального величия даже тогда, когда по сути дела испытывала тяжелое унижение, ибо сам Бог хранит империю, а ее столица находится под особым покровительством Богородицы (гл. 13.178–186). Преклонение иноплеменников перед империей и покорность ей изображаются Константином как норма в международных отношениях: Византия не вступает в дружбу с иными странами и народами, а ее дарует; вступивший с ней в мирные отношения обретает тем самым гарантии безопасности; все «варварские» народы (христианские и языческие), когда-либо с позволения императора или самовольно поселившиеся на землях империи, в особенности же те, которые платили империи «пакт» (дань) или приняли от нее крещение, обязаны ей повиноваться и ныне и оставаться впредь ее «рабами»²⁴⁴. Такова позиция автора в отношении и армян, и грузин, и сербов, и хорватов, и даже болгар (гл. 32.35–38), хотя на памяти Константина именно Болгария угрожала самому существованию Византийской империи как европейской державы.

²⁴¹ *Ahrweiler H. L'idéologie. P. 35–36, 393.* Заметим в связи с этим, что в контексте нравов той эпохи жестокость к иноверцам была для сознания византийца вполне ординарной мерой. Так, Продолжатель Феофана, восхваляя деяния Василия I, приказавшего перебить огромную толпу пленных курдов «как почти ни на что не годных», обронил походя еще одну примечательную фразу о том, что заслуга (!) истребления всех жителей Адаты принадлежит также не кому-нибудь иному, как герою рассказа нашего автора – Василию I (*Theoph. Cont. P. 282.17–19, 283.19–22*).

²⁴² *Ahrweiler H. Κωνσταντίνος Ζ΄. P. 1–5.*

²⁴³ См. об этом: *Литаврин Г.Г. Геополитическое положение Византии.*

²⁴⁴ Среди славословий в честь императора при его выходах было и такое восклицание: *πρὸ πόδων συντρίχη τὰς κεφαλὰς τῶν βαρβάρων* («попри пятою головы варваров») (*Constantine VII Porphyrogénète. Le livres de cérémonie / Texte établi et traduit par A. Vogt. P., 1935. Vol. I. P. 38.18*).

Согласно поучениям императора, невежественным «варварам»²⁴⁵ не только можно, но и должно откровенно лгать, утверждая, что и сами инсигнии власти (короны и мантии), и греческий огонь были переданы Богом через ангела непосредственно Константину Великому, что этот равноапостольный император запретил членам правящей династии вступать в родство с представителями правящих семейств как нехристианских, так и христианских стран, сделав исключение только для франков, ибо «сам вел род из тех краев» (гл. 13.118).

Поразителен тот факт, что в противоречие с идеями, выраженными в одновременно создаваемом труде «О церемониях византийского двора», в трактате «Об управлении» нет и намека на процесс формирования под эгидой империи некоего культурно-политического сообщества государств, входящих в восточнохристианский ареал, в «семью» православных стран во главе с императором. Между тем ко времени Константина в этот ареал уже в течение почти столетия входили Болгария и сербские княжества, а княжества Кавказа находились в восточнохристианской орбите уже более полутысячелетия²⁴⁶.

Арсенал имперской дипломатии по обеспечению мира, по «приручению» (Прозимий. 27) «диких» народов и распространению на них своего влияния был чрезвычайно богатым. Император отчетливо сознавал, что защита подданных от внешних врагов – его первейший долг. Даже весьма далекий от познаний в ратных делах, Константин изредка на страницах трактата дает стратегические оценки отдельным областям, городам и крепостям (гл. 30.117–118; 44.125–128).

Выступавший внутри империи в единой ипостаси «одушевленного закона» и «земного бога» василевс стремился представлять на внешнеполитической сцене, в зависимости от требований момента, то как неограниченный владыка, то как покорный служитель общества, связанный древними заветами, церковными канонами, волей патриарха, влиянием синклита и т.д. (гл. 13).

В подавляющем большинстве глав, в какой бы форме (исторической справки, старого предания, документального свидетельства или устного рассказа) ни была подана информация о том или ином народе, вполне ясно проступает доминирующая в них имперская политическая идея. Так, в группе глав об Италии и Венеции утверждаются права империи на владение этими землями (подорванное с середины VIII в. франкским вмешательством), настойчиво проводится мысль, что именно империя оказывала здесь жителям наибольшие благодеяния, защищала и защищает их надежнее, чем франки²⁴⁷.

Основная идея сербо-хорватского раздела состоит в утверждении, что и сербы, и хорваты были поселены на предоставленной им Ираклием в VII в. имперской земле и с тех пор хранят верность империи, болгары же, а тем более франки не имеют никаких прав на эти территории. Константин намекает даже на будто бы имевшую место

²⁴⁵ Византийцы продолжали именовать «варварами» и христиан-латинян, и единоверцев-болгар. Характерно, что и приближенный к Константину VII Продолжатель Феофана говорит о войнах царя болгар Симеона против Византии как о его борьбе с «христианами» (Theoph. Cont. P. 380.11, 388.14, 403.5), как будто он был язычником. Симеон оставался, видимо, в сознании византийцев варваром, которому свойственны, согласно стереотипу, созданному еще в античности, чванливость и жестокость (Luiselli B. L'idea romana dei barbari. P. 33–61; ODB. Vol. 1. P. 252–263).

²⁴⁶ См. об этом: Лутаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 338–364. Подобное молчание о «сообществе» характерно и для соратника Константина – Продолжателя Феофана, у которого мы обнаружили на этот счет единственный намек: приняв крещение от империи, болгары «вступили с нами в нерушимое сообщество» (πρὸς κοινῶνιαν ἄρρηκτον καθυβέβαλον ἑαυτούς; Theoph. Cont. P. 165.9–10).

²⁴⁷ Lounghis T.C. Les ambassades byzantines. P. 179–211; Nystazopoulou-Pélékidou M. Constantinople. P. 21–32.

покорность империи болгар (гл. 32.29–30, 35–38), а мир с Симеоном, угрожавшим самому существованию империи, трактуется как событие, обеспечившее «безопасность» не империи, а самому Симеону (гл. 40.13–14).

В трактате отвергается как «варварский» принцип «закона войны» (когда, опираясь на этот закон, варвары или разоряют земли империи, или, угрожая ей оружием, требуют за мир слишком много денег: гл. 3.2–4) и проповедуется необходимость следовать принципу «справедливой войны», особенно тогда, когда речь идет об отражении атак на империю со стороны ее соседей. При этом всякая война империи оказывается в глазах ее политиков и дипломатов законной и справедливой. Тогда «закон войны» превращался в свою противоположность, и чужая местность объявлялась принадлежащей ромеям по закону на том основании, что ромеи ее многократно разоряли, потратив на это много сил и средств (гл. 44.29–34; 45.43–94, 164–171).

Доминирующий тезис пассажей об армянских и грузинских землях сводится примерно к тому же заключению, которое делается относительно сербо-хорватских земель; отличие, однако, состоит в том, что права империи на территорию расселения сербов и хорватов еще не в полной мере реализованы (соперничает с империей за эти земли Болгария), тогда как на Кавказе суверенитет империи уже в значительной мере установлен.

Очевидно при этом стремление империи, используя упомянутый выше богатый арсенал дипломатии, проводить в отношении и славян, и кавказских народов политику, отвечающую древнему принципу «разделяй и властвуй» (см. особенно гл. 34, 37, 43 и 44). На вооружении византийской дипломатии постоянно находилось и такое коварное средство, как якобы «законное» утверждение на троне соседнего княжества удобного империи кандидата из беглых представителей правившей или свергнутой в подчиняемом княжестве династии: обретавшихся до времени при дворе василевса и пригретых им изгоев и отщепенцев империя всегда держала в запасе (гл. 32.100 и след.).

Внушаемый иноземцам страх, соблазняющие их почетные титулы и дары рассматривались в ведомстве внешних сношений империи как привычные и эффективные средства дипломатии. Иноземные правители в своем общении с константинопольским двором должны были «держаться ухом востро»: на дары императора надо было вовремя ответить своими дарами – в противном случае укреплялось мнение о покорности одариваемого, с благодарностью принимающего подарки и будто бы надеющегося получать их и в будущем (гл. 32.53–57). Привычным был и метод ссылок на фиктивные табу и запреты, как на мнимые, так и действительные постановления ранее правивших василевсов, нарушение которых объявлялось грехом. Угрозы и подкуп, обещания и отказ в доверии являлись также фундаментальными принципами дипломатии²⁴⁸. Мало верили византийцы даже тем государям и знатным персонам, которые приняли от империи христианство (иногда, впрочем, эти подозрения оправдывались: гл. 50.202–205).

В целом же наиболее стабильной отличительной чертой византийской дипломатии были в эпоху Константина терпение и осторожность. Византийцы старались без крайней нужды не обижать тех видных иноплеменников, в дружеском расположении или покорности которых были заинтересованы. Когда тайная интрига по обольщению милостями и дарами соседнего архонта становилась явной и империю постигала неудача (поднимался завистливый ропот обделенных местных князьков с угрозами переметнуться к врагам), император оставлял до времени свои замыслы и, «сохраняя лицо», взваливал вину за неудачную тайную интригу (иногда публично, грубо, перед лицом иноземцев) на чиновника-исполнителя, будто бы превысившего полномочия и действовавшего без разрешения василевса (гл. 46.130–165).

²⁴⁸ *Obolensky D. The Principles and the Methods; Idem. The Byzantine Commonwealth. Ch. 4–7. См. также: Византия между Западом и Востоком. С. 105–206.*

Р. Дженкинз полагает, что имеет место огромная разница в тоне повествования о дипломатических сношениях императорского двора с венграми и арабами, с одной стороны, и с армянами и грузинами, с другой. В первом случае тон будто бы спокойный и уважительный (венгры и арабы были независимы), в другом же – этот тон якобы напористый и наступательный (империя упрочивала здесь свое влияние)²⁴⁹. Мы не усмотрели здесь столь резких отличий. Пожалуй, больше, напротив, общего: осторожность и осмотрительность, опасение оттолкнуть контрагента слишком хлопотными поручениями и поспешными мерами по упрочению своего верховенства.

Что касается северного региона, то здесь Константин, как это уже отмечалось, делает основную ставку на союзных империи («друзей») печенегов, военная мощь которых могла быть использована и против росов, и против венгров, а также против хазар и болгар. Против хазар, по мысли Константина, империя может направить также узов, аланов и черных болгар. Предусматривает Константин и возможность разрыва союза с печенегами. В таком случае достойным их противником могли бы оказаться, если не венгры, то узы (гл. 9.14). Иначе говоря, империя стремилась в качестве запасного тайного «козыря» иметь в стане неприятелей нынешних «друзей» своих возможных будущих союзников на случай, если отношения с «друзьями» осложнятся.

Необычным в этой стратегической доктрине Константина является полное отсутствие хотя бы малейшего намека на союзные отношения империи с Киевской Русью, с которой (после нападения росов на Константинополь в 941 г.) примирился Роман I Лакапин. Его договор с нею, заключенный в 944 г., сохранял силу, согласно гл. 9, и во время написания труда «Об управлении». Более того: не исключено, что именно Константину мы обязаны образованием самого имени *Ῥωσία* («Росия») – хронологически это название как определение страны употреблено впервые в труде «Об управлении империей» (гл. 2.4 и др.). Можно поэтому высказать предположение, что в книгу не попала (или была утеряна до нумерации глав) еще одна специальная глава о росах, где на этот счет были даны соответствующие рекомендации.

Нам представляется вполне вероятным также, что в труд по каким-то причинам не была включена или впоследствии была утрачена особая глава о Болгарии и болгарях. Тезис Д. Моравчика, что в написании такой главы не было необходимости в виду заключенного в 927 г. долговременного дружеского договора с Болгарией (Константин не предусматривал опасности с этой стороны), не убедителен²⁵⁰. Во-первых, опасность со стороны болгар (соперничество за земли сербов) Константин все-таки предусматривал и даже рекомендовал использовать против Болгарии печенегов; во-вторых, вопреки договору 927 г., царственный автор сохраняет повсюду неизменно враждебный тон в отношении болгар и в гл. 13 недвусмысленно высказывается против условий, на которых Роман I заключил соглашение с царем Петром в 927 г.²⁵¹

Позиция предпочтения мирных контактов военным действиям прослеживается через все содержание трактата. Константин с симпатией говорит о решении крещеных хорватов никогда не воевать против своих соседей (гл. 31.31–40). Решительно осуждает он нарушение мира с болгарями Юстинианом II (гл. 22.25–26)²⁵². Константин явно сделал выбор в пользу дипломатии как главного средства защиты интересов империи²⁵³. Эта особенность его политики была замечена его младшими современниками: согласно послу Оттона I Лиутпранду Кремонскому, в 968 г. в личном разговоре с ним придворные

²⁴⁹ DAI. II. P. 2.

²⁵⁰ *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica*. Bd. 1. S. 351, 363–364.

²⁵¹ *Литаврин Г.Г.* Константин Багрянородный о Болгарии и болгарях. С. 30–37; *Shepard J.* *A Marriage Too Far?* P. 195.

²⁵² Текст в данном месте списан из хроники Продолжателя Феофана (*Theoph. Cont.* P. 364.4–7. Ср.: *Niceph.* P. 36.16–17).

²⁵³ См.: *Литаврин Г.Г.* Геополитическое положение. С. 15–18.

императора Никифора II Фоки заявили, что Константин VII добывал себе друзей с помощью даров и денег, так как был робким «домоседом», в отличие от правившего тогда Никифора II, приобретающего все необходимое империи силой оружия²⁵⁴.

Не был чужд, однако, Константину и гордому сознанию былого могущества империи: он говорит, что с тех пор как пал Первый Рим, «начали умяляться дела римские» (гл. 74.31–32). Это пессимистическое убеждение в византийском обществе было, по-видимому, всеобщим: через столетие с четвертью эту же мысль – в сходных выражениях – выскажет Кекавмен²⁵⁵.

6. Трактат «Об управлении империей» как исторический источник

Наиболее развернутые суждения относительно труда «Об управлении империей» как исторического источника сделаны ниже авторами комментария при оценке данных памятника о конкретных событиях, упомянутых в нем. Поэтому мы ограничимся здесь лишь общими наблюдениями.

Ценность труда «Об управлении» как источника определяется качеством тех материалов, на которых этот памятник основан. Следует думать, что самому Константину и его соавторам – в силу самого их положения – была в максимальной степени доступна вся та информация (письменная и устная), которую могли дать придворные и правительственные чиновники и дворцовые архивы и библиотеки²⁵⁶. Издатели (Д. Моравчик и Р. Дженкинз) определили почти все тексты других сочинений, из которых в трактате имеются прямые заимствования, указали они также и аллюзии на «чужие» сочинения. Таких текстов и сочинений оказалось относительно немного. Это Священное писание, Акты Пято-Шестого (Трульского) собора, хроника Феофана Исповедника, трактаты «О фемах» и «О церемониях», приписываемые перу Константина VII, как и пятая книга («Жизнеописание Василия I») из хроники Продолжателя Феофана («Жизнеописания византийских царей»). Что же касается всей этой хроники, как и хроники Георгия Монаха (Амартола), то эти труды, скорее всего, не были непосредственным источником для авторов трактата: имеющиеся при этом совпадения свидетельств, иногда текстуальные, – следствие не заимствований из этих хроник, а использования общих источников²⁵⁷.

Безусловно, письменных материалов, привлеченных авторами трактата, было в несколько раз больше: немало изложенных в труде сюжетов попросту было невозможно воспроизвести на память. Например: перечень арабских халифов, сроки их правления и их эмираты, племена и роды печенегов, их «фемы», роды венгров, названия их племен, родственные связи армянских и грузинских знатных родов, принадлежащие им крепости, топография древней Испании, грамматические особенности ономастики этой страны, названия городов и крепостей Италии и Венеции, названия крепостей и племен сербов и хорватов и имен их вождей, топонимия Далмации, результаты перекройки восточных фем империи, список паракимоменов, перемены в организации царского флота и имена его последовательно сменявших друг друга малых и крупных флотских начальников, названия нефтеносных районов на Северном Кавказе, имена протевонов Херсона и т.п. Источники этих сведений частично также установлены, но в подавляющем большинстве случаев они не известны или могут быть определены только предположительно. Это: местные городские хроники (Константинополя, Венеции,

²⁵⁴ Liudpr. De legat. S. 205–206.

²⁵⁵ Кекавмен. С. 314.5–14.

²⁵⁶ Выше была речь о том, что, согласно изысканиям И. Шевченко, эти возможности в данном случае оказались довольно ограниченными.

²⁵⁷ Moravcsik Gy. Critical Introduction. P. 35.

Херсона), императорские указы, донесения послов, отчеты чиновников, итинерарии и периплы, воинские трактаты, жития святых, легенды, устные свидетельства и т.п.

Даже в тех случаях, в которых источник сведений авторов трактата установлен, степень его использования весьма ограничена. Первое место здесь принадлежит хронографии Феофана Исповедника²⁵⁸, особенно в главах, повествующих об арабском ареале. Все те места, где авторы трактата обращаются к этому памятнику, тщательно учтены и отмечены издателями. Они указали не только на цитаты и пересказы, но и на краткие перефразировки, искажения, отклонения, отдельные слова-синонимы, вариации в транскрипции имен и названий, технических терминов и т.д.²⁵⁹. случаев расхождения текста трактата с текстом Феофана при заимствованиях по существу крайне мало: данные Феофана, иногда противоречивые, переписывались авторами труда «Об управлении» безо всяких попыток критического осмысления²⁶⁰. Все эти места рассмотрены и оценены в лондонском комментарии и в комментарии к нашему изданию. Совершенно справедливо И. Шевченко расценил эти заимствования как не слишком плодотворные даже в их основном блоке – в главах об арабах. Феофан мало авторитетен в данном случае, даже по сравнению с Иоанном Дамаскином.

Что же касается хроник Георгия Монаха (Амартола)²⁶¹ и Продолжателя Феофана²⁶², с которыми у трактата «Об управлении» есть параллельные места (а следовательно – и общий источник), то таких случаев еще меньше. Сравнительное рассмотрение этих мест также осуществлено в лондонском и нашем комментариях, к которым мы и здесь отсылаем читателя, чтобы не предварять беглым обзором анализа специалистов.

Среди встречающихся в литературе утверждений, которыми, как упоминалось, обосновывалась неспособность Константина VII управлять империей, встречаются и ссылки на чрезвычайную «непрактичность» написанных Константином или составленных под его редакцией сочинений, их оторванность от реалий его времени. Однако, во-первых, при оценке степени оригинальности (и «практичности») трудов средневековых авторов следует, как кажется, исходить из принятых в ту эпоху, а не из современных критериев: склонность к анахронизмам и слепое доверие к первоисточникам были в то время обычной позицией писателя, а не особым свойством, присущим только Константину²⁶³. Во-вторых, предпочтением устаревших сведений, мало пригодных для политической практики X в., особенно отличался не трактат «Об управлении», а лишь приписываемый Константину труд «О фемах», в обилии унащенный данными того времени, когда фемы вообще не существовали, и

²⁵⁸ См. подробнее: *Yannopoulos P. Constantin Porphyrogénète.*

²⁵⁹ Всего этих мест около 70. В большинстве случаев они представляют собой отдельные выражения, термины, обрывки фраз, краткие перефразировки. случаев воспроизведения по Феофану целых эпизодов совсем немного. Они встречаются, как сказано, по преимуществу в главах, посвященных арабам (гл. 14, 17, 19–22), а также в гл. 25 о потере римлянами Северной Африки и в гл. 29 о Далмации.

²⁶⁰ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 1. S. 532.*

²⁶¹ См., например, наиболее показательные случаи: гл. 13.61–66 (*Georg. Mon. P. 765.8–14*), 14.2–28 (*Georg. Mon. P. 697.13–699.10*), 40.7–13 (*Georg. Mon. P. 853.20–855.7*; *Истрин 27.20–28.11*).

²⁶² Наиболее важные случаи: гл. 13.147–149 (*Theoph. Cont. P. 414.9–15, 422.10–13*), 14.2–28 (*Theoph. Cont. P. 333.14–334.19*), 26.66–72 (*Theoph. Cont. P. 431.11–19*), 29.56–69 (*Theoph. Cont. P. 288.18–289.2*), 29.70–79 (*Theoph. Cont. P. 291.1–292.13*), 29.88–116 (*Theoph. Cont. P. 289.2–290.23, 292.14–294.2*), 29.116–216 (*Theoph. Cont. P. 294.3–297.23*), 40.7–13 (*Theoph. Cont. P. 358.7–359.16*), 42.20–55 (*Theoph. Cont. P. 122.19–124.5*).

²⁶³ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 367.*

представлявший собой справочник по географии и административному устройству империи VII–VIII вв.²⁶⁴.

В трактате «Об управлении» оказались собранными воедино и подлинные документы (или выписки из них), и легенды, лингвистические толкования и отрывки из хроник, географические описания и устные свидетельства и т.п. Легендарные сообщения, фантастические известия, сказочные мотивы и анахронизмы встречаются на страницах и других приписанных Константину сочинений. Однако в целом и книга «О церемониях» (обрядник, регулирующий порядок присвоения титулов, приемов, церемоний и всякого рода празднеств и процессий), и труд «Об управлении» вполне соответствовали современным им практическим целям. Первый служил в качестве руководства, используемого в повседневной жизни императорского дворца, второй – зеркалом для молодого повелителя государства. Несмотря на недавнюю критику воззрений Р. Дженкинза (см. о ней выше), остается, на наш взгляд, не опровергнутым его мнение, что некоторые невероятные утверждения и искажения реальных фактов у Константина представляют собой в действительности сознательную «дипломатическую фикцию», рассчитанную на невежество «варваров», которых полагалось – в интересах империи – вводить в заблуждение²⁶⁵. Что же касается других ошибок, то, по справедливому суждению П. Яннопулоса, их следует отнести на счет провалов в знаниях и на счет предрассудков автора и его соавторов, которых они не были чужды как дети своего времени²⁶⁶.

Труд «Об управлении» (как и другие сочинения, приписываемые Константину VII) останется в числе важнейших исторических источников и крупнейших литературных памятников X столетия. Существенная часть его свидетельств подтверждается другими источниками, о немалом числе событий и реалий мы узнаем только из этого труда. В частности, труд сохранил, хотя и в эксерптах и пересказах, материалы местных хроник, некоторые документы в цитатах или изложении (хрисовулы императоров о «Доме варвара», о куропалатах в Грузии, о льготах митрополии Патр, об отношениях императора с армянской и грузинской знатью).

Уникальны данные труда о венграх, аланах, печенегах, об истории сербов и хорватов, о путях переселения славян и их вторжениях вместе с аварами на Балканы, о восстаниях славян на Пелопоннесе, о пути русов из Киева до Константинополя и др. Труд «Об управлении» – первая и единственная в своем роде попытка в средневековой европейской историографии дать обзор, хотя и несовершенное, окружающих империю народов в Средиземноморье и Причерноморье.

В основном же сведения, подобранные Константином для своего наследника, и по внутренним, и по внешнеполитическим вопросам, достаточно поучительны и актуальны. Даже обычно рассматриваемая в историографии как случайно попавшая в труд гл. 53, трактующая о легендарных событиях I в. до н.э. – IV в. н.э., была подготовлена для обоснования законности освященных древностью прав империи на владение этим отдаленным регионом²⁶⁷.

В конце этой главы сообщаются подробнейшие сведения о нефтеносных источниках в Таманском регионе (с данными о местной микропонимии и

²⁶⁴ См. новейшее исследование: *Pratch Th. Untersuchungen*. S. 130–135.

²⁶⁵ DAI. II. P. 63–65. Ср.: *Shepard J. Information*. P. 233–293, особенно P. 240.

²⁶⁶ *Yannopoulos P.A. Histoire et légende*. P. 390–391.

²⁶⁷ С.В. Сорочан подвергает укоренившиеся представления о своеобразной автономии и об особой политической позиции Херсона критике как историографический миф (*Сорочан С.В. Государственное устройство*. С. 21–46). Автор не объяснил, однако, почему во всем трактате лишь в отношении этой, единственной фемы говорится о необходимости быть постоянно готовым к подавлению ее восстаний против центральной власти (подробнее об этом см. комментарий к гл. 53).

антропонимии), свидетельствующие о прекрасной осведомленности в Константинополе о соседних (хотя и отдаленных) странах в тех случаях, когда этого требовали насущные интересы империи (гл. 53.493–535).

7. Труд Константина VII Багрянородного в отечественной историографии

Труды, носящие имя Константина VII Багрянородного (и прежде всего труд «Об управлении империей»), всегда пользовались повышенным вниманием русских ученых: именно в его сочинениях сохранились самые ранние сведения о Древней Руси, сообщаемые современниками и участниками событий середины X в. В этих же текстах содержатся также наиболее масштабные обзоры раннеславянского мира (фактически в поле зрения авторов данных памятников находятся почти все территории, населенные славянами).

Нет необходимости проследивать здесь всю историю исследований трудов Константина Багрянородного в отечественной историографии. Наиболее тщательно эти работы учтены в библиографическом справочнике Д. Моравчика (русская библиография там приведена примерно за столетие начиная с середины XIX в. до 1956/57 г.)²⁶⁸. Еще более детально она учтена за 1918–1968 гг. в работе З.В. Удальцовой «Советское византиноведение за 50 лет» (М., 1969), а за 1969–1989 гг. – в коллективном трехтомном труде «Культура Византии» (М., 1984, 1989, 1991) и, наконец, наиболее целенаправленно – в первом комментированном издании памятника «Константин Багрянородный. Об управлении империей» (М., 1989/1991), как и в данной новой его публикации.

Первое известное оживление в исторической науке России, прежде всего в византиноведении и русистике, было связано с изданием Г. Ласкиным первого перевода на русский язык двух трудов Константина Багрянородного: «О фемах» (*De thematibus*) и «Об управлении империей» (*De administrando imperio*). Содержание памятников стало доступным более широкому кругу ученых, умножилось и число работ, в которых были использованы данные названных источников (что наглядным образом отражено в справочнике Д. Моравчика). Еще более пристальное внимание к их свидетельствам вызвал опубликованный третью столетия позднее более совершенный, но в эксерптах перевод В.В. Латышева и Н.В. Малицкого²⁶⁹.

Между тем, необходимость в более основательном исследовании трудов, приписываемых Константину Багрянородному, постоянно осознавалась в российских научных кругах. По инициативе акад. Ф.И. Успенского в 1918 г. в Петрограде, при Академии наук, была создана Комиссия по изучению и изданию трудов Константина, прежде всего – труда «Об управлении империей». Под разными названиями эта комиссия (с 1925 г. она называлась «Русско-византийской комиссией») существовала до 1928 г. (года смерти Ф.И. Успенского). Ее члены опубликовали несколько проблемных статей, были составлены проекты планов работы Комиссии на длительную перспективу. Однако ее деятельность была прервана после ясно обозначившегося курса ЦК ВКП(б) на свертывание (по идеологическим причинам) всех и всяких исследований по истории и культуре Византии. Материалы Комиссии находятся в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге. Они были тщательно описаны и рассмотрены О.А. Барыниной²⁷⁰.

²⁶⁸ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 360–361, 367–384.*

²⁶⁹ См.: Латышев, Малицкий.

²⁷⁰ *Барынина О.А. Русско-византийская историко-словарная комиссия: историческая лексикография в отечественном византиноведении 1920-х годов // ВВ. 2004. Т. 63. С. 195–205). См. также: Valdenberg V. Les études byzantines en Russie (1924–1929) // Byzantion. 1929. Т. IV (1927–1928). P. 483–504.*

Тем не менее традиция изучения сочинений Константина VII Багрянородного не прервалась полностью, пережив лишь временный спад в 1930-х годах. Об этом свидетельствовало уже издание перевода В.В. Латышева и Н.В. Малицкого, хотя в принципе это издание не изменило ситуацию кардинально. Решительные перемены наступили в послевоенный период: с «вышнего» соизволения византиноведение вернулось в состав «законных» гуманитарных наук. В 1947 г. возобновилось издание «Византийского временника», резко возрос вслед за этим и интерес к византийским письменным памятникам, прежде всего – к сочинениям Константина Багрянородного.

При этом особенности научного интереса в отечественной (советской и российской) историографии (присущие ей поныне), состояли в том, что данные труда «Об управлении империей» анализируются по преимуществу в связи с изучением следующих тем: 1. Русско-византийские отношения; 2. Древняя Русь и восточные славяне в X в.; 3. Ранние славяне на юго-востоке Европы, включая Балканы; 4. Крым в IX–X вв.; 5. Кочевники Причерноморья; 6. Народы Кавказа и Византия в IX–X вв.; 7. Учение об императорской власти в Византии в X в.

Среди статей и разделов в монографиях и коллективных трудах на эти темы приоритет отдавался, естественно (и отдается до сих пор) первым четырем. Как правило, данные Константина рассматривались в сопоставлении с показаниями других источников. Можно назвать лишь несколько статей, основанных исключительно на известиях труда «Об управлении империей», и монографию М.В. Левченко «Очерк истории русско-византийских отношений» (М., 1956 г.), в которой были детально рассмотрены данные о росах главы 9 труда Константина.

Однако гораздо более широкий отклик в отечественной науке получило издание 1989/1991 г.: число статей, основанных на информации сочинения «Об управлении», как и разделов в монографиях, резко возросло, в том числе и работ тех ученых, которые принимали участие в создании названного первого издания.

Краткая суммарная характеристика этих работ здесь невозможна: слишком велико число статей, слишком различна применяемая авторами методика исследования, слишком разнообразна их тематика и слишком дискуссионны порой выводы. Необходимость в их пересказе и анализе представляются тем более излишними потому, что все или почти все эти работы привлечены и оценены авторами комментария к главам труда в данной книге.

Авторы второго исправленного и дополненного издания труда «Об управлении» (в большинстве своем это те же ученые, которые готовили первое издание) осмеливаются надеяться, что делают второй важный шаг во исполнение завета своих предшественников – российских ученых, наметивших план работы в экстремальных условиях разрухи и голода в послереволюционной России. Они осмеливаются надеяться, что новое издание послужит дополнительным стимулом к исследованию ученого и литературного наследия византийских интеллектуалов X столетия, в том числе сочинения «Об управлении империей».

8. О принципах данного издания

Структура данной книги – обычная для публикаций свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» и в целом повторяет композицию издания 1989 и 1991 гг. Существенно расширена, однако, вступительная статья за счет подробного рассмотрения новейшей историографии и более детального текстологического анализа самого памятника. Приняв конъектуры в переводе, мы не вносим их в греческий текст, как не решились на вмешательство в изданный Д. Моравчиком текст и другие исследователи. Последние известные мне конъектуры рассмотрены в рецензии Э.

Фенстера. И. Шевченко предложил лишь одну грамматическую поправку²⁷¹, Кл. Зоде, австрийские издатели и Б. Мондрэн – ни одной. Минимальные предложения на этот счет сделали и мы, ограничившись оценкой альтернативных эмендаций издателей и рецензентов²⁷².

Транслитерация личных имен, географических и этнических названий и технических терминов приближена, насколько это возможно, к их средневизантийскому звучанию. В квадратные скобки заключены в переводе слова, отсутствующие в оригинале, но вставленные нами либо для заполнения лакун, либо для того, чтобы сделать иногда лапидарный текст максимально понятным. Оставленные не восполненными лакуны отмечены (и в переводе, и в греческом тексте) отточием в угловых скобках и оговорены в комментарии. Ссылки комментария ориентированы на перевод, чтобы облегчить использование книги людьми, не владеющими языком оригинала. Нумерация примечаний дается отдельно для каждой главы.

Расхождения нашего перевода с английским переводом Р. Дженкинза и двумя немецкими (сделанным австрийскими издателями и – в эксцерптах – Кл. Зоде) оказались минимальными (все они специально оговорены в соответствующих местах комментария). В отличие от наших предшественников, мы оставляем без перевода многие технические термины, передавая их в транскрипции, принятой в настоящее время в науке (василевс, василик, апокрисиарий, банда, пактиот и т.д.).

Как и Р. Дженкинз, и австрийские издатели, мы также испытывали некоторые трудности при переводе многозначных терминов, в особенности таких, как *κάστρον*, *χωρίον*, *χώρα*, *λαός* и др. *Κάστρον* передается в переводе К. Белке и П. Зусталя то как «город», то как «крепость» – в соответствии, согласно их заявлению, с историческими реалиями времени, но обычно как «город», в сущности по чисто субъективным критериям. Я вынужден не всегда с ними соглашаться. То же следует сказать и о терминах *χώρα* («земля» или «страна») и *χωρίον*²⁷³ («место» или «деревня»). В зависимости от контекста мы переводим также термины *ἔθνος* («народ», «иноплеменники», «язычники», «племя»), *λαός* («народ», «войско»), *πάκτων* («даны», «договор», «налог»), *πολιτεία* («государство», «власть», «управление»), *ἀρχή* («царство», «власть», «начало»).

На последней паре терминов остановимся несколько подробнее. Их специально рассматривает Кл. Зоде, но она понимает под «политией» не государство (систему управления, таксис), а всю православную империю ромеев, а под «архи» – не просто царство (империю, ее территорию), а – в отличие от «Ромейской» – Римскую империю на протяжении всего ее исторического бытия²⁷⁴. Эти соображения мы считаем не оправданными контекстом (см. соответствующие места комментария).

Редакторские ремарки Константина «Знай, что» или «что» австрийские издатели во многих случаях сознательно удаляют из перевода. Переводчики сознают при этом, что эти выражения, может быть, важны для изучения текстологии памятника, однако они, по

²⁷¹ Шевченко И. Перечитывая. С. 7. Примеч. 5.

²⁷² Кл. Зоде сожалеет, что издание Д. Моравчика (учитывающего все особенности Парижской рукописи и ее расхождения с тремя ее поствизантийскими списками), «сравнительно с изданиями Меурсия и Бандури, не содержит нового рукописного материала» (*Sode Cl. Untersuchungen*. S. 208. Anm. 148). Но, как показала Б. Мондрэн, такой дополнительный материал, как и следовало ожидать, оказался невелик (*Mondrain V. La lecture*).

²⁷³ У Р. Дженкинза *χωρίον* обычно *village* «деревня». Но в ряде случаев (см. гл. 44.34, 48, 60, 105) он переводит этот термин словом *territory* «территория», что нам не представляется бесспорным. Ср.: *Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur*. S. 199–200.

²⁷⁴ *Sode Cl. Untersuchungen*. S. 159. Anm. 35, 161.

их мнению, отягощают стиль перевода и для книги научно-популярного жанра излишни²⁷⁵. Мы последовательно сохраняем их в той форме, как они представлены в тексте.

В комментарии читатель не найдет исчерпывающую литературу по той или иной проблеме – в данном издания такой подход попросту невозможен. Указываются либо важнейшие (обычно новейшие) работы, либо такие из них, которые содержат относительно полную библиографию. Чтобы не перегружать комментарий, работы, ссылки на которые многократны, приведены в сокращениях, раскрытых в библиографическом списке в конце книги.

Хронологическая таблица охватывает только главные события, упомянутые в памятнике. К изданию прилагаются карты: «Географическая номенклатура сочинения “Об управлении империей”» и «Византийская империя в середине X в.», а также более подробные карты основных регионов. На первую из названных карт нами нанесены (в формах, принятых в переводе) географические названия, содержащиеся в трактате Константина.

Мы воспроизводим на этот раз также аннотированные (именной, этно-географической и предметно-терминологической) указатели к греческому тексту (в старом издании они отсутствуют). В данной публикации при всех ссылках на греческий текст указываются (в том числе в указателях) не страницы, а только главы и строки. В указателях же к русским текстам указаны только страницы. Аннотирование включенных в указатели названий и терминов – предельно кратко, так как подробные пояснения даны в соответствующих примечаниях в комментарии.

* * *

На этом мы прервем наше обозрение. Дальнейшие наблюдения и оценки будут сделаны в комментарии. В заключение констатируем, что в изучении труда «Об управлении империей» (как и вообще всего литературного наследия, связанного с именем Константина VII, и состояния образованности в византийском обществе на середину X в.), наряду с несомненными крупными успехами, имеют место и далеко не во всем оправданные, на наш взгляд, проявления скептицизма и гиперкритицизма.

На наш взгляд, образ императора как сочинителя, инициатора и организатора литературной и просветительской деятельности несколько опрошен в работах И. Шевченко и существенно принижен в монографии Кл. Зоде. Неумеренные некогда дифирамбы в адрес Константина сменились почти столь же неумеренным умалением его личности и его деятельности на ниве византийской культуры. Независимо от точности введенного в науку П. Лемерлем термина «Македонское возрождение», очевидный подъем культуры в Византии во второй половине X в. бесспорно связан с правлением Константина Багрянородного. Безусловно также и то, что трактат «Об управлении» в целом сохранит свое значение не только как литературный памятник об имперских традициях, но и как важный исторический источник²⁷⁶.

Выдающаяся для того времени культурная и организаторская роль Константина VII несомненна и заслуживает высокой положительной оценки. Считаю тезис о предгуманизме (или своеобразном «первом гуманизме») со времен Македонской

²⁷⁵ Byzantiner. S. 64.

²⁷⁶ См.: Howard-Johnston J. *The De administrando imperio*. P. 300–336; Sorlin I. *Voies commerciales*. P. 337–355. Дж. Шепард также пишет о том, что труд Константина – отнюдь не только беспредметный перечень «антикварных» сведений, но в целом и поучителен, и полезен для нужд имперской дипломатии X в. (Shepard J. [Рец. на: КБ] // BS. 1991. Т. LII. P. 154).

династии, в особенности с Константина Багрянородного, справедливым²⁷⁷. Мы полагаем, что подъем византийской литературы, начавшийся в XI в., был подготовлен творческой культурной активностью того интеллектуального окружения Константина VII Багрянородного, которое он лично сформировал и всячески поддерживал. В конце X – XI в. отнюдь не случайно появилась плеяда таких крупных авторов, как Лев Диакон, Симеон Новый Богослов, Михаил Пселл, Михаил Атталиат, Иоанн Мавропод, Евстафий Ромей, Никита Стифат и др.

При попытках составления личного, как теперь говорят – «сомнопсихологического», портрета самого императора необходимо продолжить намеченное, но прерванное И. Шевченко сравнение нашего героя с его предшественниками на троне, как и с персонами, учеными и неучеными, из его ближайшего окружения, а также с современными ему монархами Западной Европы. Осуществляя это сопоставление, необходимо, на наш взгляд, не ограничиваться сравнением его талантов и уровня образованности только с соответствующими качествами хронистов, историков, риториков и агиографов, т.е. с литературными дарованиями, присущими весьма редким тогда литераторам – эрудитам, его современникам. Константин был менее учен, чем – кто? менее образован, чем – кто? Ведь он и сам не претендовал на то, чтобы встать вровень с окружавшими его интеллектуалами, хотя и считал идеальным положение дел, когда повелитель империи знает прошлое и порядки в своем царстве лучше своих царедворцев и подданных (Проземий. 6–8, 12–14; гл. 1.4–15; 30.2–5)²⁷⁸.

Вслед за зарубежной историографией в отечественной литературе в последние десятилетия сообщениям трактата «Об управлении империей» также стали уделять больше внимания, чем ранее, но оно еще не столь велико, как эти сведения (по крайней мере по истории народов нашей страны) того заслуживают. Будем надеяться, что нынешняя публикация возродит интерес к труду Константина VII и положит начало новому этапу углубленной источниковедческой работы над этим драгоценным для науки памятником.

БИБЛИОГРАФИЯ

АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск

Барынина О.А. Русско-византийская историко-словарная комиссия: историческая лексикография в отечественном византиноведении 1920-х годов // ВВ. 2004. Т. 63.

Бибиков М.В., Петрухин В.Я. [Рец. на:] Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. 1 // Славяноведение. 1995. № 5. С. 112–119.

ВВ – Византийский временник. М.

ВИИНЈ – Византијски извори за историју народа Југославије / Обрадио Б. Ферјанчић. Београд. 1959. Т. II.

²⁷⁷ Впрочем, А.П. Каждан, не отрицая появления новых веяний в духовной жизни империи в это время, считает неправомерным употребление здесь лишь термина «гуманизм», принятого в науке для обозначения совершенно иных реалий в культуре, наступивших спустя полутысячелетие (ODB. Vol. 1. P. 955 ff.; Vol. 3. P. 1783 ff.). Ср.: *Медведев И.П.* Византийский гуманизм; *Speck P.* Die byzantinische Renaissance.

²⁷⁸ Согласно ставшему нам известным совсем недавно свидетельству Г.А. Ильинского (оно высказано в статье, опубликованной в мало доступном издании), уже крупнейший русский славист Т.Д. Флоринский почти столетие назад решительно выступал против гиперкритиков при оценке значения труда «Об управлении империей» как исторического источника. См.: *Ильинский Г.А.* Т.Д. Флоринский как историк славянства (К десятилетию со дня его смерти) // Славянски глас. София, 1929. Кн. 3/4 (перепечатка: ВВ. 2006. Т. 65 (90). С. 325–332). Т.Д. Флоринский был расстрелян чекистами как заложник в 1919 г., а в 1937 г. его судьбу разделил и Г.А. Ильинский.

- Каждан А.П.* История византийской литературы (850–1000 гг.). СПб., 2012.
- КБ – *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989 (Древнейшие источники по истории народов СССР) (2-е изд., 1991).
- КБ перевод – *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Пер. Г.Г. Литаврина // Развитие энического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. Приложение. М., 1982.
- КП – *Константин Порфирородный*. Об управлении империей // Византийские источники об Армении и армянах / Пер., предисл. и примеч. Р.М. Бартияна. Ереван, 1970. Т. 2. С. 3–30 (на арм. яз.).
- Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
- Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081. М., 1977.
- Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999.
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь. СПб., 2000.
- Литаврин Г.Г.* Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 11–47.
- Литаврин Г.Г.* Из комментария к 49-ой главе труда Константина Багрянородного «Об управлении империей» // BYZANTINA. 1985. Т. 13. Р. 1349–1353.
- Литаврин Г.Г.* Константин Багрянородный о Болгарии и болгарях // Сб. в чест на академик Димитър Ангелов. София, 1994. С. 30–37.
- Литаврин Г.Г.* Константин Багрянородный о храмах Далмации // Образ Византии. М., 2008. С. 251–256.
- Литаврин Г.Г.* Малоизвестные свидетельства о походе князя Игоря на Византию в 941 году // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 138–144.
- Литаврин Г.Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 198–217.
- Литаврин Г.Г.* Пелопоннесская магнатка Данилиха: легенда и действительность // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию В.В. Седова. М., 2004. С. 20–26.
- Литаврин Г.Г.* Политическая теория в Византии с середины VII до начала XII в. // Культура Византии. М., 1989. С. 59–88.
- Литаврин Г.Г.* Проблема государственной собственности в Византии X–XI вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 51–77 (переизд.: *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. С. 8–37).
- Литаврин Г.Г.* Русско-византийские связи в середине X в. // ВИ. 1986. № 6. С. 41–52.
- Литаврин Г.Г.* Славинии VII–IX вв. – социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 193–203 (переизд.: *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. С. 518–526).
- Литаврин Г.Г.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки. М., 1982. С. 71–92.
- Литаврин Г.Г.* Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII – начало XI в.) // Раннефеодальные государства на Балканах. VII–XII вв. М., 1985. С. 132–188 (переизд.: *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. С. 237–284).
- Любарский Я.Н.* [Рец. на:] Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991 // ВИ. 1992. № 2–3.
- Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.
- Острогорски Г.* Порфириогенитова хроника српских владара и њени хонолошки подаци // *Острогорски Г.* Сабрана дела. Београд, 1970. Књ. 1. С. 79–86.
- Прод. Феоф. – Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подготовил Я.Н. Любарский. М., 1992.

- Пселл. Краткая история – *Михаил Пселл. Краткая история / Пер., ст. и примеч. Д.А. Черноглазова и Д.Р. Абдрахмановой // Михаил Пселл. Хронография. Краткая история. СПб., 2003. С. 302–351 (текст), 352–366 (примечания).*
- Пселл. Хронография – *Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и примеч. Я.Н. Любарского // Михаил Пселл. Хронография. Краткая история. СПб., 2003. С. 7–201 (текст), 202–238 (примечания), 239–289 (статья), 290–301 (указатель).*
- Свод – Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I; 1995. Т. II.
- Феоф. – *Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана. «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М., 1980.*
- Шевченко И. Перечитывая Константина Багрянородного // ВВ. 1993. Т. 54. С. 6–39.*
- Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète // ТМ. 1967. Т. 2. P. 393–404.*
- Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975.*
- Ahrweiler H. Κωνσταντίνος Ζ' Πορφυρογένητος και η Κωνσταντινεία ιδεολογία // Constantinus VII Porphyrogenitus and his Age. Athènes, 1989.*
- Browning R. The Language of Byzantine Literature // The «Past» in Medieval and Modern Greek Culture (BYZANTINA KAI METABYZANTINA. 1). Malibu, Ca., 1978. P. 103–133 = Greek Literature: Greek Literature in the Byzantine Period / Ed. G. Nagy. L., 2001.*
- Bréhier L. Les institutions de l'Empire byzantin. P., 1949.*
- Brokkaar W.G. Basil Lecapenus. Byzantium in the Tenth Century // Studia byzantina et neohellenica. Leiden, 1972.*
- Browning R. The Language of Byzantine Literature // The «Past» in Medieval and Modern Greek Culture (BYZANTINA KAI METABYZANTINA. 1). Malibu, Ca., 1978. P. 103–133 = Greek Literature: Greek Literature in the Byzantine Period / Ed. G. Nagy. L., 2001.*
- Browning R. Medieval and Modern Greek. Cambridge etc., 1983².*
- Bury J.B. The Cerimonial Book of Constantine Porphyrogenetos // EHR. 1907. Vol. 22. No. LXXXVI. P. 209–227; 417–439.*
- Bury J.B. The Treatise De administrando imperio // BZ. 1906. Bd. 15. P. 517–577. Byz. – Byzantion. Bruxelles.*
- Byzantine Diplomacy. Papers from the 24th Symposium of Byzantine Studies / Ed. by J. Shepard and S. Franklin. Cambridge, 1992.*
- Byzantiner – Die Byzantiner und ihre Nachbarn. Die De administrando imperio gennante Lehrschrift des Kaisers Konstantinos Porphyrogenetos für seinen Sohn Romanos / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von K. Belke und P. Soustal. Wien, 1995.*
- Const. – Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus et De administrando imperio / Recognovit I. Bekkerus. Bonnae, 1840. Bd. I–III.*
- Const. De contion. milit. –Vári R. Zum historischen Exzerptenwerke des Konstantinos Porphyrogenetos // BZ. 1908. 17. Bd. S. 75–85.*
- Const. De exped. – см.: Const. Three Treatises.*
- Const. De imag. Edess. – Dobschütz E. von. Christusbilder. Untersuchungen zur christlichen Legende. Lpz., 1899. S. 38**–84**.*
- Const. Or. ad milites // Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantine Porphyrogénète // ТМ. 1967. Т. 2. P. 393–404.*
- Const. Three Treatises – Constantini Porphyrogeniti Tres tractatus de expeditionibus militaribus imperatoris / Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on Imperial Military Expeditions / Introduction, Edition, Translation and Commentary by J.F. Haldon (CFHB. Vol. XXVIII). Wien, 1990.*
- Const. Transl. Gregor. Theolog. – Flusin B. Le panégyrique de Constantin VII Porphyrogénète pour la translation des reliques de Grégoire le Théologien // REB. 1999. Т. 57. P. 40–81.*

- Constantine VII Porphyrogenitus and his Age. Second International Byzantine Conference / Ed. A. Markopoulos. Athens, 1989.
- Dagron G.* L'organisation et le déroulement des courses d'après le *Livre des cérémonies* // TM. 2000. T. 13. P. 3–200.
- Dagron G.* Nés dans la pourpre // TM. 1994. T. 12. P. 105–142.
- Dagron G.* Trônes pour un empereur // *Byzantium: State and Society*. In Memory of Nikos Oikonomides. Athens, 2003.
- DAI – *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik, Engl. transl. by R.J.H. Jenkins. Budapest, 1949.
- DAI. I – *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. transl. by R.J.H. Jenkins. New revised edition. Washington, 1967. Vol. I (repr.: 1985, 2009).
- DAI. II – *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Commentary by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. L., 1962. Vol. II (repr.: 1985, 2006).
- Darrouzès J.* Epistoliers byzantins du Xe siècle. P., 1960.
- De cerim. – *Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo* / E rec. Io. Iac. Reiskii. Bonnae, 1829. T. I (CSHB).
- De them. – *Costantino Porphyrogenito*. De thematibus / Introduzione, testo critico, comm. a cura di A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952.
- Fenster E.* [Рец. на]: DAI. I. 1967 // BZ. 1970. Bd. 63. S. 73–75.
- Glykatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration byzantine de l'empire byzantin aux IXe–XIIe siècles // BCH. 1960. T. 84. P. 1–111.
- Jenkins R.J.H.* General Introduction I // DAI. I. P. 7–14.
- Jenkins R.J.H.* General Introduction II // DAI. II. P. 1–8.
- Kaiserin Theophanu. Begegnung des Ostens und Westens um die Wende des ersten Jahrtausends. Colloquium / Hrsg. A. von Euw und P. Schreiner. Köln, 1991. Bd. 1–2.
- Karayannopoulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959.
- Καραγιαννόπουλος Γ.* Ιστορία Βυζαντινού κράτους. Θεσσαλονίκη, 1981. Τ. Β'.
- Konstantakopulu A.* Χώρος και εξουσία στο έργο του Κωνσταντίνου Πορφυρογεννίτου. Περί των θεμάτων πρὸς τὸν ἴδιον υἱὸν Ῥωμανόν // Space and History. Proceedings of the Skopelos Symposium (September 1987). Thessaloniki, 1989. P. 113–129.
- Korres F.* 'Ο προβληματισμός γύρω ἀπὸ τὸ ὑγρὸ πῦρ τῶν Βυζαντινῶν // Βυζαντιακά. 1983. Τ. I.
- Korres F.* Υγρὸν πῦρ. Ἐνα ὄπλο τῆς Βυζαντινῆς ναυτικῆς τακτικῆς. Θεσσαλονίκη, 1985.
- Košćak V.* Pripadnost istočne obale Jadrana do splitskih sabora 925–928 // HZ. 1980–1981. God. 33–34. S. 323–328.
- Košćak V.* Dolazak Hrvata // HZ. God. 40. 1987. S. 349–365.
- Koukoules Ph.* [Рец. на]: DAI. I // ΕΕΒΣ. 1950. Τ. 20. Σ. 343–347.
- Κουταβα-Δεληβορια Β.* 'Ο γεωγραφικὸς κόσμος τοῦ Κωνσταντίνου Πορφυρογεννήτου καὶ ἡ χαρτογραφικὴ ἀποτύπωσις τοῦ // *Constantinus VII Porphyrogenitus and his Age*. P. 69–78.
- Krumbacher K.* Beiträge zur einer Geschichte der griechischen Sprache // KZ. 1885. Bd. 27. S. 481–545.
- Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). München, 1897².
- Krumbacher K.* Die griechische Literatur des Mittelalters // Die Kultur der Gegenwart. Ihre Entwicklung und ihre Ziele. T. I. Abt. VIII. Die griechische und lateinische Literatur und Sprache. Berlin; Leipzig, 1907².
- Κυριακίδης Σ.Π.* [Рец. на]: DAI. I // Ἑλληνικά. 1958/9. Τ. 16. Σ. 380–386.
- Lemerle P.* L'encyclopédisme à Byzance à l'apogée de l'Empire, et particulièrement sous Constantin VII Porphyrogénète // Cahiers d'histoire mondiale. 1966. T. 9/3. P. 596–616.

- Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971.
- Listes – *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972.
- Liudpr. Antap. – Liudprandi Antapodosis // Liudprandi episcopi Cremonensis Opera omnia / Recog. I. Bekker. Hannoverae, Leipzig, 1915 (MGH SS rerum Germanicarum. T. 41).
- Λούγγης Τ.* Κωνσταντίνου Ζ΄ Πορφυρογεννήτου Δε αδμιστρανδο μπεριο (Πρὸς τὸν ἴδιον υἱὸν Ῥωμανόν) δια μέθοδος ἀνάγνωσης (Ἡταιρεία Βυζαντινῶν Ἐρευνῶν). Θεσσαλονίκη, 1990.
- Λουγγης Τ.* Η ιδεολογία της Βυζαντινής ιστοριογραφίας. Ἀθήναι, 1993.
- MacCormick M.* Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval World. Cambridge, 1986.
- Macrides R.* Dynastic Marriages and Political Kinship // Byzantine Diplomacy. Papers from the Twenty-Fourth Symposium of Byzantine Studies / Ed. J. Shepard and S. Franklin. Cambridge, 1992.
- Mango C.* Byzantine Literature as a Distorting Mirror. Inaugural Lecture. University of Oxford. May 1974. Oxford, 1975.
- Mango C.* Byzantium and its Image. L., 1984.
- Μαρκόπουλος Ἀ.* Ἰωσήφ Βρίγγας // Σύμμεικτα. Ἀθήναι, 1981. Τ. 4. Σ. 34–95.
- Μαρκόπουλος Ἀ.* Οἱ διανοούμενοι καὶ τὸ περιβάλλον τοῦ Κωνσταντίνου Πορφυρογεννήτου // Constantine VII Porphyrogenitus and his Age. Σ. 155–164.
- Me – Constantini Imperatoris Porphyrogeniti De Administrando Imperio: ad Romanvm F. / Ioanes Mevrsivs primus vulgavit, Latinam interpretationem, ac Notas adjecit. Lvgdvni Batavorvm: Ex officinâ typographicâ Ioannis Balduini, impensis verò Ludovici Elzeviri. 1611. Конъектуры внесены в текст.
- Mondrain B.* La lecture du De administrando Imperio à Byzance au cours des siècles // TM. 2002. T. 14. P. 485–498.
- Μορ. – см.: DAI. I.
- Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. B., 1958 (Nachdr. 1983). Bd. I–II.
- Moravcsik Gy.* Critical Introduction // DAI. 1967. Vol. I. P. 15–39.
- Moravcsik Gy.* Grammatical Notes // DAI. 1967. Vol. I. P. 333–336.
- Moravcsik Gy.* Studia byzantina. Budapest, 1967.
- Moravcsik Gy.* Τὰ συγγάμματα Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου ἀπὸ γλωσσικῆς ἀπόψεως // Studi Bizantini e Neoellenici. 1939 (Atti del V Congresso Intern. di studi bizantini, Roma, 20–26 Sett. 1936). T. V. Σελ. 514–520.
- Μπούρα Α.* Ὁ Βασίλειος Λεκαπηνός παραγγελιοδότης ἔργων τέχνη // Constantine VII Porphyrogenitus and his Age. P. 397–434.
- MSHSM – Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium
- Norden Ed.* Die antike Kunstprosa. Leipzig, 1898. Bd. I–II.
- Nov. Emp. Mac. – *Svoronos N.* Les nouvelles des empereurs Macédoniens. Athènes, 1994.
- Nov. Leon. – *Noaille P., Dain A.* Les Nouvelles de Léon VI le Sage. P., 1944.
- Nystazopoulou-Pélékidou M.* Constantinople centre de pouvoir et d'autorité // BYZANTIKA. 1985. T. 5. Σ. 19–32.
- Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe: 500–1453. L., 1971.
- Obolensky D.* The Principles and the Methods of Byzantine Diplomacy // XIIe Congrès International des études byzantines. Ochrid, 1961.
- ODB – Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. in chief A. Kazhdan. Oxford. 1992. Vol. 1–3.
- Oikonomidès N.* La cronologia dell'incoronazione dell'imperatore bizantino Costantino VIII (962) // Studi Salentini. 1965. T. 19. P. 173–176.
- Oikonomidès N.* Les listes – см. Listes.
- Ostrogorsky G.* Die byzantinische Staatenhierarchie // SK. 1936. T. 8. S. 41–61.
- Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963³.

- Pieler P.E.* Ἡ συμβολή του Κωνσταντίνου Πορφυρογεννήτου στή νομική φιλολογία // Constantine VII Porphyrogenitus and His Age.
- Psell.* Chronographia – *Michel Psellos.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et trad. Par E. Rénault. P., 1926–1928. T. 1–2.
- Psell.* Historia – *Michaelis Pselli* Historia Syntomos / Editio princeps, recensuit, Anglice vertit et commentario instruxit W.J. Aerts. Berolini, 1990.
- Rhetoric in Byzantium: Papers from the Thirty-fifth Spring Symposium of Byzantine Studies, Exeter College, University of Oxford, March 2001 / Ed. E. Jeffreys. Aldershot, 2003.
- Runciman S.* Emperor Romanus Lecapenus and His Reign. A Study of Tenth-Century Byzantium. Cambridge, 1929.
- Ševčenko I.* Byzanz und der Westen im 10. Jahrhundert // Kunst im Zeitalter der Kaiserin Theophanu / Hrsg. von A. von Euw und P. Schreiner. Colloquium. Köln, 1993.
- Ševčenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977.
- Ševčenko I.* Levels of Style in Byzantine Prose // XVI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. Akten. Wien, 1981. Bd. I/1. S. 289–312.
- Ševčenko I.* Poems on the Deaths of Leon VI and Constantine VII in the Madride Manuscript of Scylitzes // DOP. 1969/70. Vol. 23/24. P. 187–228.
- Ševčenko I.* Re-reading Constantine Porphyrogenitus // Byzantine Diplomacy. Papers from the Twenty-Fourth Symposium of Byzantine Studies / Ed. J. Shepard J. and S. Franklin. Cambridge, 1992. P. 167–195.
- Shepard J.* Byzantine Diplomacy, A.D. 800–1204: Means and Ends // Byzantine Diplomacy. Papers from the 24th Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, March 1990 / Ed. by J. Shepard, S. Franklin. Altershot, 1992. P. 41–71.
- Shepard J.* Byzantium and the West // The New Cambridge Medieval History. Cambridge, 2000. Vol. III. P. 605–623.
- Shepard J.* Constantine VII's Doctrine of 'Containment' of the Rus // ΓΕΝΝΑΔΙΟC. M., 1999. C. 264–283.
- Shepard J.* Information, Disinformation and Delay in Byzantine Diplomacy // BF. 1985. Bd. 10. P. 233–293. ВСТ.СТ.
- Shepard J.* A Marriage Too Far? Maria Lakapena and Peter of Bulgaria // The Empress Theophano: Byzantium and the West at the Turn of the First Millennium / Ed. A. Davids. Cambridge, 1995. P. 121–149.
- Signes Codoñer J.* Algunas consideraciones sobre la autoria del Theophanes Continuatus // Erytheia. Salamanca, 1989. Vol. 10. P. 17–28.
- Signes Codoñer J.* El «De administrando imperio» de Constantino Porfirogeneto: Problemas de estructuras y concepcion de la obra. Maschinschrift. Diplomarbeit (Memoria de Licenciatura). Salamanca, 1989.
- Sode Cl.* Untersuchungen zu *De administrando imperio* Kaiser Konstantins VII. Porphyrogennetos // PIB. 1994. Bd. 13 (Varia V). S. 147–260.
- Speck P.* Die byzantinische Renaissance und das klassische Altertum // Byzantium. Essays in Honor of George T. Dennis. Washington, 1995. P. 17–25.
- Speck P.* Ich bin's nicht. Kaiser Konstantin es gewesen: Die Legenden vom Einfluss des Teufels, des Juden und des Muslem auf den Ikonoklasmus. Bonn, 1990 (PIB. Bd. 10).
- Speck P.* Über Dossiers in byzantinischer antiquarischer Arbeit, über Schulbücher für Prinzen sowie zu einer Seite frisch edierten Porphyrogennetos // PIB. 1991. Bd. 11 (Varia 3). S. 269–291.
- Theod. Daphn. Ep. – Théodore Daphnopatès. Correspondance / Ed. J. Darrouzès et L.G. Westerink. P., 1978.
- Theoph. Chron. – Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1883.
- Theoph. Cont. – Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 1–148 (CSHB).

- Theoph. Fragm. – Theophanis Byzantini Fragmenta // HGM. Lipsiae, 1870. Vol. I. P. 466–449.
- Theoph. Sim. – Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. de Boor. Ed. correctiorem curavit P. Wirth (Ed. stereotypa ed. 1887). Stuttgart, 1972.
- Thierry M. Notes de géographie historique sur le Vaspourakan // REB. 1976. T. 34. P. 159–173.
- Thietm. – Die Chronik Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / Hrsg. von R. Holtzmann. B., 1935 (MGH SS rer. Germ. NS. Bd. 9).
- Thom. Archidiac. – *Foma Archidiakon*. Kronika. Split, 1960.
- Thomsen W. The Relations between Ancient Russia and Scandinavia. Oxford, 1877.
- Thumb A. Beiträge zur neugriechischen Dialektkunde I // IF. 1893. Bd. II. S. 65–124; II // IF. 1897. Bd. VII. S. 1–36.
- Thumb A. Die griechischen Lehnwörter im Armenischen // BZ. 1900. Bd. IX. S. 388–452.
- Thumb A. Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Strassburg, 1901.
- Thumb A. Handbuch der neugriechischen Volkssprache. Strassburg, 1910.
- Thunmann J. Die Taurische Statthalterschaft oder die Krim // *Büsching A.F.* Erdbeschreibung. Teil I. 1787⁸.
- Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Leipzig, 1774. Teil 1.
- Tille V. Svatopluk et la parabole du viellard et de ses enfants // *Revue des études slaves*. 1925. T. 5. P. 82–84.
- Tinnefeld F. Byzantinische auswärtige Heiratspolitik vom 9. zum 12. Jahrhundert. Kontinuität und Wandel der Prinzipien und der praktischen Ziele // *Byzantium and its Neighbours from the Mid-Ninth till the Twelfth Centuries*. Prag, 1993 (BS. T. 54/1). S. 21–28.
- TM – Travaux et mémoires. P.
- Tokhtas'ev S.R. Epigraphical Notes // *ACSS*. 2005. Vol. 11/1–2. P. 3–40.
- Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter // *Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse*. 1891. Bd. 124. Abh. VIII.
- Toumanoff C. *Studies in Christian Caucasian History*. Georgetown, 1963.
- Toynbee A. *Constantine Porphyrogenitus and his Word*. L., 1973.
- Tract. Philoth. – *Listes*. P. 65–235.
- Tradition als historische Kraft. B.; N.Y., 1982.
- Trapp E. Learned and Vernacular Literature in Byzantium: Dichotomy or Symbiosis? // *DOP*. 1999. Vol. 47. P. 115–129.
- Treadgold W. *The Byzantine Revival. 780–842*. Stanford (Calif.), 1988.
- Treadgold W. *History of the Byzantine State and Society*. Stafford, 1997.
- Treitinger O. *Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell*. Darmstadt, 1956.
- Τρωϊανος Σπ.Ν. Η προβληματική τῆς νομικῆς γραμματείας τὴν ἐποχὴ τοῦ Πορφυρογεννήτου κατὰ τὴ νεώτατη ἔρευνα □ // *Constantinus VII Porphyrogenitus and his Age*.
- Vademecum – Beck H.-G. *Vademecum des byzantinischen Aristokraten*. Graz; Wien; Köln, 1956.
- Voordeckers E. [Рец. на: Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II] // *Slavica Gandensia*. 1995. Т. 22.
- Χρισός Εὐ. Ἡ βυζαντινὴ ἐπικράτεια καὶ τὰ σύνορα τῆς Αὐτοκρατορίας (Σχόλιο στό ΔΑΙ, κεφ. 45. Περὶ Ἰβήρων) // *Constantine VII Porphyrogenitus and his Age*. P. 15–24.
- Χρυσός Εὐ. Ο πόλεμος ἐσχάτη λύση // *Byzantium: State and Society*. In *Memory of Nikos Oikonomides*. Athenes, 2003.
- Yannopoulos P. Constantin Porphyrogénète et Théophane le Confesseur // *Byz*. 2005. T. 75. P. 362–372.
- Yannopoulos P.A. Histoire et légende chez Constantin VII // *The 17th International Byzantine Congress. Abstracts of Short Papers*. Washington, 1986. P. 158–166.

Yannopoulos P.A. Vérité et diplomatie chez Constantin Porphyrogénète. A propos d'un passage de DAI // *Le Muséon*. 1987. T. 100. P. 397–406.

Zakythinos D.A. Byzantinische Geschichte. 324–1071. Wien; Köln; Graz. 1979.